

Д-10349

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ СЛУЖИЛОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЕГО РОЛЬ ВЪ ОБСЛѢДОВАНИИ И ЗАНЯТИИ РУССКИМИ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗІИ

(къ исторіи трехсотлѣтней службы сибирскихъ казаковъ).

Проверка

Часть 1-я.

Проверка

XVI и XVII столѣтій.

По архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ

Составилъ Катаноевъ.

Проверка
1950

Исторический кабинет
Уч-го Каз.

Типогр. Штаба Сибирскаго военного округа.

189

Проверено
2007

Д-10349.

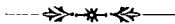
Штат
1-го
4/11

Печатано съ разрѣшенія Степного Генераль-Губернатора, Командующаго войсками Сибирскаго
военнаго округа и Войсковаго Наказнаго Атамана Сибирскаго казачьяго войска.

ВВЕДЕНИЕ

О СИБИРСКИХ КАЗАКАХ И ДРУГИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЯХ НЕРЕГУЛЯРНАГО КАЗАЦКАГО ЧИНА.

Въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и въ первую половину восемнадцатаго столѣтїя, всѣ военно-служащіе въ Сибири назывались общимъ именемъ *служилыхъ людей*; въ частности-же всѣ служилые люди подраздѣлялись на дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, служилыхъ татаръ и казаковъ разныхъ наименованій. Послѣдніе составляли главную массу сибирскаго служилаго люда, особенно въ первые два изъ названныхъ столѣтїй; такъ что слова „казакъ“ и „служилый человекъ“ на языкѣ и въ понятїяхъ того времени были какъ бы синонимами, и потому часто даже въ официальныхъ документахъ замѣнялись одно другимъ.

Общее названіе этихъ казаковъ было: „сибирскій казакъ“; въ частности-же они подраздѣлялись на болѣе или менѣе многолюдныя группы: по городамъ и мѣстностямъ, къ которымъ были приписаны, по роду относимой ими службы и по происхожденію. Такимъ образомъ, на примѣръ, были Тобольскіе, ядромъ которыхъ послужила такъ

Примѣчаніе. Первые главы настоящаго труда были уже частью напечатаны, въ нѣсколько иномъ видѣ, въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1893-й годъ подъ названіемъ: „Еще объ Ермакѣ и его Сибирскомъ походѣ“ и „Киргизскія степи, Средняя Азія и Сѣверный Китай въ XVII и XVIII столѣтїяхъ, по показанїямъ, развѣдкамъ, добѣжимъ записямъ, отчетамъ и изслѣдованїямъ западно-сибирскихъ казаковъ и прочихъ служилыхъ сибирскихъ людей“. Продолженіе этихъ главъ, по разнымъ обстоятельствамъ не могло появиться въ тѣхъ-же „Запискахъ“ названнаго Отдѣла Географическаго Общества. Въ виду этого, передѣлавъ ихъ значительно и дополнивъ соотвѣтственно задачамъ настоящаго изданія, я позволяю себѣ предложить ихъ вниманію читателей вновь, вмѣстѣ съ послѣдующими совершенно новыми главами моего труда, выясняющаго, по мѣрѣ возможности, роль западно-сибирскихъ казаковъ въ обслѣдованїи и занятїи Сибири и Средней Азіи, не только въ XVII и XVIII столѣтїяхъ, какъ было намѣчено въ началѣ, но и за все время нашего знакомства съ этими странами, начиная съ XVI-го и кончая XIX столѣтїемъ.

Г. КАТАНДВЪ.

II.

называемая „старая сотня“ оставшихся въ живыхъ сподвижниковъ Ермака, Тюменскіе, Пелымскіе, Березовскіе, Томскіе, Кузнецкіе городовые казаки; когда же съ начала XVIII столѣтія вновь возводимыя на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ русскія поселенія вмѣсто городковъ и острожковъ стали именоваться „крѣпостями“, то и водворяемые въ нихъ казаки стали именоваться *крѣпостными*; таковы напримѣръ—Омскіе, Желѣзинскіе, Ямышевскіе, Семипалатинскіе, Устькаменогорскіе крѣпостные казаки. По мѣрѣ сплоченія разбросанныхъ по разнымъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ въ болѣе многочисленныя группы по линіямъ и дистанціямъ и казаки ихъ населявшіе стали именоваться по тѣмъ линіямъ и дистанціямъ,—таковы Иртышскіе крѣпостные казаки, Колыванскіе (нынѣ Бійскіе), Кузнецкіе, Ишимскіе, Тарскіе (нынѣшняя Горькая линія), Тобольскіе (нынѣшняя Прѣсновская и Прѣсногорьковская ставицы) и проч. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда всѣ крѣпостные казаки и большая часть выдворенныхъ на линіи городовыхъ тобольскихъ, тарскихъ, тюменскихъ, томскихъ казаковъ поступили подъ одну общую команду или атаманство, проживавшаго въ Омской крѣпости войскового атамана, они стали называться собирательнымъ именемъ „сибирскихъ линій казаковъ“. Когда же въ началѣ текущаго столѣтія сплоченіе разбросанныхъ по разнымъ западно-сибирскимъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ закончилось сформированіемъ изъ нихъ на линіяхъ 10-ти конныхъ полковъ и двухъ конныхъ же батарей, они образовали „Сибирское линейное казачье войско“, переименованное въ 1861 году, со включеніемъ въ него всѣхъ остатковъ тобольскихъ, томскихъ и сургутскихъ городовыхъ казаковъ, просто въ „Сибирское казачье войско“.

По роду относимой казаками службы, они дѣлились на *тышнихъ* и *конныхъ*. Ермакъ и его сподвижники—всѣ были пѣшіе; по необходимости быстрыхъ передвиженій и погони за коннымъ непріателемъ по его „сакмамъ и воровскимъ перелазамъ“ заставили въ первые-же годы водворенія въ Сибири казаковъ, обратить ихъ въ конные, а затѣмъ, постепенно увеличивая число конниковъ, обратить и всѣхъ казаковъ въ конные. Крѣпостные и линейные казаки съ самаго ихъ образованія были уже конные. Служившіе при пушкахъ казаки назывались „пушкарями“, а тѣ, которые блюди за исправностью и охраною острожныхъ или крѣпостныхъ входовъ, насыпей и тына,—„затинщиками“ и „воротниками“. Въ каждомъ городѣ или

III.

острогѣ были свои конные и пѣшіе казаки, свои пушкарѣ, затынщики и воротники. Тѣ-же казаки несли за неимѣніемъ специалистовъ морскаго или рѣчнаго дѣла и такъ называемыя „*стружину*“ и „*мажину*“ службы. Строгаго подраздѣленія на специальности военнаго дѣла, ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ столѣтіяхъ еще не было, почему одни и тѣ-же люди, смотря по надобности, исполняли то ту, то другую, то третью изъ специальныхъ военныхъ службъ. Въ челобитныхъ и донесеніяхъ за то время, постоянно встрѣчаются перечисленія службъ въ родѣ слѣдующаго: „И былъ я, Государь, во всякихъ твоихъ службахъ и въ службашкахъ и въ пѣшей, и въ конной, и въ лыжной, и въ стружной, и въ пушкаряхъ, и въ затынщикахъ, и у строенія остроговъ, и у сбора Твоего, Государева, ясака, и въ толмачахъ, и въ жожахъ, и у провѣдыванія новыхъ земель, и у подведенія невѣрныхъ подъ Твою высокую руку“ и т. д.

Недостатокъ специальныхъ родовъ оружія восполнялся, на сколько возможно, подборомъ, или „приборомъ“ въ служилые люди, не только начальническаго, но и рядоваго званія, всякаго рода „видальцевъ“ и „бывальцевъ“, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Въ противоположность „вольному“ Донскому, Яицкому и Запорожскому казачеству, пополнявшемуся по вольной волѣ всякими бѣглыми и недовольными московскими порядками людьми, сибирское „служилое“ казачество комплектовалось исключительно по Царскому указу и воеводскому наказу, не только нарядомъ потребныхъ людей, но и прямо ссылкой въ Сибирь какъ преступниковъ, такъ и всякаго рода плѣнныхъ „черкасъ“ (малороссовъ и запорожцевъ), „литвы“ (поляковъ) и „нѣмцевъ“. Составъ сибирскихъ служилыхъ людей, можно сказать, переполненъ былъ всякими иноземцами, до „французанъ“ включительно. Поляки даже составляли особыя команды „казаковъ литовскаго списка“; „черкасы“ также. Разъ попавши въ казаки, эти иноземцы обыкновенно навсегда въ казакахъ и оставались со всѣмъ своимъ потомствомъ, принимавшимъ православіе и мѣнявшимъ даже свою фамилію; Янъ Березуцкій, напрямѣрь, дѣлался Иваномъ Березовскимъ, Іозефъ Кобылянскій—Осипомъ Кобылянымъ или даже просто Оськой Поляковымъ, Панковымъ, Литвиновымъ и т. д. Малороссы или черкасы переименовывались въ Черкасовыхъ, Хохловыхъ, Подольскихъ и проч. Сосланный въ 1618 г. и поверстанный въ темскіе казаки запорожскій атаманъ Михайло

Скиба, обратился въ Михалку Скибина. Въ 1619 году поверстано въ пѣшіе казаки 40 „выѣзжихъ запорожскихъ черкасъ“. Не прекращалась подобная высылка и зачисленія иноземцевъ и въ болѣе позднія времена, напр. въ 1770 г., когда въ сибирскіе линейные казаки были зачислены 137 запорожцевъ, захваченныхъ съ Желѣзнякомъ и Швачкою послѣ Уманьской рѣзни въ польской Украинѣ; при этомъ запорожець Иванъ Найда обратился въ Ваньку Найдина, Грицко Таранъ—въ Гришку Таранова, Петро Бородавка—въ Петуньку Бородавкина, Иванъ Негода—въ Негодина, Задирака—въ Задиракина, Денисъ Носъ—въ Носова и т. д. Не мало попало въ линейные сибирскіе казаки и сосланныхъ въ Сибирь за то-же время и польскихъ конфедератовъ. Въ 1813 году сюда-же выслано болѣе сотни польскихъ плѣнныхъ „великой арміи“ Наполеона I-го. Сотни польскихъ и малороссійскихъ фамилій, встрѣчающихся и по сіе время въ средѣ современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ, показываютъ, что иноземное дерево, посаженное на здѣшнюю почву не заглохло, а напротивъ, укоренившись дало хорошіе ростки. „И ссылаются въ Сибирь съ Москвы и изъ городовъ (писаль извѣстный Котошихинъ въ своей книгѣ) на вѣчное житіе всякаго чина люди за вѣны; а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ (т. е. въ сибирскихъ) городахъ верстають въ службы, *смотря по человѣку*, въ дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы». Грамотные и многобывалые люди при зачисленіи въ службу цѣнились всегда высоко и получали болѣе видныя назначенія въ качествѣ казацкихъ или стрѣлецкихъ и татарскихъ пятидесятниковъ, сотниковъ, атамановъ и головъ.

Служилые дворяне и дѣти боярскіе въ Сибири, не составляя особо организованнаго рода войска или сословія, служили, какъ сказано, съ тѣми-же казаками и стрѣльцами въ качествѣ болѣе или менѣе начальственныхъ людей; многіе изъ нихъ совмѣстно съ званіемъ дворянина или боярскаго сына, носили и званіе казацкихъ или стрѣлецкихъ головъ и атамановъ. Въ свою очередь и казаки со стрѣльцами «за свои и своихъ предковъ службы» нерѣдко жаловались въ дѣти боярскія и дворяне. Исторію нѣкоторыхъ изъ старинныхъ казачьихъ родовъ можно прослѣдить по архивнымъ документамъ и челобитнымъ; при чемъ оказывается, на примѣръ, что прадѣдъ челобитчика былъ зачисленъ въ казаки «по прибору» изъ «гулящихъ людей»; сыновья его, одинъ служить казакомъ-же, а

другой за сверхкомплектъ и неспособностью числится до старости «въ дѣтяхъ казачьихъ»; внуки родоначальника семьи, частью продолжаютъ служить казаками-же въ рядовомъ и пятидесятничкомъ званіи, часть же за грамотность и распорядительность жалуются въ дѣти боярскія; ихъ-же дѣти или правнуки родоначальнаго казака служатъ: трое по прежнему въ казакахъ разныхъ ранговъ до атамана включительно, а четвертый, пройдя званіе десятника, пятидесятника и сотника «за многія его службы» жалуются въ дворяне съ назначеніемъ казацкимъ головою; два сына этого послѣдняго служатъ одинъ въ дѣтяхъ боярскихъ, а другой пятидесятникомъ казацкимъ и т. д.

Дворянства и казачества, какъ строго обособленныхъ сословій, въ старинной Сибири не было. Какъ казаки, такъ и дѣти боярскія, стрѣльцы и дворяне были просто служилыми людьми разныхъ ранговъ, обязанными *постоянной и безсрочной* службой «доколѣ въ силахъ», за опредѣленное (очень ничтожное) «денежное и хлѣбное жалованіе». За время нахождения при своихъ домахъ большинство ихъ довольствовалось съ своихъ же земельныхъ надѣловъ или пашень и отводныхъ луговъ. Избы или дворы, въ которыхъ эти служилые люди съ своими семьями проживали въ мѣстахъ своей приписки, были на половину не ихъ собственныя, а казенныя-же, построенныя тѣми-же служилыми людьми по наряду и располагались около остроговъ и крѣпостей особыми служилыми, стрѣleckими и казачьими слободами. Такой способъ расквартированія или размѣщенія служилыхъ людей при городахъ, острогахъ и крѣпостяхъ сохранился и въ болѣе позднее время, послѣ сформированія, взаимнѣ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ-солдатскихъ и драгунскихъ полковъ; только вмѣсто служилыхъ и стрѣleckихъ, тѣ слободки получили наименованіе солдатскихъ и драгунскихъ; въ тѣхъ-же солдатскихъ слободахъ, въ первое время по возведеніи линейныхъ крѣпостей, форпостовъ и редуговъ, помѣщались и приписанные къ тѣмъ укрѣпленіямъ казаки. Земельныя надѣлы ихъ не превышали обыкновенно шести десятинъ на душу, «дабы не отвлекать казачковъ отъ службы», также были общіе съ солдатскими пайками.

Преобразованія Петра I въ составѣ и организаціи всей русской арміи, не могли конечно не отразиться и на Сибири. И здѣсь, какъ въ Европейской Руси, первыми исчезли изъ рядовъ служилыхъ людей прежняго типа—стрѣльцы; за ними вскорѣ упраздни-

VI.

лись дѣти боярскія и дворяне; остались только одни казаки, хотя и на нихъ стремленіе обратить все прежнее служилое населеніе „въ регулярство“ отразилось, въ первое время, крайнимъ истощеніемъ служилаго состава. Всѣ вновь сформированные драгунскіе и солдатскіе полки—Тобольскій, Сибирскій и Новоучрежденный, равно какъ и гарнизонныя команды всѣхъ иртышскихъ крѣпостей, были укомплектованы исключительно тѣми-же сибирскими служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и дѣтьми казачьими. При этомъ многіе изъ дворянъ, казацкихъ и стрѣleckихъ головъ, атамановъ и сотниковъ переименовались въ полковники, полуполковники, капитаны и поручики; дѣти-же боярскія и пятидесятники казачьіе—въ сержанты и капралы, а всѣ прочіе стрѣльцы, казаки и ихъ дѣти—въ драгуны и солдаты.

Оставшіеся свободными отъ регулярства дворяне и дѣти боярскія, совмѣстно съ таковыми-же казаками вносятся, съ этого времени, въ общую рубрику „нерегулярныхъ казацкихъ чиновъ“; а къ концу XVIII столѣтія и совсѣмъ исчезаютъ изъ списковъ воинскихъ званій.

Сильно порѣдѣвшіе ряды сибирскаго казачества скоро, впрочемъ, снова укомплектовываются, какъ естественнымъ приростомъ „самихъ въ себѣ“, такъ и всякаго рода вольными и невольными (какъ сказано выше) причисленіями извнѣ; такъ что уже къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, служилый составъ ихъ вновь достигаетъ двухъ тысячъ человекъ, а къ началу текущаго столѣтія и пяти тысячъ. И замѣчательно, при этомъ, что въ противоположность тому, что дѣлалось въ началѣ XVIII столѣтія, когда по волѣ Петра I-го, такъ сказать, совсѣмъ выкуривался изъ арміи духъ казачества, къ концу того-же столѣтія, существеннѣйшимъ контингентомъ для усиленія сибирскаго казачества, послужило зачисленіе въ составъ его двухъ тысячъ солдатскихъ и драгунскихъ малолѣтокъ изъ полковъ и командъ, расположенныхъ на пограничной линіи совмѣстно съ казаками. Въ 1808 году регулярныя полки совсѣмъ выведены съ линіи и изъ Сибири внутрь Европейской Россіи, а охрана сибирской границы отъ вторженія кочевниковъ и вся внутренняя служба возложены исключительно на сибирскихъ линейныхъ казаковъ, съ предоставленіемъ за то въ ихъ исключительное пользованіе всѣхъ земельныхъ „казенныхъ“ угодій, находившихся до того времени въ пользованіи драгунъ, въ томъ числѣ и такъ называемой „десяти-

верстной полосы“ земель, тянувшихся вдоль всей линіи пограничныхъ укрѣпленій, послужившей внослѣдствіи главнѣйшимъ источникомъ для надѣленія землями сибирскихъ казаковъ и образованія вынѣшней территоріи Сибирскаго войска.

Перечисленіе всѣхъ до крайности разнообразныхъ „службъ“, которыя выпали на долю сибирскихъ казаковъ и вообще служившихъ людей нерегулярнаго строя, за ихъ болѣе чѣмъ трехвѣковую исторію, не входитъ въ задачи настоящаго труда; а потому, ограничиваясь сказаннымъ выше объ организаціи и способѣ комплектованія служившихъ людей, замѣтимъ вообще, что какъ въ первые два столѣтія ихъ самостоятельной дѣятельности, такъ и въ послѣдующую совмѣстную службу съ регулярными частями, на долю этихъ людей выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеровъ всякихъ начинаній и мѣропріятій правительства по разслѣдованію, занятію, покоренію, умиротворенію и устройству необъятной Сибири съ ея многоязычнымъ населеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать: не было такой службы, такого порученія, такого дѣла, которое-бы „волею начальства“—не возлагалось на этихъ присяжныхъ исполнителей предначертаній свыше. Многообразіе всякаго рода послугъ соединенное съ безропотностью ихъ выполненія составляетъ, можно сказать, отличительную особенность сибирскаго „служилаго“ казачества, рѣзко выдѣляющую его изъ рядовъ прочаго „вольнаго“ казачества, сложившагося въ самостоятельныя общины съ особымъ укладомъ жизни и порядковъ, шедшихъ въ XVI-мъ, XVII-мъ и частью XVIII столѣтіяхъ чаще въ разрѣзъ требованіямъ правительства, чѣмъ согласно съ ними. Но что особенно выдѣляетъ „службы“ сибирскихъ казаковъ, изъ таковыхъ-же вольно-казачьихъ,—это ихъ, такъ сказать, культурность и гражданственность. Будучи классомъ собственно военнымъ или боевымъ, сибирскіе казаки въ то-же время, по необходимости, за невозможностью замѣниться кѣмъ либо другимъ, исполняли зачастую порученія, ничего общаго съ воинскимъ дѣломъ не имѣвшія. Таковы, напримѣръ, въ длинномъ ряду всякаго рода другихъ службъ, службы „у казенной или Государевой пашни“, служба „въ толмачахъ и переводчикахъ“, служба „у провѣдыванія новыхъ земляцъ“ и составленія имъ „росписей“ и „чертежей“, „развѣдки о заграничныхъ обстоятельствахъ“, посольская служба и т. д.

Многообразіе, самостоятельность и отвѣтственность всякаго рода ближнихъ и дальнихъ командировокъ, по вѣдомымъ и невѣдо-

VIII.

мымъ, русскимъ и иноплеменнымъ краямъ обширной и далеко еще не мирной въ тѣ времена Сибири, требовало отъ тогдашнихъ казаковъ необычайной энергіи, выносливости, расторопности, находчивости, рѣшимости и даже самоотверженія, соединенныхъ съ способностью къ инициативѣ и готовностью принять на собственный страхъ и отвѣтственность всѣ послѣдствія тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій. Спрашивать постоянно начальственныхъ указаній за сотни и тысячи верстъ было нельзя; нужно было все брать на себя и брать притомъ не на день—на два, а на цѣлые мѣсяцы и годы, ибо не только дальнія, но и сравнительно ближнія командировки для «провѣдыванія новыхъ земель»,—развѣдокъ «о заграничныхъ обстоятельствахъ» и многія другія продолжались нерѣдко цѣлые годы, вдали не только отъ русскихъ, но и отъ всякихъ другихъ живыхъ людей. Требовалась наблюдательность и умѣніе не только передать или пересказать подлежащему начальству о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время продолжительныхъ странствій по пустынямъ и населеннымъ странамъ, но нерѣдко и описать все это на бумагѣ; нужно было время отъ времени давать знать далекому начальству о положеніи, въ какомъ находятся командированные, съ приложеніемъ «росписи» о всѣхъ обстоятельствахъ; нужно было, однимъ словомъ, умѣть грамотѣ, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ближайшимъ начальникамъ и при томъ не только старшимъ, но и самымъ младшимъ, такъ какъ командированные самостоятельныя партіи были въ большинствѣ случаевъ очень малы, всего въ пять, десять, двадцать человекъ.

Зная условія сибирской службы и требованія, предъявляемыя тамошнему служилому человѣку, правительство наше и сибирскіе воеводы, какъ въ московскій періодъ, такъ и въ петербургскій, всегда придавали должное значеніе надлежащему «прибору» сибирскихъ служилыхъ людей изъ «нетяглыхъ»—«добрыхъ молодцовъ къ воинскому дѣлу обычныхъ и стрѣлять умѣлыхъ»; особенно при назначеніяхъ въ должности мелкихъ начальниковъ, въ званія десятниковъ, пятидесятниковъ, дѣтей боярскихъ и т. д.

Знаніе грамоты всегда высоко цѣнилось между сибирскими служилыми людьми, прокладывая имъ дорогу ко всякаго рода служебнымъ повышеніямъ и усиленію Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованія. Отсюда понятно и то стремленіе къ верстанію въ служилые люди, въ дѣти боярскія и конные казаки всякаго рода

выбъжихъ и плѣнныхъ «черкасъ» и «литвы», какъ людей болѣе грамотныхъ, бывалыхъ и видалыхъ; понятво формированіе изъ нихъ цѣлыхъ командъ «литовскаго списка» и посылки во всякія болѣе или менѣе видныя и отвѣтственныя командировки.

Читая и просматривая сохранившіеся въ архивахъ документы за первыя столѣтія занятія русскими Сибири, поражаешься массою всякаго рода донесеній, челобитныхъ, отчетовъ, отписокъ, росписей, добъжихъ записей, сказокъ, статейныхъ списковъ, писанныхъ простыми казаками безъ посредства писарей или подъячихъ; вемало встрѣчается—приложенныхъ къ тѣмъ же донесеніямъ—чертежей, маршрутовъ, картъ пройденныхъ и осмотрѣнныхъ казаками странъ. Невольно рождается вопросъ, гдѣ, у кого и когда учились эти рядовые казаки книжному искусству въ эпоху, когда это искусство по господствовавшему до сего времени взгляду съ великимъ трудомъ давалось только духовенству, и то не всему, да профессиональнымъ дьякамъ и подъячимъ разныхъ ранговъ, когда даже для именитыхъ и титулованныхъ бояръ грамота не считалась обязательною? Приходится предположить, что или свѣдѣнія наши о поголовной, такъ сказать, безграмотности русскихъ людей допетровскаго времени недостаточно вѣрны; или, какъ сказано выше, что подборъ служилыхъ людей для Сибири былъ особенно строгъ; или что правительство и мѣстная сибирская администрація прилагали особое стараніе къ подготовкѣ грамотныхъ людей на мѣстѣ. Повидимому, всѣ эти предположенія имѣютъ свое значеніе, а сравнительное обиліе, въ средѣ сибирскихъ служилыхъ людей, если необразованныхъ, то достаточно грамотныхъ людей, есть результатъ того и другого и третьяго.

Оставляя, пока, въ сторонѣ первое и второе изъ приведенныхъ обстоятельствъ, бросимъ здѣсь лишь бѣглый взглядъ на исторію послѣдняго, т. е., на стараніе сибирскихъ властей подготовить для служебнаго поприща грамотныхъ людей. Собственно о XVII-мъ столѣтіи мы по этой части знаемъ очень мало, или лучше сказать ничего не знаемъ, такъ какъ какихъ бы то ни было общественныхъ или правительственныхъ школъ за это время въ Сибири, сколько извѣстно, еще не существовало. Не было ихъ даже и въ болѣе позднее время—во всю первую четверть XVIII столѣтія. Необходимые для службы грамотные люди комплектовались почти исключительно высылкою съ Москвы и плѣнными грамотѣми изъ черкасъ и литвы.

X.

Изъ желанія удержать въ потомствѣ пріобрѣтенное дѣдами и отцами видное служебное положеніе, учили грамотѣ своихъ дѣтей и многіе изъ служилыхъ дворянъ, головъ и атамановъ; подготовляли себѣ свѣдущихъ помощниковъ, переписчиковъ и преемниковъ также и дьяки съ подъячими, при воеводскихъ приказныхъ избахъ. Все это было однако-же болѣе или менѣе случайная подготовка. Болѣе систематически поставлено это дѣло только съ открытіемъ такъ называемыхъ «гарнизонныхъ школъ» въ Tobольскѣ и Томскѣ, имѣвшихъ цѣлью заполнить недостатокъ грамотныхъ людей въ войскахъ. Конечно, двухъ школъ было совершенно недостаточно, сравнительно съ существовавшею потребностью въ грамотныхъ людяхъ; но и ихъ вліяніе не замедлило сказаться на быстромъ повышеніи образовательнаго уровня ближайшихъ—низшихъ начальниковъ служилыхъ людей. Просматривая списки десятниковъ, капраловъ и пятидесятниковъ казацкихъ половины прошлаго столѣтія, нельзя не обратить вниманія съ одной стороны на чрезвычайно молодой составъ этихъ лицъ, а съ другой—на ихъ грамотность. Такимъ образомъ, напримѣръ, изъ списковъ старшинъ и казаковъ, находившихся въ 1761 году въ службѣ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ, видно, что къ этому году здѣсь состояло: 2607 служащихъ сибирскихъ казаковъ, при 18-ти старшинахъ офицерскаго званія и 78-ми унтеръ-офицерскаго или урядничьяго. О грамотности нижнихъ чиновъ рядоваго званія въ тѣхъ спискахъ нѣтъ свѣдѣній; изъ *урядниковъ-же* (капраловъ и пятидесятниковъ) *грамотныхъ было 47 человекъ или болѣе 60%*; *сотники же и атаманы, т. е. офицеры, все были грамотные.* Чтобы составить себѣ ясное понятіе о значеніи этихъ цифръ, достаточно сравнить ихъ съ таковыми же цифрами, выражающими грамотность у донскихъ казаковъ и башкиръ-мещеряковъ, находившихся на службѣ по тѣмъ же линіямъ и въ тотъ же 1761 годъ. Не считая нижнихъ чиновъ, оказывается, что въ этотъ годъ на нашихъ линіяхъ находилось 35 донскихъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ, изъ которыхъ умѣли *грамотъ всего только 6 человекъ, или только 17%*! Изъ состава же 9-ти башкирскихъ и мещеряцкихъ атамановъ, есауловъ и сотниковъ грамотный былъ только одинъ! Сравнивая этихъ донскихъ и оренбургскихъ офицеровъ съ сибирскими казаками нижняго или урядничьяго званія (не говоря ужъ объ офицерахъ) оказывается, что грамотность этихъ послѣднихъ, т. е. сибир-

скихъ урядниковъ, въ $3\frac{1}{2}$ раза превосходила офицерскую грамотность донскихъ казаковъ и въ $5\frac{1}{2}$ разъ башкирскихъ и мещеряцкихъ. Фактъ поистинѣ изумительный.

Съ назначеніемъ начальникомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, расположенныхъ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линияхъ дѣятельнаго и просвѣщеннаго генераль-поручика *Шпрингера*, дѣло развитія грамотности въ сибирскихъ войскахъ еще болѣе двинулось впередъ. По ходатайству его, независимо отъ Тобольской и Тарской гарнизонныхъ школъ, въ 1765 году таковыя-же были открыты и на линияхъ, въ крѣпостяхъ Омской, Петропавловской, Ямышевской и Бійской, всего на 450 школьниковъ изъ солдатскихъ дѣтей мѣстныхъ войскъ. Тогда же, впрочемъ, оказалось, что всего этого комплекта школьниковъ заполнить исключительно солдатскими дѣтьми нельзя. Съ разрѣшенія Шпрингера, въ гарнизонныя школы, охотно стали принимать и казачать. Мало того: даже начальникомъ главнѣйшей изъ школъ Омской, былъ назначенъ никто другой, какъ казакъ же, казацкій атаманъ *Анциферовъ*, изъ Желѣзенской крѣпости, на котораго возложено было и завѣдываніе хозяйственною частью всѣхъ прочихъ линейныхъ гарнизонныхъ школъ. Въ первый-же годъ открытія школъ, въ нихъ поступило казачать: въ Омскую школу—98; въ Петропавловскую—60; Ямышевскую—83 и Бійскую—65, а всего 306 казачьихъ мальчиковъ. На дѣтей-же линейныхъ драгунъ и гарнизонныхъ солдатъ, осталось всего 144 вакансіи.

Понятно, что столь быстрое приращеніе учащихся казачать, незамедлило отразиться на быстромъ повышеніи грамотности въ средѣ сибирскаго казачества; и хотя съ 1777 года доступъ въ гарнизонныя школы для дѣтей казаковъ былъ закрытъ, тѣмъ не менѣе и 12-ти лѣтній періодъ безпрепятственнаго допусканія казачать къ школамъ, ясно сказался на служиломъ составѣ „сибирскихъ линий казаковъ“. Въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба, сохранился полный именной и формулярный списокъ старшинъ и казаковъ Сибирскаго казацкаго войска за 1793 годъ, съ точными отмѣтками противъ каждаго казака его лѣтъ, наружныхъ примѣтъ, роста, грамотности, прохожденія службы и семейнаго положенія. Изъ списка этого видно, что въ 1793 году въ Сибирскомъ казацкомъ войскѣ состояло на дѣйствительной службѣ—37 атамановъ, сотниковъ и старшинъ офицерскаго ранга и 2745 человекъ пятидесятицкаго, капральскаго, десятицкаго и просто казачьяго званія.

ХІІ.

Изъ 37 офицеровъ, всѣ, за исключеніемъ одного, были грамотные, и въ томъ числѣ нѣкоторые съ познаніями въ ариметикѣ, геометріи, тригонометріи и даже „практикѣ“, т. е. топографіи.

Изъ казаковъ нижняго званія грамотныхъ было 405 человекъ! т. е. 15%; или столько, сколько въ большинствѣ регулярныхъ войскъ не имѣется даже и теперь, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, когда грамотности въ войскахъ, можно сказать, почти не существовало. О „вольныхъ“ казакахъ того времени нечего и говорить; достаточно сказать, что напр. въ Уральскомъ войскѣ за эти года самъ Войсковой Атаманъ *Донсковъ* русской грамоты совсѣмъ не зналъ и могъ только съ большимъ трудомъ крупными іероглифами подписывать свою фамилію! Изъ 7-ми войсковыхъ старшинъ, одинъ былъ тоже неграмотный, изъ 6-ти старшинъ, неграмотныхъ двое, а изъ 36-ти сотниковъ неграмотныхъ даже 12! Въ Астраханскомъ войскѣ изъ 4-хъ войсковыхъ старшинъ съ войсковымъ атаманомъ неграмотныхъ было двое; изъ 18-ти станичныхъ старшинъ грамотныхъ было всего 6 человекъ!

Въ цѣляхъ подготовки *переводчиковъ* и *толмачей* для сношеній съ сосѣдними азіятскими народами въ 1789 году въ Омскѣ открыта такъ называемая „*Азіятская школа*“, комплектовавшаяся исключительно дѣтьми казаковъ. Въ школѣ этой, кромѣ русской грамоты и основъ математики, преподавались языки татарскій, турецкій, арабскій и персидскій. Со временемъ въ этой-же школѣ открыто отдѣленіе для подготовки *съемщиковъ* и *топографовъ*, комплектовавшееся, опять таки исключительно казачатами. Въ 1813 году, стараніемъ тогдашнихъ войсковыхъ атамановъ Сибирскаго войска *Телятниковъ* и *Набокова*, въ Омскѣ на войсковой счетъ открывается родъ средняго учебнаго заведенія для казаковъ, получившаго названіе „*Войсковаго училища*“. Въ училищѣ этомъ преподавались: Законъ Божій, чтеніе, чистописаніе, русскій языкъ, понятіе о должности человека и гражданина, ариметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, географія, исторія, полевая фортификація, артиллерія, черченіе плановъ и рисованіе.

Благодаря существованію трехъ названныхъ училищъ, сибирскіе казаки явились, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургъ тогдашній главный начальникъ Западной Сибири—„истинною силою правительства“—давая краю достаточно образованныхъ по тому времени мѣстныхъ офицеровъ, переводчи-

ковъ, толмачей, топографовъ, не говоря уже о грамотныхъ, сообразительныхъ и всюду пригодныхъ урядникахъ и казакахъ. По свѣдѣніямъ за 1812 годъ видно, что изъ общаго числа 5950-ти состоявшихъ тогда на службѣ сибирскихъ линейныхъ казаковъ низшаго званія грамотныхъ было 745 человекъ; изъ 43-хъ офицеровъ, за исключеніемъ одного, всѣ были грамотные, съ знаніемъ многими изъ нихъ алгебры и геометріи и черченія плановъ.

Замѣчательно уваженіе, съ какимъ относились въ то время, въ средѣ сибирскаго казачества къ образованію, не только высшіе его представители, но и всѣ мало-мальски выдѣлявшіеся изъ народной неграмотной среды люди.

Просматривая послужные списки казачьихъ офицеровъ, начала текущаго столѣтія, поражаешься тою старательностію, съ которой отмѣчается въ этихъ спискахъ всякое малѣйшее свѣдѣніе, могущее показать хотя-бы самую слабую прикосновенность того или иного изъ офицеровъ къ наукѣ. Тщательность отмѣтокъ по этой части доходитъ въ нѣкоторыхъ изъ формуляровъ до смѣшного; напримѣръ про одного офицера въ его формулярѣ значится, что онъ въ числѣ прочей книжной мудрости знаетъ „Географію Россіи до *торговли*“; про другого пишется, что онъ превзошелъ ту-же науку „до сѣверной полосы“; третій знаетъ—„артиллерійскія записки первую главу“; четвертый усвоилъ алгебру „до пропорцій гармоническихъ“, „россійскую грамматику до спряженій“ и т. д. Противъ нѣкоторыхъ значится, что они знаютъ „науку сельскаго хозяйства и гражданскую архитектуру“. Чаще всего у лицъ прошедшихъ войсковое училище отмѣчается знакомство ихъ съ ариметикою, алгеброю, геометріею, тригонометріею и практикою (т. е. топографіею и геодезіею). Особенно цѣнилось умѣніе чертить, рисовать и иллюминировать планы и разнаго рода техническіе чертежи. Отмѣтки:—«черченію ситуациі перомъ, черченію и иллюминированію артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ плановъ, искусствамъ рисованія рашкулемъ и кастью знаетъ»—встрѣчаются весьма часто. Противъ офицеровъ, не проходившихъ школьнаго ученія, писалось обыкновенно, что они «россійской грамотѣ читать и писать умѣютъ, *по-киргизски говорятъ*». Значеніе киргизскаго языка между офицерами этой категоріи, какъ и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено.

Сибирское пограничное начальство издавна умѣло пользоваться

XIV.

разнообразіемъ учебно-практической подготовки казацкаго офицерства и служилаго состава войска вообще. Не говоря о чисто военной службѣ и вооруженныхъ экспедиціяхъ казаковъ въ степь, что составляло, такъ сказать, специальное ихъ назначеніе, помянутое начальство съ неменьшимъ успѣхомъ пользовалось услугами и знаніями казаковъ и на болѣе мирномъ поприщѣ,—въ сношеніяхъ съ киргизскими ордами, въ развѣдкахъ о томъ что дѣлается въ степи и за границу, въ изслѣдованіяхъ топографическихъ, естество-историческихъ и проч. Одинъ голый перечень именъ и главнѣйшихъ командировокъ казаковъ съ сказанными цѣлями, можетъ уже дать понятіе о той видной роли участія, какая выпала на долю западно-сибирскихъ казаковъ въ обширной области землеислѣдованія вообще и изученія Азіатской Россіи въ частности. Не будемъ говорить о землепроходцахъ-открывателяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевателяхъ Восточной Сибири; это не входитъ въ задачи настоящаго труда. Кто не слышалъ объ открытіяхъ и приключеніяхъ *Пояркова*, *Хабарова*, *Бузы*, *Дежнева*, *Стадухина*, *Атласова*, *Анниферова* и другихъ любителей необъятныхъ пространствъ къ востоку отъ Енисея? Донесеніями ихъ о пройденныхъ странахъ, а еще болѣе о вооруженномъ подведеніи тѣхъ странъ подъ высокую царскую руку, переполнены цѣлые томы «Актвъ Историческихъ» и сборниковъ ученыхъ и неученыхъ разсказовъ о подвигахъ русскихъ людей въ далекихъ странахъ. Ограничиваясь болѣе скромною задачею обзора русскихъ казацкихъ развѣдокъ и присоединеній собственно въ Западной Сибири, Средней Азійи и Джунгаро-Киргизіи, мы напомнимъ здѣсь о болѣе скромныхъ, но въ смыслѣ услугъ собственно географіи, несомнѣнно болѣе почтенныхъ дѣятеляхъ, каковы были напримѣръ: первый изъ русскихъ служилыхъ развѣдчиковъ, посѣтившихъ Сибирь въ 1567 году казацкій атаманъ Иванъ *Петровъ* «съ товарищи»; Тарскій казацкій атаманъ Василій *Тюменецъ*, посѣтившій въ 1616 году Среднюю Сибирь и Сѣверо-Западную Монголію; первый изъ русскихъ людей, пробравшихся черезъ пустыни Гоби во Внутренній Китай (1618—1620 г.) Томскій казакъ Иванъ *Петлинъ* съ Андреемъ *Мундовымъ* и другими «товарищи» — чрезвычайно интересно и занимательно (по тому времени), описавшій свой длинный путь и все видѣнное и слышанное при этомъ; Тарскій казачій атаманъ Гроза *Ивановъ*, съ боярскимъ сыномъ Дмитріемъ *Черкасовымъ*, двукратно посѣтившіе въ 1624—1626 г. и

описавшіе знаменитое Ямышъ озеро и Верхній Иртышъ, до нынѣшней станицы Семіарской, и впервые привезшіе оттуда отличнѣйшій слоистый и кристаллическій алебастръ. Боярскій сынъ Петръ *Сабанскій* съ атаманомъ *Дорофеевымъ*, двукратно проникавшіе съ томскими казаками въ 1633—1642 г. къ слиянію рѣкъ Бія и Катуня, открывшіе при этомъ Телецкое озеро и описавшіе его и окрестныхъ обитателей. Дѣти боярскіе *Гречанинъ* и *Стариковъ* съ томскими атаманами и казаками, неоднократно, начиная съ 1633 года, проникавшіе въ Сѣверно-Западную Монголію къ тамошнимъ Алтынъ-Ханамъ въ качествѣ русскихъ посланцевъ и обстоятельно описавшіе все ими видѣнное и слышанное въ тамошнихъ странахъ. Тарскій боярскій сынъ Федоръ *Байковъ*, съ тарскими казаками проѣхавшій въ 1654 году и описавшій свой путь отъ Тары по Иртышу къ озеру Норъ-Зайсану и далѣе по Монголіи во внутренній Кятай и Пекинъ. Послѣдователи Байкова—казаки *Мамининъ* и *Перфильевъ*, одинъ за другимъ проникающіе въ Китай по тѣмъ же путямъ. Многократныя казачкія экспедиціи вверхъ по Иртышу къ сказанному Ямышъ озеру въ теченіе всего XVII столѣтія. Посольство въ 1691 году изъ Тобольска къ киргизъ-кайсацкому хану Тявкѣ въ Туркестанъ сына боярскаго Андрея *Непринасова*, съ казаками *Василіемъ Кобяковымъ* и *Алемасовымъ*. Вторичное посольство туда же въ 1694 году казаковъ Федора *Скибина* и *Матвѣя Трошина*, подробно описавшихъ свое крайне интересное странствіе черезъ нынѣшнюю Киргизскую степь къ Туркестану и отсюда черезъ Бухару и Хиву на Яикъ, Волгу и оттуда, чрезъ Уфу, обратно въ Тобольскъ.

Въ XVIII-мъ столѣтіи нельзя не отмѣтить двукратныхъ поѣздокъ внутрь Джунгаріи въ 1713 и 1720 г.г., въ качествѣ посла къ тогдашнему Контайшѣ, тарскаго казацкаго головы Ивана *Чередова*, подробно имъ описанныхъ въ донесеніяхъ начальству. Путешествіе въ 1714—1716 г.г. изъ Тобольска въ Сѣверный Тибетъ къ прославленному нынѣ путешествіями Н. М. Пржевальскаго озеру Куку-Норъ и въ страну Тангутовъ тобольскаго служилаго дворянина *Трушниковъ* съ казаками. Двѣ посольскіихъ-же поѣздки внутрь киргизскихъ степей въ 1716—1717 г.г. къ тогдашнимъ киргизскимъ ханамъ *Кайпу* и *Абулхайру* боярскихъ дѣтей *Блюсова* и *Брянцева* съ казаками. Посольство къ Аблай-хану сотника *Ерафеева* въ 1745 году. Поѣздка на рѣку Бухтарму къ китайскимъ пограничнымъ пи-

XVI.

кетамъ сотника *Волошанина* въ 1769 году и его-же замѣчательная поѣздка внутрь Семирѣчья и въ Кульджу въ 1771 году, весьма подробно, интересно и обстоятельно описанная имъ въ путевомъ журналѣ. Наконецъ научная поѣздка въ киргизскія степи въ 1789 г. казацкаго „въ минералогіи свѣдущаго“ атамана *Телятникова* и его же посольство, въ тѣхъ-же цѣляхъ изысканія рудныхъ богатствъ въ Ташкентъ и окружающія его страны, въ 1797 г. и вызванная этимъ посольствомъ научная командировка туда-же въ 1800 году *Бурнашева* и *Постылова* съ казаками.

За текущее столѣтіе укажемъ на поѣздку въ Кульджу въ 1804 году переводчика *Безносикова*, доставившаго весьма обстоятельный маршрутъ своего слѣдованія въ названный городъ. Командировку туда-же въ 1811 году другого сибирскаго казака—переводчика *Шутинцева*, составившаго весьма обстоятельное описаніе пройденнаго имъ пути и всего при этомъ видѣннаго и слышаннаго, съ картою этого пути. Путешествіе въ Коканъ въ 1813—1814 г. переводчика изъ казаковъ *Назарова* въ сопутствіи нѣсколькихъ простыхъ казаковъ съ сотникомъ *Безязыковымъ* во главѣ, представившихъ также крайне любопытный отчетъ о тогдашнемъ состояніи киргизскихъ степей и средне-азиатскихъ ханствъ. Поѣздку съ торговымъ караваномъ въ Кашгаръ казака—переводчика *Бубенова* въ 1814 году въ сопутствіи другихъ казаковъ съ сотникомъ *Старковымъ* во главѣ, также представившихъ обстоятельный маршрутъ своего путешествія и описаніе Тянь-Шаня. Странствія по киргизскимъ степямъ горныхъ ученыхъ экспедицій въ 1815—1816 г. подъ руководствомъ извѣдившаго и осмотрѣвшаго тѣ степи во всевозможныхъ направленіяхъ есаула *Набокова*. Рекогносцировки и научно-дипломатическія командировки казачьихъ офицеровъ и отрядовъ внутри степи, въ 20-хъ годахъ этого столѣтія при открытіи такъ называемыхъ вѣдшихъ округовъ, подъ руководствомъ тогдашняго просвѣщеннаго войсковаго атамана *Броневскаго*, оставившаго совмѣстно съ своими офицерами нѣсколько (частью напечатанныхъ) записокъ и замѣтокъ о степи, ея достопримѣчательностяхъ и жизни и хозяйствѣ тогдашнихъ казаковъ. Чрезвычайно интересную поѣздку въ Ташкентъ и Коканъ въ 1829 году, подробно описанную съ приложеніемъ маршрутной карты пройденнаго пути хорунжаго *Потанина*, отца современнаго намъ знаменитаго сибирскаго казака-землеислѣдователя сотника *Г. Н. Потанина*. Труды сибирскихъ казаковъ-топографовъ въ из-

вѣстной экспедиціи въ степь въ 1832 году *Бутовскаго* и въ послѣдующихъ степныхъ экспедиціяхъ, какъ научнаго, такъ и военнаго характера. Укажемъ на съемки Голодной степи казака-топографа *Бородина*; участіе въ съемкахъ экспедиціи *Чихачева* на Алтай—*Боярскаго*; съемки *Ваганова* въ зимнюю экспедицію академика Миддендорфа къ Сѣверо-Восточному мысу Сибири; съемка *Крутикова* на Амурѣ; съемка и описанія озеръ: Зайсана, Балхаша и Иссыккуля—*Нифантьева* и многихъ топографовъ-казаковъ, менѣе извѣстныхъ, но такъ или иначе вложившихъ свои крупныя въ сокровищницу науки землевѣдѣнія. Упомянемъ также о войсковомъ старшинѣ *Усовѣ*—статистикѣ-ислѣдователѣ и историкѣ сибирскаго войска и знаменитомъ современномъ намъ землеислѣдователѣ и ученомъ путешественникѣ по киргизскимъ степямъ, Китаю и Монголіи, отставномъ сотникѣ того-же войска *Г. Н. Потанинѣ*, разнообразныя ученые труды котораго по землевѣдѣнію извѣстны всякому, сколько либо причастному къ этой наукѣ, человѣку. Умолчимъ, пока, о прочихъ современныхъ намъ сибирскихъ казакахъ-дѣятеляхъ въ области географіи и исторіи.

Слѣдомъ за этими передовыми развѣдчиками новыхъ земель и народовъ, и параллельно имъ шли и болѣе или менѣе сильныя вооруженныя дружины, команды и отряды служилыхъ, большею частью тоже „нерегулярнаго чина“ людей-занимателей-завоевателей и колонизаторовъ вновь провѣданныхъ странъ. Первымъ изъ этихъ занимаателей и покорителей былъ, какъ извѣстно, Ермакъ съ его дружиною. За нимъ двинулись и многія другія дружины „казаковъ“—„стрѣльцовъ“ и прочихъ служилыхъ людей, предводимыхъ царскими воеводами и военачальниками, посланными въ Сибирь волею Московскаго Правительства. Не прославлены были лѣтописцами и историками подвиги этихъ людей. Безвѣстно, безъимянно и безъ особаго поощренія свыше, борясь не столько съ людьми, сколько съ суровою природою, страшными морозами и непроходимыми сѣтгами, безводными пустынями и палящимъ солнцемъ, занимали они и покоряли подъ высокую царскую руку, землю за землю.... Извели Кучума царя, разбѣяли и полонили ближайшихъ его сородичей и радѣтелей на сѣверѣ Сибири и въ киргизско-калмыцкихъ степяхъ; усмирили и обложили ясакомъ въ царскую казну сѣверныхъ инородцевъ; вытѣснили изъ Сибири когда-то грозныхъ разорителей русскихъ поселеній въ Томской губерніи сибирскихъ „киргизъ“;

Историческая карта

18-7

XVIII.

оберегли отъ набѣговъ калмыцкихъ и киргизъ-кайсацкихъ всю степную границу Сибири съ Джунгаріей; вторгнулись прочными поселениями въ самое нутро киргизіи; умирили орду силою оружія когда она вздумала было противиться такому внедренію русскихъ въ степи; завяли съ оружіемъ въ рукахъ всю нынѣшнюю Семипалатинскую и Семирѣченскую области; способствовали покоренію подъ русскую державу—Ташкента, Бухары, Хивы, Кокана и проч. и пр.

Задача настоящаго труда: сгруппировать, по возможности и изложить въ болѣе или менѣе связномъ разсказѣ всѣ мелкія и крупныя казачія «развѣдки»—поѣздки и экспедиціи; всѣ краткія и пространныя, словесныя и письменныя ихъ показанія о поѣздкѣ въ Сибирь, Киргизскія степи, Джунгарію и Среднюю Азію и описать, наконецъ, хотя кратко, мало извѣстные и недостаточно оцѣненные военныя дѣйствія этихъ людей въ названныхъ странахъ, повлекшія за собою присоединеніе къ Россіи части Азіи превосходящей своею площадью въ 6-ть разъ нынѣшнюю Германію и Францію взятая въ отдѣльности.

Источниками, изъ которыхъ извлекались данныя о поѣздкахъ и развѣдкахъ всѣхъ названныхъ и неназванныхъ еще казаковъ-исслѣдователей, равно какъ и дѣйствій ихъ по присоединенію къ Россіи Западной Сибири, Джунгаріи, Киргизскихъ степей и Средней Азіи, служили частью уже появившіяся въ свѣтъ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя рѣдкія изданія, помянутыя ниже въ выноскахъ, а частью (преимущественно при описаніи событій XVIII и XIX столѣтій), архивныя дѣла, рукописи и карты, которыми авторъ имѣлъ возможность пользоваться, занимаясь въ разное время въ Императорской публичной библіотекѣ, библіотекахъ Императорскаго Географическаго Общества и Главнаго Штаба, въ Ученомъ архивѣ того же Штаба, въ архивѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ Московскихъ архивахъ Главнаго Штаба, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и мѣстныхъ западно-сибирскихъ архивахъ города Омска—бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, Областнаго правленія, бывшаго Корпуснаго Штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Войскового Правленія Сибирскаго казачьяго войска и др..

Г Л А В А I-Я.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ СИБИРЬЮ И НАБѢГЪ ВОЛЖСКО-КАМСКОЙ ВОЛЬНИЦЫ.

Начальныя сношенія русскихъ съ аборигенами Сѣверо-Западной Сибири.—Новгородскіе и Московскіе походы въ Югру.—Строгановы и ихъ роль въ занятіи русскими при-Камскаго и за-Уральскаго края.—Волжско-Камская вольница Ермака.—Кто былъ Ермакъ.—Сибирскій походъ Ермака и занятіе Искера.

Баснословныя, издревле, богатства Сибири всякаго рода пушнымъ звѣремъ давно уже (болѣе чѣмъ за 400 лѣтъ до включенія при-Уральской части этой страны въ составъ Московскаго государства), привлекали къ себѣ вниманіе русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Еще въ XI столѣтіи извѣстные провѣдыватели и извлекатели всякихъ богатствъ, новгородцы, завели въ сѣверо-западныхъ ея частяхъ торговыя сношенія съ югричами и обдорою, нынѣшними остяками и самодѣями, промышленявшими пушшиной. Новгородскіе развѣдчики и „данщики“ большими и малыми партіями рыскали по всей югріи и самояди; съ ними шли промышленные и торговые люди, а затѣмъ и Новгородскія рати дѣтей боярскихъ и всякаго рода вольницы или ушкуйниковъ, этихъ предтечь будущихъ вольныхъ казаковъ. Въ древнихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ не разъ упоминается о болѣе или менѣе удачныхъ поискахъ какъ мирнаго, такъ и военнаго характера; извѣстна, на примѣръ, посылка Новгородскимъ купцомъ Гурятой Роговичемъ своего „отрока“ съ товарищи для развѣдокъ Мугазей въ XII столѣтіи. Въ хронографахъ XIV столѣтія упоминается подъ 1364 годомъ о возвратѣ въ Новгородъ изъ югорской земли (т. е. съ низовья Оби) многихъ дѣтей боярскихъ и разныхъ „молодыхъ людей“ съ воеводами Александромъ Абакумовичемъ и Степаномъ Ляпою, ходившихъ въ югорскую землю для завоеваній и для сбора дани. Эти новгородцы дѣйствовали въ Югріи двумя отрядами, одинъ изъ которыхъ шелъ по нижнему теченію Оби вплоть до Ледовитаго океана, а другой ходилъ вверхъ по Оби. Походъ былъ удачный.

По имѣющимся даннымъ въ архивахъ мы даже можемъ въ настоящее время прослѣдить тѣ пути, которыми русскіе въ XII—XVI столѣтіяхъ проникали въ только что помянутыя части Сѣверо-западной Сибири; пути эти теперь уже заброшены, а въ тѣ давнопро-

шедшія времена были настолько проторены, что даже встрѣчавшіяся на нихъ тѣ или иныя природныя урочища носили русскія, а не инородческія (какъ теперь) названія. Морской путь шелъ отъ устьевъ Печеры „моремъ окіяномъ“ въ Югорскій шаръ (проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка Европы) по „Нярзомскому“ (Карскому) морю къ устью Мутной рѣки (нынѣ—Созбея), этою рѣкою до ея верховьевъ, волокомъ на Зеленую рѣку (нынѣ—Ивога подъ 70° сѣверной широты), поперегъ Обской губы до мыса Поворотнаго, Тазовскою губою и въ устья Таза въ Мулгазею или Мангазею тогдашнюю Колхиду пушной рухляди. Рѣчными путями чаще всего выходили изъ Печеры на Усу и Елецъ къ волоку чрезъ Югорскій камень, гдѣ находилось становище, носившее названіе Роговаго городка, быть можетъ, въ память только что помянутаго новгородца Гураты Роговича, въ р. Собы, впадающую въ Обь и далѣе по Оби внизъ до Губы или вверхъ въ Сибирское ханство на Иртышъ, Турѣ и Тоболѣ. Третій, еще болѣе южный и не менѣе древній, чѣмъ только что упомянутые пути, шелъ еще южнѣе и носилъ названіе Югорскаго и, выходя изъ за Югорскаго камня на востокъ, упирался въ рѣчку Киртасъ, противъ Сыгвы, впадающей въ Сосву и далѣе въ Обь. И здѣсь на волокъ чрезъ Югорскій камень устроено было издавна русское Сыгвенское зимовище, а тамъ, гдѣ впоследствии появился Березовскій острогъ, другое становище.

Съ паденіемъ Великаго Новгорода и переходомъ его наслѣдія въ руки Москвы, переходитъ и роль его по отношенію къ Югрѣ и Обдорѣ къ москвичамъ. Московскіе великіе князья также собирали дань съ югричей и не разъ посылали свои рати за „камень“ (т. е. за Уралъ) и «волокъ» какъ для усмиренія строптивыхъ, такъ и просто для «памяти» о томъ съ кѣмъ, тѣ имѣють дѣло. Такимъ образомъ, напримѣръ, извѣстенъ походъ за Уралъ Василья Скрыбы въ 1465 году; походъ московскихъ воеводъ кн. Курбскаго-Чернаго и Салтыка-Травника въ 1483 году, имѣвшій послѣдствіемъ прибытіе въ Москву въ слѣдующемъ году съ покорною князей Югорскаго, Вогульскаго и «Сибирскаго». Походъ князей Курбскаго и Ушагата въ 1499 г. и проч.

Всѣ это были, несомнѣнно, походы къ низовьямъ Оби на вогуличей и остяковъ, не касаясь сдѣлавшагося извѣстнымъ впоследствии «Сибирскаго царства», расположившагося по притокамъ Тобола и среднему Иртышу. Сюда проложенъ былъ еще болѣе южный рѣчной путь, чѣмъ только что названные, а именно: съ верховьевъ Печеры волокомъ чрезъ Уральскій хребетъ къ истокамъ Лозвы, далѣе Лозвою въ Тавду и Тоболѣ. По отношенію къ прочимъ сѣвернымъ ино-

родцамъ царство это занимало первенствующую роль вершителя ихъ судебъ; хотя, само собою, по дальности разстояній и крайней рѣдкости населенія сѣверныхъ необъятныхъ пространствъ, не могло выражать свою власть особенно рѣзко и настойчиво. Несомнѣнно, что даже само оно, при всемъ своемъ главенствѣ надъ прочею ниже и средне-Иртышскою инородческою населенностью, чувствуя свое безсиліе предъ свободно распоряжавшимися на сѣверѣ русскими промышленными и воинскими людьми, заискивало предъ московскимъ правительствомъ, посылая даже время отъ времени къ тамошнему Двору подарки или «дань». По крайней мѣрѣ, въ одной изъ грамотъ царя Федора Иоанновича къ сбитому уже тогда съ насиженаго куреня Кучуму (1597 г.) между прочимъ читаемъ: «Изъ давнихъ лѣтъ Сибирское государство было вотчиною прародителей нашихъ блаженныя памяти великихъ государей русскихъ царей, какъ еще на сибирскомъ государствѣ былъ дѣдъ твой Ибакъ-царь, и съ сибирскія-земли великую дань давали нашимъ прародителямъ великимъ государямъ-царямъ; а послѣ дѣда твоего Ибака-царя были на сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, Магметъ князь, послѣ него Казый князь, а послѣ Казыя Едигерь князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему блаженныя памяти великому государю-царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси и отцу нашему блаженныя памяти великому государю-царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси съ сибирскія земли дань давали». Не даромъ знаменитѣйшій изъ московскихъ собирателей русской земли Иванъ Васильевичъ III включилъ въ свой длинный титулъ званіе «Югорскаго», а сынъ его Василій Ивановичъ «Кондинскаго и Обдорскаго», а Иванъ IV и «Сибирскаго».

Полуданническія и торговыя отношенія Сибирскаго царства къ Москвѣ, всегда поддерживались довольно энергично. Бывали даже дружественныя посольства какъ съ той, такъ и съ другой стороны. По свидѣтельству одного изъ нашихъ посланцевъ, Дмитрія Непейцина, отправленнаго въ 1555 году Иваномъ IV въ Сибирское царство для приведенія жителей его къ присягѣ и переписи черныхъ (т. е. податныхъ) людей, число таковыхъ простиралось до 30.700 душъ; дань-же на нихъ при этомъ наложена въ 1000 соболей ежегодно. До какой степени сильна была увѣренность Московскихъ правителей въ безсиліи Кучумовскаго ханства лучше всего показываетъ возможность безпрепятственной отправки въ 1567 году русскихъ развѣдчиковъ не только въ Юргу и Обдору, но даже и за нихъ и за самую «Сибирь» въ Китай. Развѣдчики эти были «атаманъ *Иванъ Петровъ* съ подъячими и мурзы Бурнашъ Алы-

шевъ съ товарищи 20 человекъ“, поѣхавшіе, какъ выражается одинъ изъ старинныхъ сибирскихъ бытописателей боярскій сынъ Ремезовъ,—„на востокъ и сѣверъ для провѣдыванія земель сосѣднихъ царствъ и языкъ и ордъ и волостей, въ какомъ разстояніи отъ Москвы и сколь далеко подлегли къ Московскому государству. И тогда отъ части въ путѣхъ вразумишася и видѣша прилежащія страны, державства, языкъ, орды къ Московскому царству и пріѣхавши по даша доѣздъ по наказу своему и таковой ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь (т. е. до конца XVII столѣтія) въ Тобольску у снискателей носится¹⁾“.

Къ сожалѣнію, этотъ крайне любопытный „доѣздъ“ до насъ не дошелъ, хотя часто за него и выдается позднѣйшій доѣздъ (1620 г.) сибирскаго казака *Петлина* съ товарищами, въ числѣ которыхъ также находился соиенникъ перваго атамана-ислѣдователя, казакъ *Петровъ* и также *Иванъ*. Объ этой-же, такъ сказать, первой русской ученой экспедиціи въ Сибирь, повидимому, упоминаетъ въ своемъ описаніи Сибири и долго проживавшій въ Россіи въ началѣ XVII столѣтія иностранецъ *Исаакъ Масса*, который, говоря между прочимъ о при-Камскихъ богачахъ *Anisony* (очевидно извѣстныхъ *Строгановыхъ* съ вліятельнымъ родоначальникомъ своимъ *Аникою*) и сношеніяхъ ихъ съ самоѣдами, остяками и вогуличами, пишетъ „былъ у нихъ другъ, пользовавшійся при дворѣ большимъ фаворомъ, звали его *Борисъ Годуновъ*“. Обратились они къ нему за содѣйствіемъ по развѣдкѣ богатствъ тѣхъ странъ. *Борисъ*, воспламенившись разказами *Строгановскихъ* посланцевъ о неизчерпаемыхъ источникахъ пушнины, доложилъ о томъ Государю, результатомъ чего было посольство „нѣсколькихъ придворныхъ и съ ними нѣсколько бѣдныхъ благородныхъ людей (дѣти боярскія?), къ которымъ благоволилъ (*Борисъ*?) и приказалъ имъ отправляться вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ присоединять къ нимъ *Строгановы*. Къ нимъ онъ присоединилъ еще нѣсколько военныхъ людей (*атаманъ Иванъ Петровъ*, *Ялышевъ* и др.?) и снабдилъ ихъ вещами изъ мелочи для подарковъ туземцамъ, наказывая строго замѣчать всѣ дороги, рѣки, лѣса и мѣста, которыя встрѣтятся имъ по пути и спрашивать объ ихъ названіяхъ. Съ жителями онъ приказалъ имъ обходиться мягко, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Обовсемъ этомъ по возвращеніи въ Москву дать отчетъ. Такимъ образомъ, хорошо снабженные платьемъ, деньгами, оружіемъ и подарками, они отправились изъ Москвы въ Вы-

¹⁾ Прилож. къ Чертежн. кн. Сибири *Ремезова*. „Обращеніе до ласковаго читателя“ 1701 г.

чегду, гдѣ Строгановы (Anicony) также снарядили народъ для отправления. Съ ними отправилось много молодыхъ людей и друзей¹⁾ и т. д.

Выдающаяся роль „аменитыхъ людей“ *Строгановыхъ* въ исторіи начальныхъ нашихъ сношеній съ Зауральемъ и самомъ его покореніи не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ много уже было писано во всѣхъ исторіяхъ Сибири и Камско-Уральскаго края, а потому, не распространяясь здѣсь далѣе о роли строгановыхъ, скажемъ только, что облеченные отъ царей властью обратить всѣ эти обширныя, хотя и малолюдныя страны чуть не въ свою вотчину²⁾, Строгановы распоряжались здѣсь полновластно: строили городки и острожки, селили крестьянъ, нанимали къ себѣ въ службу для охраны своего достоянія отъ мѣстныхъ и сибирскихъ инородцевъ, разнаго званія служилыхъ людей и казаковъ. Еще въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ о истребленіи инородцами 87 нашихъ торговыхъ людей и ватажчиковъ, писалъ Строгановымъ: „А вы бы жили съ „великимъ береженіемъ, выбрали у себя голову добраго да съ нимъ „охочилъ казакѡвъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, ручищами и саадаками; велѣли бы прибрать также остяковъ и вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли-бы „жить въ острогѣ. Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, „казаками, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—Черемису, Вотяковъ, Остяковъ, Ногаевъ, которые намъ пзмѣнили³⁾“. Имѣя торговыя связи повсюду и держа агентовъ какъ во внутреннихъ, такъ и въ окраинныхъ городахъ Московскаго государства, Строгановы, конечно, старались воспользоваться предоставленными имъ правами гдѣ и какъ только могли. Вольница и „гулящіе люди“ призывались къ нимъ на службу повсюду. Естественно, что въ охотникахъ откликнуться на такой призывъ недостатка не было и ряды строгановскихъ вольно-служилыхъ людей пополнялись безостановочно. Особенно обильнымъ запасомъ или источникомъ для поставки такого рода добровольцевъ служилъ ближайшій къ мѣсту призыва центръ тогдашней Камско-Волжской вольницы, въ пространствѣ между знаменитою въ исторіи русскаго разбойничества Самарскою лукою и устьемъ Камы. Хотя

¹⁾ И Тынновъ. Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка.

²⁾ См. особенно: „Лѣтопись Сибирская“, такъ наз. Строгановская, изд. Спасскаго—1821 г. и доп. къ „Акт. Историческ.“ изд. Археогр. комиссіи т. I-й и „Кунгурскую Лѣтопись“ Ремезова.

³⁾ Доп. къ Акт. Историч.—т. I.

здѣсь въ то время совсѣмъ еще не было русскихъ поселеній¹⁾, но средствъ для поддержанія всякаго рода „воровскихъ“ промысловъ было изобиліе, такъ какъ близость къ изстари богатой Казани и отчасти къ Нижнему, служившимъ центромъ торговли всей Восточной Россіи, всегда привлекала въ тѣ мѣста, если не на постоянное жительство, то хотя проѣздомъ всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ людей, какъ русскихъ, такъ и азіятцевъ. Здѣсь съ низовьевъ Волги и Каспія провозились Персидскіе, Ордобазарскіе и Астраханскіе восточные товары; здѣсь проѣзжали царскіе послы съ караванами подарковъ изъ Москвы и обратно; здѣсь проходила давнишняя Ногайская дорога съ бродомъ черезъ Волгу, гдѣ провозились татарско-сибирскіе товары изъ за-Уральскаго хребта и Уфимскаго края; здѣсь-же съ Камы провозились и Строгановскіе товары. Строгановы въ Казани, по новѣйшимъ изысканіямъ, имѣли даже собственные торговые склады и дома, а слѣдовательно и торговыхъ агентовъ²⁾. Черезъ этихъ-же агентовъ, конечно, всегда поддерживалась и связь именитыхъ при-Камскихъ богачей съ помянутою нужною и въ тоже время опасною вольницею. Строгановымъ волей и неволей приходилось съ одной стороны задобривать волжско-камскихъ удальцовъ, а съ другой, въ собственныхъ выгодахъ, искать для нихъ, не рискуя собственнымъ товаромъ, вольнаго и неособенно преступнаго заработка. Благо „воровскія“ похождения этихъ удальцовъ, обративъ на себя вниманіе Московскаго правительства, грозили уже развиться воеводскимъ погромомъ. Служба въ при-Камскихъ городкахъ и острожкахъ и отдача на разграбленіе вольницѣ повинныхъ передъ Московскимъ царемъ (какъ сказано выше), Ногаевъ, Черемисъ, Вотяковъ, Остяковъ и пр. и являлись въ такихъ обстоятельствахъ тѣмъ желаннымъ исходомъ, къ которому, быть можетъ, невольно стремились обѣ стороны. Можетъ быть постепенно и частями, а можетъ быть и разомъ въ составѣ 540 удальцовъ (какъ говорятъ лѣтописи) въ 1579 году появилась Волжская вольница на Камѣ и Бѣлой въ районѣ господства Строгановыхъ. Въ числѣ главнѣйшихъ атамановъ снявшагося изъ подъ Самарской луки и Ногайскаго брода казацкаго сброда, лѣтописи называютъ Ермака Тимофеева, Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещеряка. Память о подвигахъ ихъ и особенно первыхъ двухъ, на насиженныхъ ими разбойничьихъ мѣстахъ еще долго жила въ мѣстныхъ преданіяхъ и

¹⁾ Самара построена въ 1586 году въ предупрежденіе дальнѣйшаго казацкаго „воровства“ при Самарской лукѣ.

²⁾ Н. Д. Чечулинъ. „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. С.-П.-б. 1889 года.

даже увѣковѣчена названіемъ двухъ пзъ деревень, расположенныхъ по р. Усѣ, пересѣкающей Самарскую луку въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ—„Ермаковкою“ и „Кольцовкою¹⁾“.

Два съ лишкомъ года пробыли „Волжскіе казаки“ у Строганова на „службѣ“ въ при-Уральскомъ краѣ. Не знаемъ въ подробностяхъ въ чемъ заключалась эта служба. Судя-же по тѣмъ немногимъ и сбивчивымъ даннымъ, которые дошли до насъ, есть основаніе предполагать, что она мало чѣмъ отличалась отъ той „службы въ полѣ“, какою эти казаки несли и подъ Самарской лукой²⁾. По Строгановской лѣтописи „Семень и Максимъ и Никита Строгановы приняша ихъ (казаковъ) съ честью и даяху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы-же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ (т. е. Чусовскихъ и при-Уральскихъ иногородцевъ) буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ (т. е. съ строгановскими наемными служилыми людьми и „охочими казаками“) и бяхуса съ безбожными Агаряны сурово и не милостиво и твердо стояху и на невѣрныхъ неощрихуса: пожита же они атаманы и казаки въ гордебахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два“. По Тобольской или Кунгурской Ремезовской лѣтописи—пришедшіе съ Волги казаки также пробыли въ при-Камскомъ краѣ два лѣта и двѣ зимы, при чемъ идучи по Сыльвѣ—„у жителей обирали хлѣбы и запасы и тутъ (у Ермакова городища) зимовали и по за-Камени Вогуличъ воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“. Вторую зиму зимовали „на Бую городищѣ“—и кормилися Вогуличами птицею, рыбою и звѣремъ, якожь и они и многіе бо и улусы ихъ погромили и рухледи (т. е. пушнины) много взяли и многіе суды легкіе вновь dospѣли довольно“.

Въ переводѣ на современный намъ языкъ и понятія, эти лѣтописныя извѣстія, мнѣ кажется, означаютъ, что казаки, пользуясь своей численностью, подъ видомъ „службы“ Строгановымъ, два года вольничали и грабили въ при-Камскомъ краѣ, какъ только могли. Быть можетъ этимъ-же безобразіямъ обязаны были Чусовскіе городки и поселенія Строгановыхъ, приходомъ сильной партіи Вогуличей и Остяковъ (въ 1581 г.) подъ начальствомъ Мурзы Бегбелія Атикова, произведшей въ при-Камскомъ краѣ значительныя опустошенія, хотя и отбитой тогда-же казаками въ 22-й день іюля³⁾, и въ 1582 году

¹⁾ Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI ст. Одесса, 1882 г.

²⁾ По словамъ одного изъ сподвижниковъ Ермака, выраженнымъ въ просьбѣ къ Царю въ 1623 году, онъ „служилъ Государю на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ иными атаманы“.

³⁾ См. Грамоту *Іоанна I* къ Никитѣ Строганову отъ 6-го ноября 1581 г.—Мил. Сиб. Ист. 144.

въ Сибирь именно по Чусовой. Эти мѣста ему были хорошо знакомы; здѣсь онъ былъ свой человѣкъ¹⁾.

Что касается имени Ермака, то въ настоящее время кажется уже не подлежить сомнѣнiю, что слово это не обозначаетъ какого-либо прозвища въ родѣ артельного „котла“ или жерноваго камня и азиатской монеты, а есть христіанское имя Ермилъ, Ермолай или Германъ, переименованное въ обыденной рѣчи, въ родѣ того какъ въ настоящее время Дмитрій зовется—Митькой, Федоръ—Федькой, Георгій—Егоромъ, или Юрьемъ и т. п. И въ старину христіанскія имена на Руси часто, даже болѣе часто, чѣмъ теперь, переименовывались на русскій ладъ, напримѣръ Ивашко (Иванъ, Іоаннъ), Якушко (Яковъ, Іаковъ), Матюшко (Матвѣй, Матфій), Куземка (Кузьма, Косьма), Нечай, Сарычъ, Дружина, Гроза, Баженка и т. д. и т. д. Не рѣдко такія переименованныя христіанскія имена получали характеръ, прозвищъ, замѣнявшихъ фамиліи (которыя, кстати сказать, въ то время не многіе и имѣли). Просматривая всѣ старинныя грамоты и акты, приходится весьма часто встрѣчаться съ случаями, когда имя какого-либо лица, приводимое въ началѣ акта вмѣстѣ съ величаніемъ и фамиліею, въ послѣдующемъ изложеніи берется уже только одно, совершенно замѣняя фамилію. Напримѣръ Сарычъ Шестаковъ, обращается просто въ Сарыча; Дружина Ивановъ просто въ Дружину; Нечай Соболящиковъ просто въ Нечая и проч. Къ числу такихъ же переименованныхъ именъ, замѣнявшихъ фамилію, принадлежало несомнѣнно и Ермакъ. По мнѣнію Карамзина²⁾ Ермакъ значитъ Германъ. Профессоръ Никитскій и Е. Кузнецовъ производятъ его отъ Ермолай (Ермошка, Ермачко, Ермачекъ³⁾, Буцинскій⁴⁾ отъ Ермилъ. Послѣдній между прочимъ пишетъ: „Съ этимъ именемъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, когда мы въ „Сибирскомъ приказѣ“ (Архивъ Минист. Юстиціи въ Москвѣ), прочитывали такъ называемые „именные списки“ разнаго чина сибирскихъ людей. Изъ этихъ списковъ оказывается, что имя Ермакъ носилъ не одинъ побѣдитель Кучума, а многіе казаки, посадскіе люди и крестьяне, даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича..... два казака были ему тезками; одинъ остяцкій князь, принявшій при крещеніи имя Ер-

¹⁾ См. *Небольсинъ*.—Покореніе Сибири, 1849 г.

²⁾ Пуцилло. Къ вопросу кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ. Русск. Вѣстн. 1881 г. Ноябрь. Карамзинъ. Исторія Государст. Россійскаго, т. IX.

³⁾ Никитскій. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1882 г. Май. Е. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тоб. Губ. Вѣдом. 1890 г.

⁴⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ. 1889 г.

мила, также назывался Ермакомъ“.... и далѣе: „имя это варьируется на разные лады: Ермакъ, Ермачекъ, Ермачко и Ермачишко“. Еще далѣе тотъ-же авторъ пишетъ: „Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что имя Ермакъ нельзя производить отъ имени Ермолая: въ спискахъ казаковъ и крестьянъ это имя встрѣчается или въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ испорченномъ „Ермошка“ и „Ермолка“. Въ Сибири есть деревня „Ермилкина“; туринскій татаринъ, принявшій христіанство и получившій при крещеніи имя Ермолай, такъ и писался Ермолаевъ, а юрты его при рѣкѣ Ницѣ назывались „Ермолаевыми“. Но имени Ермилъ мы ни разу не встрѣчали въ спискахъ сибирскихъ обывателей, хотя намъ пришлось просмотрѣть болѣе сотни именныхъ списковъ казаковъ, посадскихъ людей и крестьянъ; не встрѣчали, очевидно, потому что оно всегда замѣнялось „Ермакомъ и Ермачкомъ“ и т. п. Поэтому въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ покорителю Сибирскаго царства, онъ совершенно вѣрно называется Ермиломъ: „Атаманомъ быть Ермилу Тимофеичу“ читаемъ въ одной пѣснѣ; или въ другой—„говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ: ужъ вы слушайте братцы послушайте, дайте мнѣ Ермилу думушку придумати“ и т. д. (См. „Пѣсни“ собр. Кирѣевскимъ. Вып. 6 й стр. 25, 28, 36 и 37).

Исходя изъ всего вышеизложеннаго и принимая имя Ермакъ за христіанское Ермилъ, Ермолай или Германъ, для насъ станетъ совершенно понятно почему по историческимъ даннымъ и сказаніямъ въ одинъ и тотъ-же 1581 годъ на Руси случились разомъ три Ермака: одинъ на Дону въ составѣ тамошнихъ атамановъ (отъ 1581 по 1584 годъ); другой Костомаровскій въ Могилевѣ на Днѣпрѣ (Іюль 1581 г.) и третій историческій Ермакъ на Чусовой и въ Уральскихъ горахъ (Сентябрь—1581 г.). Г. Иловайскій въ своей статьѣ „Ермакъ и покореніе Сибири“ (Русск. Вѣстн. 1889 г. № 9-й) между прочимъ пишетъ: „Въ Новочеркасскѣ рѣшено воздвигнуть памятникъ Ермаку, какъ донскому казаку и покорителю Сибири..... Въ виду этого предпріятія пользуюсь случаемъ указать на то обстоятельство, что историческій Ермакъ является волжскимъ, а не донскимъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ-же пишетъ: „нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству, скорѣе это былъ уроженецъ сѣверо-восточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣвѣрною природою, своею предпріимчивостью, опытностью и удалью вполне воскресившій древняго Новгородскаго повольника“.

Разобравшись такимъ образомъ, насколько то возможно при имѣющихся скудныхъ данныхъ, въ вопросѣ о томъ, кто былъ Ермакъ и

какъ его слѣдуетъ звать по христіански, интересно задать вопросъ: въ какомъ свѣтѣ вырисовывается при настоящихъ данныхъ его личность, какъ историческаго дѣятеля? Былъ-ли онъ по имѣющимся даннымъ, дѣйствительно герой, ознаменовавшій себя подвигомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ, или-же это былъ обыкновенный авантюристъ, случайно попавшій въ исторію?

И на эти вопросы, къ сожалѣнію, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, мы до сихъ поръ не можемъ дать ясно опредѣленнаго отвѣта. И здѣсь существуетъ масса всевозможныхъ и противорѣчащихъ одно другому мнѣній, въ которыхъ крайне трудно ориентироваться. Одни, исходя изъ части главъ Тобольской (Кунгурской) Ремезовской лѣтописи, готовы видѣть въ немъ чуть не полубога, сопровождаемаго сонмомъ ангеловъ блюдущихъ его во всѣхъ путѣхъ его и отстраняющихъ отъ избранника Божія „тучи“ стрѣлъ, пускаемыхъ въ казаковъ „нечестивыми агарянами“; даже могила его, по сказанію вѣрующихъ поклонниковъ героя, долго издавала отъ себя по ночамъ чудный свѣтъ, а приходящіе къ ней въ спасительномъ страхѣ ивородцы получали исцѣленіе отъ многихъ недуговъ. Другіе, слѣдуя Строгановской лѣтописи, готовы видѣть въ немъ просто наемника Строгановыхъ и слѣпного исполнителя ихъ велѣній. Третьи, какъ Небольсинъ, ссылаясь на Савву Есипова, видятъ въ немъ разбойника, надѣленнаго государственнымъ умомъ и дѣйствовавшаго вездѣ и всегда по личному почину и за свой личный страхъ.

Не претендуя, въ свою очередь, сказать по этому вопросу что либо неопровержимо вѣрное, мы думаемъ, что истина въ этомъ, какъ то часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ, лежитъ въ серединѣ. Ермакъ, судя по тому, что высказано нами выше и что еще болѣе подробно будетъ сказано ниже о его походѣ въ Сибирь, былъ несомнѣнно человѣкъ выдающагося ума и характера; человѣкъ, если можно такъ выразиться, съ государственнымъ складомъ ума, хотя въ то же время не болѣе какъ разбойникъ и разбойникъ при томъ со всѣми несимпатичными особенностями человѣка этого ремесла. Поведеніе его на Волгѣ и затѣмъ „на службѣ“ у Строгановыхъ мы уже знаемъ; таковымъ-же онъ остался и на „службѣ“ за Ураломъ въ Сибири. Видъ рыцаря безъ страха и упрека, каковымъ стараются выставить Ермака многіе, особенно изъ старыхъ нашихъ историковъ, совсѣмъ ему не къ лицу. „Обѣтъ доблести и цѣломудрія“ будто-бы наложенный имъ на себя съ дружиною при выступленіи въ Сибирь, равно какъ и клятву „честнымъ людямъ“ Строгановымъ—„идти съ миромъ очистить землю сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума“, дабы тѣмъ самымъ „свергнуть съ себя

опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблестныхъ воиновъ отечества¹⁾, какъ то краснорѣчиво повѣствуетъ между прочимъ и знаменитый исторіографъ нашъ Карамзинъ, хотя-бы то и на основаніи нѣкоторыхъ изъ лѣтописныхъ данныхъ, слѣдуетъ признать несомнѣнно не болѣе какъ красивыми фразами, неимѣющими никакой исторической достовѣрности. Нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы допустить мысль, что издавна извѣстный своимъ беззастѣнчивымъ удальствомъ разбойничій атаманъ Ермакъ вдругъ по какому-то волшебству обратился въ доблестнаго рыцаря безъ страха и упрека. Такія чудныя обращенія возможны только въ сказкахъ и поэтическихъ мечтаніяхъ, а не въ дѣйствительной жизни.

Смотря на дѣло проще, можно допустить развѣ только соглашеніе волжскихъ удальцовъ съ Строгановыми относительно захвата за-Уральско-Сибирской страны общими силами, захвата, конечно, не въ высоко-государственныхъ цѣляхъ и не въ видахъ царскаго прощенія, въ которомъ Ермакъ, забравшись въ недосыгаемыя для царскихъ войскъ при-Уральскія дебри, совсѣмъ не нуждался, а для собственныхъ выгодъ той и другой изъ согласившихся сторонъ. Конечно, Ермакъ и его сподвижники не прочь были въ своихъ похиженіяхъ прикрыться знаменемъ царскихъ слугъ, прикрыться съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что, какъ мы знаемъ, Строгановымъ царскимъ указомъ разрѣшено было какъ набирать къ себѣ въ службу „вольныхъ казаковъ“, такъ и подводить при посредствѣ ихъ, окрестныхъ инородцевъ подъ русскую власть. Личныя и несомнѣнно вполне себялюбивыя цѣли казаковъ и ихъ главы въ данномъ случаѣ вполне сходились съ государственными и потому несомнѣнно, что забирая и обирая то тѣхъ, то другихъ изъ сибирскихъ и при-уральскихъ инородцевъ, Ермакъ съ неподдѣльной гордостью могъ думать и говорить, что онъ дѣлаетъ дѣло по меньшей мѣрѣ не противное царскимъ видамъ и чѣмъ дальше онъ шелъ въ глубь страны, чѣмъ больше покорялъ и облагалъ инородцевъ ясакомъ, тѣмъ больше укоренялся въ этой мысли; несомнѣнно, что Ермакъ къ концу похода былъ уже далеко не тотъ Ермакъ, котораго мы знали на Волгѣ и даже въ при-Уральскомъ краѣ. Тѣми-же глазами людей, покоряемыхъ невольными разбойниками, а царскими слугами, смотрѣли на Ермака и его сподвижниковъ и сами инородцы съ ихъ властителемъ Кучумомъ. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного случая гдѣ бы Кучумъ печаловался передъ Московскимъ царемъ на подвиги ермаковцевъ, подобно тому, какъ сосѣди его ногайцы

¹⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. IX. С. II-6. 1832 г.

неоднократно жаловались въ Москву на самовольныя похождения донскихъ и яцкихъ казаковъ на Волгѣ, Уралѣ и въ степяхъ¹⁾. Сознаніе совпаденія въ данномъ случаѣ личныхъ желаній вольницы съ пользами государства и было той мощной силой, которая поддерживала Ермака съ его дружиною во всѣхъ трудныхъ случаяхъ дѣйствительно замѣчательнаго ихъ похода въ Сибирь.

Судя по лѣтописнымъ сказаніямъ, за-Уральско-Сибирская экспедиція Ермака обставлена была весьма предусмотрительно, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ чисто военномъ отношеніяхъ, и по части продовольствія, и по части оружія. Даже въ военно-административномъ отношеніи сподвижники Ермака были подѣлены, если вѣрить лѣтописцамъ, на сотни или атаманства во главѣ съ атаманами, при особыхъ знаменахъ, полусотни съ пятидесятниками и десятки съ десятниками. Численность отряда при переходѣ за Уралъ, повидимому, не превышала 800 человекъ, въ числѣ которыхъ до 500 человекъ были волжскіе пришельцы, а 300 человекъ Строгановскіе служилые люди: разныхъ наименованій казаки, бѣглые литовцы, плѣнные нѣмцы и прочій призывной или приборный сбродъ при-Камскихъ именитыхъ людей²⁾. Нечего говорить о томъ, что какъ самъ Ермакъ, такъ и всѣ его сподвижники были пѣшіе, а не конные. Передвиженіе совершалось на стругахъ или лодкахъ, которыхъ, полагая примѣрно по 15—20 человекъ на стругъ, понадобилось до 60-ти штукъ. На нихъ-же везся и весь воинскій и продовольственный запасъ оружія, досиховъ, свинца, зелья, хлѣба, соли и проч. Вооруженіе было несомнѣнно смѣшанное, кому что Богъ послалъ, кто что промыслилъ; и огнестрѣльное и холодное, пищали, копья, топоры, саадаки. Большимъ заблужденіемъ будетъ, основываясь на наивныхъ завѣреніяхъ лѣтописцевъ, предполагать, что Ермакъ и его сподвижники являлись въ Сибирь какъ нѣчто необычайное, наводившее на мѣстныхъ дикарей не только панической, но и суевѣрный страхъ. Разказами о русскомъ оружіи какъ дарѣ боговъ поражающемъ „огнемъ и громомъ смертоноснымъ безъ видимыхъ стрѣлъ“—могли конечно наводить религіозный страхъ только на женщинъ, ничего не видавшихъ

¹⁾ См. ист. Карамзина, примѣч. 633: „Приходили государевы казаки сего лѣта (1580—1581 г.) и Сарайчикъ (на р. Уралѣ близъ ея устья) воевали и сожгли, не токмо что людей живыхъ съкли и мертвыхъ изъ земли вынимали и гроба ихъ разоряли“. Дѣла Ногайскія 1581 г.

²⁾ На мнѣніи сибирскаго исторіографа Миллера о томъ, что начальная численность дружины Ермака доходила до 6000 и болѣе человекъ, мы не останавливаемся, въ виду ея очевидной несообразности для похода въ пустыню, каковую представляла собою тогдашняя Сибирь. Такой отрядъ, не говоря о крайнемъ его неповоротливости, можно сказать, самъ-бы себя съѣлъ.

и не слыхавшихъ, или лучше сказать не хотѣвшихъ слышать объ этомъ оружїи. Большинство же сибирскаго населенїя несомнѣнно если само не видѣло и не испытало его, то знало объ немъ по слухамъ.

Не говоря о мелкихъ случаяхъ заноса и завоза ружей съ Руси, нужно не забывать, что огнестрѣльнымъ оружіемъ были вооружены всѣ при-Камскіе и Чусовскіе городки и острожки Строгановыхъ; городки эти не разъ осаждались и зорились не только ногайцами и сибирскими татарами, но и тамошними вогуличами, пелымцами и проч.; не мало, конечно, захвачено было этого оружїя сибирцами съ собою и съ плѣнными. По рассказамъ тѣхъ-же лѣтописцевъ, въ одинъ изъ татарскихъ набѣговъ на Строгановскіе острожки въ числѣ прочаго оружїя захваченнаго въ качествѣ трофеевъ, было увезено нѣсколько пушекъ и пищалей, говорятъ, даже дѣйствовавшихъ противъ Ермака во время приступовъ его подъ Чуваши. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что боевыя качества тогдашняго ружья почти ничѣмъ не превосходили стрѣльбы изъ лука, ибо возни съ ружьемъ при заряданїи и самой стрѣльбѣ было несравненно больше, чѣмъ съ колчаномъ и стрѣлами; лукомъ можно было дѣйствовать всегда, а фитильное ружье въ ненастную погоду почти не дѣйствовало; дальность полета пули едва-ли превосходила дальность боя стрѣлою; неговоря уже о вѣроятности попаданїя...

Запасы продовольствїя взятаго въ путь, по всей вѣроятности, были не велики, такъ какъ несомнѣнно дружина Ермака добывала себѣ пропитанїе главнымъ образомъ охотою, рыбною ловлею и тѣмъ, что на военномъ языкѣ нынѣ называется реквизиціей, а по тогдашнему—грабежемъ.

Переваливши за Уралъ осенью 1582 года, ермаковцы сѣли въ перетащенные съ собою-же волокомъ изъ Чусовой струги и поплыли внизъ по Тагалу и Турѣ и дойдя безъ особаго сопротивленїя со стороны „не войстыхъ“ прибрежныхъ инородцевъ до стариннаго татарскаго городка Чингидина (нынѣ г. Тюмень), зазимовали „яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ и не смѣяша плыть до Тобольска“⁴⁾.

Весною 1583 г., со вскрытіемъ рѣкъ, лишившись за зиму многихъ изъ своихъ сподвижниковъ отъ столкновенїя съ мѣстными инородцами, цинги и поносовъ, Ермакъ съ дружиною „поплылъ внизъ

⁴⁾ Ремезовская Лѣтопись, ст. 15. По другому преданїю, едва-ли не болѣе вѣрному, Ермакъ зимовалъ не близъ Чингидина, а значительно выше на Тагалѣ въ 128 верстахъ отъ его впаденїя въ Туру, въ мѣстѣ, гдѣ водруженъ и теперь еще стоитъ каменный столбъ съ надписью: „Здѣсь по преданїю зимовалъ Ермакъ съ дружиною въ 1582 году, по переходѣ черезъ Уралъ“.

по Турѣ со всякимъ искусомъ не послѣшно“. Найдя (по видимому противъ ожиданія) берега Туры довольно густо населенными, казаки шли съ опаскою, безъ особаго задиранія инородцевъ. По словамъ лѣтописей, Ермакъ даже сдѣлалъ попытку привлеченія на свою сторону мѣстныхъ жителей и самихъ правителей страны, путемъ, такъ сказать, дипломатическихъ переговоровъ и задариванія; посланный въ Чингидинъ и Тарханскій городокъ, еще не знавшимъ о приходѣ русскихъ Кучумомъ сборщикъ податей, былъ принятъ Ермакомъ чрезвычайно предупредительно и, одаренный подарками для болѣе вліятельныхъ мурзь и женъ Кучума, отпущенъ во-свояси съ миромъ и завѣреніями, что русскіе скоро возвратятся за Уралъ въ свои предѣлы.

Однако-же движеніе внизъ по Турѣ, хотя и медленное, не могло не взволновать какъ мѣстныхъ, проживающихъ по пути слѣдованія казаковъ, татаръ, такъ и самого Кучума. Чѣмъ дальше въ страну подвигался Ермакъ, тѣмъ больше и больше разгоралось волненіе и желаніе жителей преградить дальнѣйшій путь русскимъ. Первое довольно серьезное столкновеніе ермаковцевъ съ татарами произошло въ устьѣ Туры при впаденіи ея въ Тоболъ. Здѣсь Ермака ожидали шесть мѣстныхъ князьковъ съ подвластными имъ родами. Нѣсколько дней пытались они остановить казаковъ силою, но тѣ, прогнавши скопища князьковъ, захватили на свои струги часть ихъ болѣе цѣннаго имущества и въ первой половинѣ іюня вошли въ Тоболъ. И здѣсь, сопровождаемые береговыми татарами и другими инородцами, которые „яко птицы изъ гнѣздъ своихъ стрекосе“—казаки, отстрѣливаясь отъ ордынцевъ, слѣдовали шагъ за шагомъ съ крайнею осторожностью. Нѣсколько десятковъ верстъ отъ устья Туры до Караульнаго яра, на Тоболѣ были пройдены ими въ 21 день¹⁾. Близъ Караульнаго яра, въ узкомъ мѣстѣ Тобола, кучумляне устроили сильную запруду въ рѣкѣ, надѣясь задержать русскихъ; но послѣдніе, послѣ ожесточенной трехдневной битвы подъ прикрытіемъ таловыхъ кустовъ, прорвались черезъ запруду и двинулись далѣе.

Постоянное преслѣдованіе, безпокойство и бой съ татарами, однако-же настолько утомили и истощили казаковъ, что когда они черезъ нѣсколько дней прибыли къ устью рѣки Тавды, то невольно остановились тутъ въ раздумьи: плыть-ли имъ далѣе, или повернувши въ эту рѣку, плыть ею назадъ (старымъ посольскимъ путемъ) въ Лозву и черезъ „камень“ опять на Каму въ Чердынъ и Соликамскъ къ Строгановымъ? Простоявъ здѣсь цѣлую недѣлю, казаки, однако-же, послѣ многократныхъ совѣщаній, порѣшили плыть далѣе внизъ

¹⁾ Ремезовъ, стр. 37 и 38.

по Тоболу¹⁾. Но далѣ препятствій и сопротивленія, какъ со стороны мѣстныхъ прибрежныхъ жителей, такъ и самого владѣльца страны Кучума, встрѣтилось еще болѣе чѣмъ до сихъ поръ. Встревоженный настойчивостью слѣдованія казаковъ внутрь страны, вопреки начальнымъ завѣреніямъ о немедленномъ возвратѣ на русь, Кучумъ, до собственнаго главнаго кишлака, котораго при устьѣ Тобола оставалось уже всего около 60-ти верстъ, стянулъ для защиты своихъ угрожаемыхъ „животовъ“ всѣ способныя къ вооруженному сопротивленію силы своего, хотя и довольно обширнаго, но рѣдко заселеннаго „царства“. Были тутъ и остяки, и вогуличи, и ковидицы, и пелымцы; но главный центръ всего составляли, конечно, татары одноплеменники Кучума, которыми, собственно и держалось его эфемерное „царство“ безъ опредѣленныхъ границъ и строго обусловленныхъ отношеній подданства. Будучи (по преданію) одержимъ недугомъ глазъ, или слѣпотою, Кучумъ поручилъ главенство надъ своими скопищами своему племяннику (по другимъ сыну) Маметкулу. Едва-ли мы преувеличимъ, сказавши, что численность маметкуловыхъ сподвижниковъ въ общей сложности доходила до 4—5-ти тыс. всадниковъ и пѣшихъ людей, разбросанныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ 60—80 верстъ. Противъ этихъ-то скопищъ, то разбрасываемыхъ, то сосредоточиваемыхъ въ одномъ пунктѣ, и приходилось сподвижникамъ Ермака дѣйствовать въ составѣ всего нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Понятно, что при такой несоразмѣрности силъ борющихся сторонъ, русскимъ удалцамъ нужно было быть всегда на сторожѣ и вкупѣ. Такъ они и дѣлали. Медленно и осматрительно подвигаясь на своихъ стружкахъ по Тоболу, они въ 20-хъ числахъ іюля дошли до урочища Бабаса въ Долгомъ яру, гдѣ ихъ поджидалъ Маметкулъ съ главною массою своихъ силъ. Произошло кровопролитное столкновеніе, продолжавшееся, говорятъ, цѣлыхъ пять дней, въ теченіе которыхъ казаки, съ рѣдкимъ упорствомъ отражая наступы кучумовцевъ, продолжали подвигать свои струги все впередъ, пока, наконецъ, 26-го іюля не достигли до устья р. Турбы, гдѣ они, подавленные численностью непріятели, должны были остановиться, а по показаніямъ Ремезовской лѣтописи (ст. 44) даже обратиться назадъ и кинуться, съ цѣлю пробраться на Русь, вверхъ по р. Тавдѣ. Послѣднее, впрочемъ, мало вѣроятно, такъ какъ отступленіе при подобной обстановкѣ, какъ и во всѣхъ военныхъ дѣлахъ съ азіятцами (чего Ермакъ и его дружина не могли не знать изъ практики многолѣтнихъ дѣлъ съ ногаями) было-бы равносильно обреченію себя на верную гибель. Да и зачѣмъ было Ермаку (разъ

¹⁾ Ремезовъ, ст. 39.

10349
 10349
 10349

лемскихъ заболотныхъ волостей владѣльцы Ишбердей и Суклемъ съ товарищами¹⁾). Ермакъ сразу очутился въ положеніи, если не самостоятельнаго, то по меньшей мѣрѣ уполномоченнаго посланца отъ издавна страшнаго для за-уральскихъ странъ своимъ могуществомъ Московскаго Царя. И Ермакъ, какъ оказалось, съумѣлъ поставить себя въ глазахъ инородческихъ князьковъ и держаться достойно въ роли царскаго посланца. Все дальнѣйшее его поведеніе въ странѣ и дѣйствія рисуютъ его уже далеко не тѣмъ разбойничьимъ предводителемъ, какимъ онъ былъ на Волгѣ и по ту сторону Уральскаго хребта, а скорѣе какъ царскаго воеводу. Гордый, быть можетъ, сознаніемъ совершеннаго имъ подвига, а также предвидя неизбежность обращенія, если не къ царской, то по крайней мѣрѣ къ строгановской помощи, Ермакъ рѣшительно входитъ въ роль какъ-бы оффиціального представителя Московскаго Государства. Дѣятельно заводитъ и поддерживаетъ съ инородцами дружественныя сношенія, успокаиваетъ ихъ, уговариваетъ ихъ жить какъ и при Кучумѣ, приводитъ ихъ отъ имени Московскаго царя къ шерти или присягѣ, облагаетъ ихъ ясакомъ и т. д. и т. д. Выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, умъ этого человѣка, при новой, почетной для него обстановкѣ, сталъ проявляться все болѣе и болѣе. Дружа и задабривая чѣмъ можно не только подневольныхъ инородцевъ финскихъ племенъ, но и бывшихъ доселѣ ихъ влстителей татаръ, Ермакъ сталъ устраиваться въ занятой странѣ, возможно прочнѣе. Долгимъ опытомъ предшествовавшихъ своихъ походовъ онъ отлично понималъ, что взятіе у полукочеваго и бродячаго народа центрального кишлака или, какъ громко его называютъ наши историки, „столицы“ Сибири, представлявшей въ сущности не болѣе какъ зимовое стойбище кочевниковъ, легко возводимое гдѣ угодно, далеко еще не было концомъ дѣла; покорились, и то только до первой неудачи, одни ближайшіе бродячіе и кочевые инородцы; все же, что было подальше—признавало, какъ и до сихъ поръ, Кучума или не подчинялось никому; до Руси было болѣе тысячи верстъ; Ермакъ находился какъ на островѣ среди обширнаго, волнующагося, неспокойнаго и могущаго его затопить, моря.

¹⁾ Ремезовъ, ст. 82.

Г Л А В А II-Я.

ПРИНЯТИЕ СИБИРИ ПОДЪ ВЫСОКУЮ ЦАРСКУЮ РУКУ И ПЕРВЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ЭКСПЕДИЦІИ.

Официальное включеніе Кучумова ханства въ составъ Московскаго государства; признаніе Ермака и его вольницы служилою ратью.—Дѣятельность Ермака въ Сибири до прихода князя Болховскаго.—Смерть Болховскаго и гибель Ермака.—Дальнѣйшая судьба сподвижниковъ Ермака и первые преемники его дѣла: Мансуровъ, Сукинъ, Чулковъ.

Несомнѣнно, что молва о всемъ содѣянномъ Волжскою вольницею съ служилыми людьми Строгановыхъ „за камнемъ“ быстро разнеслась повсюду и скорѣе всѣхъ достигла до главнѣйшихъ вповниковъ всего этого „заворуя“ (какъ выражается Сибирскій лѣтописецъ Ремезовъ). Стараясь оправдаться предъ грознымъ царемъ, всего годъ тому назадъ выразившамъ свой гнѣвъ на самоуправство при-Камскихъ богачей и стремленіе посорить Его съ Сибирскимъ владѣльцемъ, богачи эти поспѣшили, конечно, дать знать въ Москву о покореніи этого владѣльца. Лѣтописцы говорятъ, что и самъ Ермакъ, пользуясь дружественными отношеніями къ упомянутому выше князю Ишбирдею, предложившему ему свои услуги по дачѣ „вожей“ на Русь, снарядилъ, скорѣе по занятіи Искера, свое легкое посольство, которое въ ту-же зиму „волчьею дорогою“ (т. е. нужно полагать кратчайшею) пробралось на лыжахъ сначала въ Пермь, а затѣмъ и въ самую Москву. По показаніямъ Ремезова, во главѣ посольства былъ отправленъ знаменитый атаманъ Иванъ Кольцо. Въ Строгановской и Есиновской названія главы посольства иѣтъ. Мы тоже склонны думать, что имя Кольцо въ лѣтописномъ сказаніи Ремезова поставлено только для красоты, или изъ естественнаго стремленія приставить ко всѣмъ сколько-либо замѣтнымъ дѣламъ имена лицъ, такъ или иначе себя прославившихъ. Едва-ли Ермакъ могъ рѣшиться отправить или выдать главнѣйшаго своего сподвижника на волю грознаго и своенравнаго царя, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ присудившаго Кольцо за разбой къ смертной казни.

Посольство это, по словамъ лѣтописцевъ, особенно такъ называемаго „новаго“ или Черепанова, встрѣчено было въ Москвѣ съ

необыкновенною радостью и торжествомъ. Вездѣ (яко-бы) служили благодарственные молебны и звонили въ колокола. Самъ Царь Грозный Иванъ Васильевичъ въ торжественной аудіенціи посланцамъ ермаковымъ объявилъ имъ прощенье и милость; всѣмъ казакамъ опредѣлилъ свое великое жалованье и дары, а Ермаку пожаловалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. „Въ ласковой грамотѣ (говоритъ Карамзинъ), Царь объявилъ казакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за великую услугу; назвалъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ*“. Строгановымъ, по словамъ ихъ лѣтописца, Государь за ихъ службу и радѣніе пожаловалъ: Семену—два мѣстечка Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ—право торговать во всѣхъ свсяхъ городкахъ безошлинно.

Трудно, конечно, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ судить, насколько въ этихъ сказаніяхъ правды, но несомнѣнно, кажется, что радость царская и народная по этому случаю раздута поклонниками Ермака далеко болѣе, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Ни въ одномъ изъ официальныхъ данныхъ мы не встрѣчаемъ этому подтвержденія; даже, напротивъ, единственный дошедшій до насъ правительственный документъ, относящійся къ разсматриваемой эпохѣ, указъ Царя Ивана Васильевича Строгановымъ, отъ 7-го января 1584 года рисуетъ далеко не ласковое отношеніе его къ виновникамъ сибирскаго похода. Увѣдомляя Строгановыхъ о распоряженіи своемъ послать въ Сибирь правительственную рать, царь строго обязываетъ ихъ сначала дать посылаемому туда князю Семену Болховскому съ ихъ острожковъ въ *зимній* сибирскій походъ „пятьдесятъ человекъ на коняхъ“; а потомъ, убѣдившись, что зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, приказываетъ тѣмъ-же Строгановымъ дать по вскрытіи водъ „подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ“; а въ концѣ добавляетъ: „Такъ вы бы тотчасъ велѣли изготовить къ веснѣ струги, чтобъ за ними воеводамъ въ вашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. *А не дадите судовъ тотчасъ и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ быть въ великой опаль*“. Лицамъ, оказавшимъ великую услугу и тѣмъ на кого сыплются царскія милости, такъ не пишутъ. Очевидно, царь былъ неособенно доволенъ тѣмъ, что Строгановы, ради своихъ выгодъ, прикрываясь услугами государству, втянули его въ сибирскія дѣла, которыя еще Богъ вѣсть чѣмъ окончатся, въ то время, какъ серьезная война на западѣ требовала всѣхъ наличныхъ воинскихъ силъ государства. Еще менѣе правдоподобно идущее въ разрѣзъ со всѣми установившимися въ тѣ

времена обычаями и порядками преданіе о пожалованіи въ князья чловѣка столь „подлаго“ рода, какъ Ермакъ¹⁾).

Уже въ февралѣ слѣдующаго, за полученіемъ извѣстія о сибирскихъ дѣлахъ, года къ Ермаку прискакалъ изъ Москвы, по выраженію лѣтописца, „вѣрный чловѣкъ царевъ, аки слуга христовъ пернатъ перелетѣвъ“ съ радостною вѣстью о царскихъ милостяхъ и рѣшеніи отправить на помощь къ Ермаку царскихъ ратниковъ. Означенная здѣсь версія о времени отправленія и возврата посольства Ермака, совершенно устраняетъ, повергавшій въ недоумѣніе почти всѣхъ историковъ, вопросъ, почему Ермакъ, очутившійся съ малымъ отрядомъ среди инородческаго моря, вдали отъ Руси, съ изсякнутыми порохowymi запасами, такъ долго медлилъ посылкою извѣстія въ Москву о занятіи Искера и почему затѣмъ такъ долго, почти два года Московское правительство медлило отправкою подкрѣпленія къ Ермаку. Допустивъ предположеніе, что Ермакъ отправился въ Сибирь въ 1582 г. и занялъ Искеръ въ 1583 г., а не въ 1581 или 1582, какъ думали (по моему мнѣнію, совершенно невѣрно) до сихъ поръ, вопросы эти сами собою падаютъ. Оказывается, что Ермакъ далъ знать о своихъ завоеваніяхъ немедленно-же по занятіи Искера, а царь Иванъ Васильевичъ въ *ту-же зиму* распорядился отправить подкрѣпленіе на коняхъ, и только убѣдившись, что конный зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, отложилъ походъ до весны, предписывая, какъ сказано выше, отправить людей на стругахъ по водоподью „тогда“ и „часу не мѣшкать“. (Указъ отъ 7-го января 1584 г.).

Между тѣмъ Ермакъ всю зиму 1583—1584 г. провелъ въ занятыхъ имъ кишлакахъ близъ устья Тобола, укрѣпляясь и обезпечиваясь отъ всякихъ случайностей на будущее время. Разстроенные и „сбитые съ куреня“ татары, подавшись вверхъ по Иртышу, тоже сидѣли, собираясь съ силами на весну. Только разъ еще въ началѣ зимы, воспользовавшись оплошностью 20-ти казаковъ, ловившихъ рыбу близъ Абалацкаго зимовья, какъ говорятъ, подъ водительствомъ самого Маметкула, напали на неосторожныхъ и перерѣзали всѣхъ ихъ на мѣстѣ. Въ отмѣтку за такую дерзость, казаки, по указанію одного изъ дружественныхъ имъ мурзъ, выслѣдили Маметкула и напавъ на него близъ Куларова зимовья (верстахъ въ 50 отъ Искера вверхъ по Иртышу, не доѣзжая устья Вагая), также

¹⁾ Н. Н. Балкашинъ. Былъ-ли Ермакъ пожаловать въ князья? Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Геогр. Общ. 1880 г. кн. II. М. Пуцилло. Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевъ, покоритель Сибири. Русск. Вѣстн. 1881 г. № 11.

неожиданно, ночью, перерубили множество татаръ и захватили самого Маметкула въ плѣнъ. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ. Около того-же времени, съ цѣлью удостовѣренія въ дѣйствительности мирныхъ завѣреній остяцкихъ князьковъ и для объясненія таковыхъ на мѣстѣ, Ермакъ командировалъ внизъ по Иртышу въ Демьянскія и Назымскія юрты одного изъ своихъ атамановъ Никиту Пана съ пятидесятникомъ Демьяномъ *Брязгою*. Первый изъ нихъ, впрочемъ, вскорѣ въ одной изъ кровопролитныхъ стычекъ съ объясчаемыми инородцами былъ убитъ и весь дальнѣйшій поискъ къ устьямъ Иртыша (впередъ лыжно, а обратно стружно) свершилъ одинъ Брязга съ полусотнею казаковъ¹⁾. Судя по даннымъ Ремезовской лѣтописи, Брязга дѣйствовалъ смотря по обстоятельствамъ—то убѣжденіями, то силою.... Покорные приносили ему что могли сами, а непокорные принуждались къ тому копьями, саблями и пицалыми; наиболее строптивые разстрѣливались и вѣшались казаками за ноги внизъ головою. Гибель сильнѣйшихъ, устрашая слабыхъ, заставляла однихъ изъ нихъ отдавать пришельцамъ все, что тѣ требовали, а другихъ бѣжать—въ дальнія тундры, оставляя на волю и милость побѣдителей женъ и дѣтей своихъ.... Брязга возвратился въ Искеръ въ концѣ мая 1584 г., привезя съ собою обильные запасы всего, что только можно было такъ или иначе добыть отъ при-Иртышскихъ и при-Обскихъ инородцевъ²⁾.

Между тѣмъ Ермакъ, захвативши Маметкула, тщетно ожидалъ со стороны Кучума сколько либо рѣшительныхъ дѣйствій. Сбитый съ куреня, сибирскій владѣлецъ, вмѣсто того чтобы съ наступленіемъ весны съ новыми силами ринуться на русскихъ пришельцевъ, откочевалъ еще дальше къ югу. Причина этого заключалась въ возгорѣвшейся вновь борьбѣ двухъ владѣтельныхъ родовъ—Шейбанадовъ и Тайбугидовъ. Послѣдніе, во главѣ съ Сейдякомъ, двинулись изъ Ишимскихъ степей на сѣверъ и заставили обезсиленныхъ уже рус-

¹⁾ Относительно этого похода, или вѣрнѣе поиска, наши историки, исходя изъ двухъ разнорѣчивыхъ показаній Ремезовской и Строгановской лѣтописей не сходятся. Одни, не упоминая ни объ Ермакѣ, ни о Панѣ, приписывали все Брязгѣ; другіе, совѣтъ не упоминая о Брязгѣ, ставятъ во главѣ самого Ермака съ Паномъ, котораго онъ лишился въ этомъ походѣ. Мы, придерживаясь ближе къ Ремезову, до известной степени миримъ двѣ крайности, ставя во главѣ сначала Пана, а послѣ его смерти Брязгу. Главенство самого Ермака для насъ мало вѣроятно, какъ потому, что посланный на сѣверъ отрядъ былъ очень не великъ, такъ и потому, что Ермакъ не могъ не понимать, въ виду плѣненія Маметкула и близости Кучума, что его мѣсто не тамъ на остяцкомъ сѣверѣ, а здѣсь на югѣ у Искера фронтомъ къ татарамъ.

²⁾ Ремезовъ, ст. 73—80.

скими кучумовцевъ-шейбанидовъ отойти за Вагай въ при-Омскія степи.

Убѣдившись въ достаточной безопасности съ этой стороны, но безпокоясь въ то же время съ другой стороны о долгомъ не приходѣ общаннаго еще зимою подкрѣпленія съ Руси, Ермакъ Тимофеевъ, какъ только возвратился изъ своего поиска Брызга, самъ двинулся съ устьевъ Тобола вверхъ по этой рѣкѣ и Тавдѣ на встрѣчу ожидаемой русской рати князя Болховского. Въ Искерѣ остались атаманъ Кольцо и Михайловъ съ товарищами.

Тавда съ впадающею въ нее Лозвою, были давними извѣданными путями для сношеній какъ русскихъ съ Сибирью, такъ и, наоборотъ, сибиряковъ съ русскими. И въ этотъ разъ, какъ предполагалъ Ермакъ, Болховской съ своею ратью дѣйствительно, перешли черезъ Уральскій хребетъ, вышелъ на Лозву, которою и поплылъ на заготовленныхъ по царскому указу Строгановыми стругахъ. Только явился сюда онъ далеко позже, чѣмъ предполагалъ Ермакъ и чѣмъ то общано было Царемъ тотчасъ по полученіи извѣстія о положеніи казаковъ въ Сибири.

Сибирно подвѣсившись вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья при Паченкѣ встрѣтилъ многолюдное скопище вогуловъ Лабутана князца, заградившихъ было ему дальнѣйшій путь къ соединенію съ идущими подкрѣпленіями, но послѣ упорнаго кровопролитнаго бои очистившихъ загражденный путь и пропустившихъ Ермака далѣе. Быстро слѣдуя все выше и выше, Ермакъ старался не задерживаться въ пути мелкими дѣлами съ попутными вогулячами; а потому—, что мимоходомъ урвалъ, то и наша добыча“, какъ выражается лѣтописецъ¹⁾.

Но какъ онъ не спѣшилъ, а къ началу заморозковъ въ этихъ сѣверныхъ, холодныхъ мѣстахъ никого изъ русскихъ не встрѣтилъ. Пришлось остановиться въ раздумьи что дѣлать. Лѣтописецъ говорить, что въ столь неопредѣленныхъ обстоятельствахъ, завоеватель „Сибири“ прибѣгъ къ содѣйствию одного изъ мѣстныхъ прорицателей будущаго, вогульскому шаману, или „шайтаннику“. Послѣдній объявилъ, что о дальнѣйшемъ слѣдованіи на Лозву, за позднимъ временемъ нечего и думать, ибо горы занесло уже снѣгомъ; лучше возвратиться къ своимъ сотоварищамъ на Тоболъ, гдѣ его ждетъ окончательное покореніе Кучума. Ермакъ возвратился, но вынужденъ былъ за остановкою замерзшихъ уже рѣкъ бросить на попуты струги и продолжать дальнѣйшее слѣдованіе къ Искеру пѣшкомъ, преодолевая, конечно, при этомъ всѣ неудобства такого по-

¹⁾ Ремезовъ, ст. 49—52.

хода въ холодную пору и таща на себѣ все путевое продовольствіе и захваченный у вогуловъ ясакъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ тѣ времена сѣверная Сибирь очень мало знала лошадей; да и не одна сѣверная, но и средняя, гдѣ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія лошади за дорогія цѣны приобретались изъ монгольскихъ, ногайскихъ и „киргизскихъ“ степей. Сухопутныхъ сообщеній почти не существовало и единственнымъ сколько либо сноснымъ путемъ могли служить (и служили все XVI и XVII столѣтія) только многоводныя сибирскія рѣки.

Истомленный труднымъ походомъ и разочарованный въ посылкѣ подкрѣпленія съ Руси, Ермакъ не на радость явился и въ Искеръ. Въ его отсутствіе здѣсь все сильно измѣнилось къ худшему. Кольцо и Михайловъ, оставленные наблюдать за кучумовцами, какъ оказалось, не счумѣли соблюсти должной осторожности въ сношеніяхъ съ ордынцами и чуть не погубили всего начатаго Ермакомъ дѣла. Первый изъ этихъ атамановъ, довѣрившись ложнымъ завѣреніямъ помянутаго выше Карачи въ дружбѣ къ русскимъ, отправился къ послѣднему всего съ 40-ка человекъ для подачи помощи противъ ногайцевъ и палъ жертвою своей довѣрчивости, вмѣстѣ со всѣми своими сподвижниками. Другой атаманъ Михайловъ, отправившійся было на выручку товарищей, также попалъ въ засаду и погибъ со многими казаками. Кучумовцы, ободренные такою успѣшностью своихъ дѣйствій противъ пришельцевъ, сдѣлались смѣлѣе и перешли въ наступленіе. Какъ разъ къ этому времени возвратился въ Искеръ и Ермакъ¹⁾.

Поправивъ дѣло насколько то было возможно, Ермакъ сталъ устраиваться къ новой зимовкѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда повидимому была уже совершенно потеряна надежда на приходъ подкрѣпленій съ Руси, явился въ Искеръ князь Болховской съ стрѣльцами и прочими „служилыми людьми“, посланными изъ Москвы съ царскимъ „жалованьемъ“ казакъ за ихъ сибирскую службу. Можно представить радость Ермака и уцѣлѣвшихъ казакъ столь давно ожидаемому подкрѣпленію. Съ приходомъ правительственныхъ ратниковъ ермаковская вольница уже

¹⁾ Предлагаемая здѣсь версія разсказа о гибели Кольца и Михайлова въ отсутствіе Ермака, а не при немъ, какъ повѣствуютъ лѣтописцы, кажется автору, настоящаго изслѣдованія болѣе вѣроятною. потому что время гибели названныхъ атамановъ по лѣтописцамъ совпадаетъ какъ разъ съ временемъ похода Ермака на Тавду; да и свидѣтельствуемый тѣми-же лѣтописцами неожиданный переходъ кучумовцевъ въ наступленіе болѣе понятенъ при маломъ отрядѣ Кольца съ Михайловымъ, чѣмъ при самомъ Ермакѣ съ главными силами, хотя-бы то и на половину уничтоженными.

окончательно становилась въ ряды царскихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, трудный походъ по пустынямъ Сибири, населеннымъ бѣдными и къ тому-же враждебными пришельцамъ инородцами, сильно разстроилъ московскую рать какъ физически и матеріально, такъ и нравственно. По сказанію лѣтописцевъ, и въ самомъ Искерѣ московская рать Болховского, не встрѣтила, необходимыхъ, послѣ множества лишеній, удобствъ и обеспеченнаго продовольствія. Вскорѣ этотъ недостатокъ продовольствія обратился даже въ голодъ и при томъ настолько сильный, что люди стали мерѣть десятками; открылись болѣзни—цинга, лихорадки, тифъ. Самъ Болховской, не вынеся страшныхъ лишеній, тоже умеръ. Мѣсто его заступилъ ближайшій помощникъ его Иванъ Глуховъ.

Видя крайнюю затруднительность положенія русскихъ, татары, въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1585 года, во главѣ съ Карачею, облегли русскій станъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе русскихъ стало еще болѣе затруднительнымъ. По словамъ лѣтописца Ремезова, имъ пришлось даже ѣсть трупы своихъ умирающихъ товарищей.... Только съ наступленіемъ весны, когда вскрылись рѣки и появилась трава, русскіе вздохнули свободнѣе. Приверженные къ нимъ остяки и вогуличи, явились съ наловленною по водополью рыбою, а тѣснившіеся до того времени въ душныхъ и зараженныхъ сакляхъ ратники вышли на свѣжій воздухъ. Съ возстановленными физическими силами, воспрянуль и духъ уцѣлѣвшихъ отъ голода и лишеній русскихъ. Въ маѣ мѣсяцѣ (а по словамъ Строгановскаго лѣтописца въ іюнѣ) атаманъ Матвѣй Мещерякъ, воспользовавшись одною изъ удобныхъ къ нападенію ночей, сдѣлалъ смѣлую вылазку въ лагерь осаждающихъ, и проникнувъ до стана самого Карачи, близъ Саускана, перерѣзалъ массу спавшихъ татаръ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Карачи. Эта смѣлая вылазка, поддержавшая и прочіе осажденные русскіе гарнизоны, такъ устрасила татаръ, что они нашлись вынужденными снять осаду и снова удалиться на югъ за Вагай въ низовья Оми, гдѣ въ это время съ своими приверженцами скитался и самъ Кучумъ.

Удача, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ободрила русскихъ и вселила въ нихъ новыя надежды на успѣхъ и поддержку съ Руси, тѣмъ болѣе, что по сказанію лѣтописцевъ, вскорѣ-же по прибытіи въ Сибирь Болховского, въ Москву былъ отправленъ плѣнный въ 1583 г. Маметкулъ, съ завѣреніемъ самого Болховского, что дѣло Ермака дѣйствительно обѣщаетъ закрѣпленіе за Москвою обширной и богатой страны и потому заслуживаетъ всякой поддержки. Въ слѣдующую-же весну, т. е., въ 1585 г., какъ

только вскрылись рѣки, изъ Москвы отправленъ былъ въ Сибирь, подъ начальствомъ воеводы Матвѣя *Мансурова*, новый небольшой отрядъ въ сотню человекъ. Рать эта однако-же, какъ увидимъ ниже, застала русскихъ уже далеко не въ томъ положеніи, какъ доносили о семъ Болховской.

Укрѣпляя въ Сибири русскую власть, Ермакъ Тимофеевъ старался показать передъ мѣстными инородцами не только воинскую мощь русскихъ, но и, такъ сказать, культурное ихъ превосходство. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что покоряя этихъ инородцевъ, онъ тотчасъ-же старался вселить въ нихъ увѣренность и въ томъ, что въ лицѣ русскихъ они встрѣчаютъ властителей не только сильныхъ и справедливыхъ, но и способныхъ поддержать всякіе ихъ труды и начинанія въ области хозяйства, ремесла и торговли. Быстро освоившись съ ролью царскаго служилаго человека, облеченнаго (или, лучше сказать, облекшаго себя) властью какъ-бы воеводы (особенно послѣ смерти Болховского), Ермакъ съ удивительнымъ, для человека его первоначальной профессіи, административнымъ тактомъ, велъ устройство занятой русскими страны. Авторитетъ и главенство его признавались въ странѣ и войскѣ даже съ приходомъ царскихъ войскъ, подчиненныхъ лицу съ княжескимъ титуломъ и боярскимъ званіемъ. По крайней мѣрѣ ни въ одной изъ лѣтописей мы нигдѣ не встрѣчаемъ не только проявленія какой-либо инициативы въ дѣлахъ со стороны Болховского или Глухова, но даже и вообще упоминанія о какихъ либо дѣйствіяхъ ихъ и вновь прибывшихъ въ Сибирь войскъ. Вездѣ и все приписывается Ермаку Тимофеевичу. Даже всѣ пришлые ратники въ показаніяхъ лѣтописцевъ обращаются въ казаковъ; ни въ одномъ изъ сказаній о дѣйствіяхъ русскихъ послѣ прихода князя Болховского и Глухова, мы не встрѣчаемъ названій „стрѣльцы“ или даже вообще „служилые люди“, хотя несомнѣнно, что сколь ни разстроеною явилась въ Сибирь правительственная рать и какъ ни порѣдѣла она отъ болѣзней и голода въ самомъ Искерѣ, все-таки, численность ея по меньшей мѣрѣ равнялась еще болѣе порѣдѣвшей къ тому времени казачьей рати.

Желая насколько возможно обезпечить занятія русскими мѣста отъ повтореній только что отраженнаго нашествія татаръ подъ водительствомъ Карачи (а можетъ быть и наказать его), Ермакъ въ то же лѣто, не удовлетворившись раззореніемъ главнаго становища Карачи при Саусканѣ, плавалъ съ частью своихъ „казаковъ“ вверхъ по Иртышу и, какъ говорятъ, проникнувъ за Ишамъ, опустошилъ на своемъ пути все, что было возможно. Съ устья р. Шинъ (не-

далеко отъ нынѣшняго города Тары), гдѣ, повидимому, уже кончались поселенія полуосѣдлыхъ сибирскихъ татаръ и начинались степи кочевниковъ-ногаевъ, въ средѣ которыхъ искалъ теперь приверженецъ Кучумъ, Ермакъ возвратился обратно. Но не доплывая устьевъ Вагаю, онъ получилъ извѣстіе, что въ ишимскихъ степяхъ, бухарскій караванъ, желавшій проникнуть съ товарами въ занятый русскими Искеръ, былъ задержанъ кучумовцами¹⁾. Желая помочь каравану въ преодолѣніи встрѣченныхъ препятствій и въ то-же время показать съ какою охотою новые хозяева готовы вступить въ торговыя сношенія съ представителями богатаго и промышленнаго юга, Ермакъ быстро повернулъ въ Вагаю и поплылъ вверхъ по нему до пункта пересѣченія его съ караванною дорогою (по однимъ урочища Атбашъ, а по другимъ Агитскаго городка). Простоявъ здѣсь нѣсколько дней въ тщетномъ ожиданіи каравана и убѣдившись изъ произведенныхъ развѣдокъ, что извѣстіе о бухарцахъ было ложью или, что быть можетъ, они вынуждены кучумовцами оставить свое намѣреніе дойти до Искера, Ермакъ повернулъ обратно внизъ по Вагаю. Въ устьѣ этой рѣки, не зная, что далеко еще не усмиранный, но лукавый врагъ устроилъ для русскихъ родъ засады, Ермакъ съ своими товарищами остановился на ночлегъ, какъ оказалось безъ принятія должной предосторожности. Такое пренебреженіе казаковъ къ бдительности и рѣшимости татаръ и погубило Ермака, послѣ столькихъ, свершенныхъ имъ подвиговъ и испытанной казалось бы его предусмотрительности. Темною дождливою ночью 6-го августа 1585 г., во время крѣпкаго сна казаковъ, татары окружили ихъ превосходными силами, вырѣзали почти всѣхъ до одного, прежде чѣмъ они могли прійти въ себя отъ неожиданности нападенія. Самъ Ермакъ, говорятъ лѣтописцы, благополучно отбившись отъ массы насѣдавшихъ на него противниковъ, достигнулъ берега и прыгнулъ уже было на одинъ изъ близъ стоящихъ струговъ, но промахнулся, упалъ въ воду и подавленный тяжестью своихъ металлическихъ доспѣховъ, утонулъ въ Иртышѣ.

Большинство историковъ Сибири, если не сказать всѣ кто писалъ о смерти Ермака на основаніи лѣтописныхъ сказаній объ этомъ

¹⁾ Бухарцы были издавна почти единственными представителями торговли во всей Западной части Сибири. Торговыя караваны ихъ, какъ до появленія здѣсь русскихъ, такъ и послѣ, вплоть до текущаго столѣтія проникали и на Иртышъ, и на Тоболь, и на Туру, и Омь, и Обь. Главнѣйшій путь этихъ каравановъ на Искеръ шель сначала вдоль праваго берега Иртыша; нѣсколько съвернѣе Оми пересѣкалъ Иртышъ и шель прямо Ишимскою и Вагайскою степью къ устью Тобола. См. ст. Г. Н. Потанина. „Бухарская торговля въ Сибири“.

событія, относятся его не къ началу августа 1585 года, какъ только что приведено у меня, а къ началу августа предшествовавшаго 1584 года. Съ цифрами официальныхъ датъ позволяю себѣ оспаривать это мнѣніе. Еще Карамзинъ, смущенный противорѣчивостью лѣтописныхъ и официальныхъ данныхъ, писалъ въ примѣчаніи 703-мъ къ IX тому своей Исторіи Государства Россійскаго: „Если принять за основаніе хронологію царскихъ грамотъ, то Ермакъ отплылъ въ Сибирь осенью 1582 года, послалъ вѣсть въ Москву въ 1583 году, а Болховской пришелъ къ нему въ 1584 году; но сей воевода въ слѣдующую зиму умеръ, Ермакъ въ слѣдующее лѣто погибъ, и въ 1584 году, какъ извѣстно по всѣмъ сибирскимъ записямъ и памятникамъ. Остается или не вѣрить хронологіи грамотъ, или году Ермаковой смерти; т. е. вопреки лѣтописямъ, полагать ее въ 1585 г.“.

Допустить послѣдняго Карамзинъ однако-же почему то не рѣшился и въ текстѣ своего изложенія покоренія Сибири, смерть Ермака отнесъ къ 1584 году¹⁾. Костомаровъ, повѣствуя о послѣдней вылазкѣ Ермака и гибели его въ устьѣ Вагая, скромно замѣчаетъ въ выноскѣ противъ этого мѣста: „Вѣроятно это было уже въ 1585 году“²⁾. Г. Иловайскій не даетъ точной даты о времени гибели Ермака, но между прочимъ пишетъ: „Только осенью 1584 года наконецъ приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ; но они привели съ собою не болѣе 300 человѣкъ“...., т. е. выходитъ, что какъ будто Болховской пришелъ въ Сибирь послѣ смерти Ермака (разъ допустить, что эта смерть случилась въ августѣ 1584 года³⁾). А между тѣмъ далѣе тотъ-же историкъ продолжаетъ: „Со смертью Болховского, соперничество устранилось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда“. А еще далѣе тотъ-же авторъ говоритъ: „Еще не зная о гибели Ермака и уходѣ русской дружины изъ Сибири, Московское правительство лѣтомъ 1585 года послало ей на помощь воеводу Ивана Мансурова съ сотней стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, и что особенно важно съ пушкою⁴⁾“.... То есть выходитъ, что какъ будто-бы г. Иловайскій допускаетъ мысль, что Ермакъ погибъ если и не въ августѣ 1584 года (чего очевидно по его датѣ о приходѣ Болховского быть

¹⁾ Ист. Госуд. Россійскаго т. IX, изд. шестое. С.-П.-б. 1852 г.

²⁾ Русская Ист. въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. I. С.-П.-б. 1880 года.

³⁾ Что Болховской дѣйствительно посланъ и прибылъ въ Сибирь именно въ 1584 году, подтверждается и приведенной выше Грамотою Царя Ивана Васильевича къ Строгановымъ отъ 6-го января 1584 года.

⁴⁾ Русск. Вѣстн. 1889 г. № 9-й.

не могло), то во всякомъ случаѣ не позже начала лѣта 1585 года. Намъ кажется, что отправка Мансурова въ 1585 году въ Сибирь всего съ сотней человѣкъ именно и доказываетъ, что Ермакъ погибъ никакъ не ранѣе августа 1585 года; ибо никоимъ образомъ нельзя допустить мысли, чтобы столь важное событіе какъ смерть Ермака и бѣгство изъ Искера его дружины (разъ это случилось въ началѣ августа 1584 г.), оставалось не извѣстнымъ въ Москвѣ чуть не цѣлый годъ. Въ виду этого: если Московское правительство отправило въ 1585 году въ Сибирь Мансурова всего лишь съ сотней человѣкъ, то вовсе не потому что не знало о смерти Ермака, а потому что тогда Ермакъ совсѣмъ не умиралъ, и требовалось отправить въ Сибирь не столько собственно войскъ для подкрѣпленія (такъ какъ таковыхъ въ Сибири за соединеніемъ Ермака съ Глуховымъ было совершенно достаточно), сколько новаго воеводу съ конвоемъ, для замѣны князя Волховского.

Вѣсть о страшной катастрофѣ близъ устья Вагая и гибели главнаго предводителя русскихъ въ Сибири, быстро разнеслась повсюду, произведя между татарами неописанную радость, а между оставшимися въ Искерѣ русскими панической страхъ. Глуховъ и Мещерякъ, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ противникомъ, одолѣвшимъ Ермака, быстро собрались и посадивъ на струги уцѣлѣвшихъ еще отъ всѣхъ сибирскихъ невзгодъ сотоварищей (говорятъ числомъ всего до 150 челов.), не ожидая уже близко слѣдовавшаго съ Руси подкрѣпленія Мансурова съ служилыми людьми, отплыли внизъ по Иртышу, торопясь еще до рѣкостава проникнуть рѣдко населеннымъ остяцкимъ краемъ въ Обь и далѣе по Кондѣ и Лозвѣ или Сосвѣ за Камень.

Очищенный русскими Искеръ немедленно же былъ занятъ надвинувшимися съ верховьевъ Иртыша татарами съ сыномъ Кучума царевичемъ Алеемъ впереди.

Приплывшій вскорѣ послѣ этого къ Искеру ничтожный русскій отрядъ Мансурова, узнавъ о крутой переменѣ обстоятельствъ, только что происшедшей здѣсь, не рѣшился испробовать своихъ силъ въ борьбѣ съ вновь взявшими засилье татарами и повернувъ съ Тобола на Иртышъ, быстро прослѣдовалъ мимо Искера этой рѣкою внизъ по слѣдамъ Мещеряка и Глухова. Только доплывъ до устьевъ Иртыша при впаденіи его въ Обь, отрядъ Мансурова повидимому достигъ остатки первыхъ покорителей Сибири и соединившись здѣсь съ ними, за позднимъ временемъ зазимовалъ, въ такъ называемомъ Обскомъ городкѣ.

Мѣстные остяки попробовали было осадить и напасть на новыхъ

непрощенных русских пришельцев; но испробовавъ силу огнестрѣльнаго оружія послѣднихъ и бой единственной ихъ пушки, должны были отступить. Въ ту-же зиму остяки подъ водительствомъ князька своего Лугуя отправили посольство въ Москву съ покорною просьбою, чтобы царскіе ратники, засѣвшіе въ Обскомъ городкѣ не раззоряли ихъ становищъ, а они-бы, остяки, привозили дань „въ Вымскую землю царскимъ приказнымъ людямъ“, что имъ и было разрѣшено въ 1586 году.

Въ томъ-же 1586 году, очевидно, узнавъ уже о случившейся въ Сибири катастрофѣ, Московское правительство отправило туда въ помощь Глухову, Мансурову и Мещеряку трехъ-сотенный отрядъ подъ начальствомъ двухъ воеводъ: Василя Сукина и Ивана Мясного съ письменнымъ головою Данилой Чулковымъ. Отрядъ этотъ соединившись, повидимому, съ остатками дружины Ермака и отрядовъ Болховского и Мансурова въ верховьяхъ р. Лозвы, двинулся внизъ по этой рѣкѣ и Тавдѣ, давно знакомымъ русскимъ посланцамъ и ратникамъ путемъ, ведшимъ къ бывшей ставкѣ Сибирскихъ хановъ—Искеру.

Не достигнувъ однако-же намѣченной цѣли въ тотъ-же годъ, названные воеводы зазимовали въ устьѣ Туры и Тюмени, въ томъ-же самомъ татарскомъ киялакѣ, въ которомъ останавливался въ зиму 1582—1583 годовъ Ермакъ съ своею вольницею. Здѣсь было положено начало прочному и невозвратному владычеству русскихъ въ Сибири, заложениемъ *Тюменскаго* острога. Это было начало образования по восточную сторону Уральскаго хребта первыхъ достаточно прочно осѣвшихъ на мѣстѣ сибирскихъ казаковъ *Тюменскихъ*¹⁾.

¹⁾ Новѣйшій историкъ заселенія русскими Сибири г. *Бунинскій*, по поводу только что изложенныхъ событій пишетъ: „Если не считать построеннаго около 1585 г. Мансуровымъ при устьяхъ рѣки Иртыша Обскаго городка, не имѣвшаго будущности, то Тюмень является древнѣйшимъ изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ основанныхъ русскими людьми. Это первая опора русскаго владычества въ Сибири,—базисъ, опираясь на который, русскіе начали вторично, послѣ смерти Ермака завоевывать Сибирское царство...“. „Несомнѣнно, что *Мансуровъ* отправился въ Сибирь въ 1585 году и ему вѣроятно удалось совершить большой переходъ прежде чѣмъ *Глуховъ* прибылъ въ Москву съ печальною вѣстью; въ противномъ случаѣ онъ былъ-бы подкрѣпленъ новыми силами; не могли-же въ Москвѣ разсчитывать, что Мансуровъ съ сотнею казаковъ будетъ имѣть успѣхъ въ Сибири, когда тамъ уже не ставалось никакого другого русскаго войска..... А новая экспедиція для завоеванія Сибири отправлена только черезъ годъ послѣ возвращенія Глухова..... почти въ теченіи цѣлаго года оно (правительство) не предпринимало ничего чтобы подать помощь Мансурову и вообще поддержать престижъ своей власти въ новопокоренной странѣ“.—Вѣроятно этихъ строкъ почтенный историкъ не на-

Въ слѣдующемъ 1587 году въ Сибирь была вновь отправлена уже солидная рать въ составѣ 500 человекъ, съ наказомъ остановившемуся въ Тюмени письменному Головѣ *Чумкову*, отправиться съ этою ратью въ покинутую русскими столицу Кучумова царства и занять ее вновь возможно прочно. Исполняя это порученіе Чулковъ дѣйствительно двинулся въ указанномъ ему направленіи и основался прочно особымъ городкомъ вблизи Искера, такъ какъ послѣдній занятъ былъ уже въ то время завладѣвшимъ этою частью Сибири помянутымъ выше Кучумовымъ соперникомъ Сейдякомъ. Это былъ г. *Тобольскъ*, съ первыхъ же лѣтъ его основанія занявшій выдающуюся роль въ покореніи и устройствѣ новой страны. Годъ заложения Тобольска слѣдуетъ принять и за годъ возникновенія такъ называемыхъ *Тобольскихъ казаковъ*.

Первый Тобольскій воевода Чулковъ, какъ и слѣдовало бывшему письменному головѣ, повелѣ дѣло покоренія страны не какъ воинъ, а какъ Московскій политикъ, и не столько мечемъ, сколько хитростью и коварствомъ. По сказанію Тобольскаго лѣтописца, узнавъ о сосѣдствѣ Сейдяка, Чулковъ зазвалъ его вмѣстѣ съ бывшими при немъ извѣстнымъ Мурзою Карачею и киргизскимъ султаномъ Уразмахомедомъ, яко-бы для переговоровъ по мирному урегулированію интересовъ русскихъ пришельцевъ съ аборигенами страны, и во время самыхъ переговоровъ приказалъ схватить своихъ почетныхъ гостей вмѣстѣ съ ихъ свитою и въ качествѣ полонятниковъ отправить въ Москву. Тамъ они были поверстаны въ царскую службу. Избавившись такимъ образомъ разомъ отъ трехъ главарей наиболее воинственныхъ татарскихъ племенъ мѣстныхъ инородцевъ, московскій „письменный“ администраторъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ могъ утвердиться среди менѣе воинственныхъ угорскихъ племенъ сѣверной Сибири.

Съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ отбиваясь отъ насѣдашаго съ юга Кучума и его сродниковъ и не двигаясь пока южнѣе Тюмени и Тобольска, московскіе воеводы, присланные въ Сибирь съ служилыми людьми разныхъ наименованій и всякими воинскими доспѣхами и продовольственными припасами, уже къ 1593 году успѣли достаточно прочно укорениться (заложениемъ острожковъ) въ *Березовъ*, *Сургутъ* и *Пелымъ*. Основаніе острожковъ въ названныхъ

писаль-бы если-бы хоть на минуту отрѣшившись или по крайнѣй мѣрѣ усомнившись (подобно *Карамзину* и *Костомарову*) въ правильности лѣтописныхъ датъ, принялъ бы даты царскихъ грамотъ.

Буцилскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1839 года.

пунктахъ послужило началомъ къ образованію въ Сибири *Березовскихъ, Целымскихъ и Сургутскихъ казаковъ*.

Но куда же, могутъ спросить, дѣвались сподвижники первыхъ покорителей Сибири: Ермака, Мещеряка, Глухова и Мансурова, заложившихъ въ 1585 году Обской городокъ послѣ оставленія ими Искера?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большая часть ихъ въ Сибири и осталась навсегда, послуживъ тѣмъ *цементомъ*, который связалъ между собою традиціями первыхъ покорителей вновь образованныя казачьи „станицы“ въ Тюмени, Тобольскѣ, Целымѣ, Березовѣ и Сургутѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что первый Архіепископъ Тобольскій Кипріянь въ 1621 году еще засталъ въ Сибири многихъ изъ сподвижниковъ Ермака, помогшихъ ему своими показаніями составить для вѣчнаго поминовенія извѣстный синодикъ сподвижниковъ Ермака, на брани съ кучумлянами животь свой положившихъ.

П. Н. Будицскій отыскалъ въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи, въ дѣлахъ Сибирскаго приказа, ссылки на существованіе въ началѣ 1600-хъ годовъ въ Тобольскѣ такъ называемой „старой сотни“ казаковъ, бывшихъ Ермаковыхъ сподвижниковъ. Въ дѣлахъ названнаго архива есть челобитная казаковъ этой „старой сотни“, жаловавшихся Царю Михаилу Феодоровичу на назначеніе къ нимъ начальникомъ Тобольскаго боярскаго сына Богдана Аршинскаго, вмѣсто бывшаго у нихъ въ „атаманахъ“ Гаврилы Ильина.—„Служать они (писалось въ той челобитной) Государю въ Сибири въ Тобольскѣ отъ Ермакова взятыя дѣтъ по 40 и по 50 съ атаманами, а не съ головами“ и т. д.¹⁾ Челобитная ихъ, какъ оказывается, была уважена и въ атаманахъ у нихъ по прежнему оставленъ Гаврило Ильинъ, сподвижникъ Ермака.

Въ „Русской Исторической Библіотекѣ“²⁾ приводится Указъ Царя Михаила Феодоровича отъ 27-го февраля 1623 г. къ Тюменскимъ воеводамъ по челобитной Тюменскаго коннаго казака *Гаврилки Иванова*, о томъ что „служиль-де онъ блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи и царю Борису Федоровичу всеа Русіи, и царю Василью Ивановичу всеа Русіи, и намъ великому государю въ Сибири сорокъ два года, а прежде де того онъ служиль намъ на полѣ двадцать дѣтъ у Ермака въ станицѣ, и съ иными атаманы;—и какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя съ куреня сбили, и царство Сибирское намъ

¹⁾ Будицскій. Заселеніе Сибири.—1889 г.

²⁾ Русск. Истор. Библіотека т. II. 1875 г.

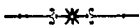
взяли, и мурзь и татарь разорили и онъ-де былъ посланъ съ Ондреемъ съ Воейковымъ на нашу службу на того же Кучума на Обь рѣкѣ погромили и его убили, и жены его и дѣти взяли (1598 г.); да его-же де посылалъ на Алея царя бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводою съ Назарьемъ Изъѣдиновымъ, и того же де Алея царя взяли и женъ и дѣтей поймали; да онъ-же де въ Сибири ставилъ Томской городъ (1604 г.) при воеводѣ при Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Васильѣ Сукинѣ (1586 г.)¹⁾; онъ-же де посланъ былъ въ Кузнецкъ для нашего ясаку и первой де ясакъ взяли (1618 г.); да онъ-же де Тобольской городъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулковѣ (1587 г.); да онъ-же де Тарской городъ ставилъ при воеводѣ при князѣ Андреѣ Елецкомъ (1594 г.); да онъ-же де ставилъ Целимскій городокъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ (1593 г.); да его-же де посылалъ на нашу службу бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ головою на калмыцкихъ людей и они де калмыцкихъ людей погромили (1620 г.), и жонъ и дѣтей въ полонъ взяли; а нынѣ де на Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ атамана нѣтъ; и намъ бы пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ атаманѣхъ на Степаново мѣсто Онтропьева, а Степанъ-де нынѣ служатъ на Тюмени въ дѣтяхъ боярскихъ ...!!“ Прозьба Гаврилы Иванова была уважена и въ слѣдующемъ 1624 году мы видимъ его уже въ званіи Тюменскаго казачкаго Атамана въ Москвѣ съ донесеніями о приходѣ Калмацкихъ людей²⁾... и т. д. Въ другомъ дошедшемъ до насъ актѣ 1703 года читаемъ: родословную „неверстаннаго“ сына боярскаго Василья Галкина—что „въ прошлыхъ годѣхъ прадѣдъ его Алексѣй *Галкинъ* служилъ великому Государю въ Сибири съ Ермакомъ *Тимофеевымъ*³⁾ и взялъ Сибирское царство. И послѣ де того, прадѣдъ его служилъ на Березовѣ въ Атаманѣхъ 30 лѣтъ и по великаго Государя указу былъ съ Березова на великаго Государя службѣ въ Мангазеѣ, а въ Мангазеѣ отъ ивородцевъ убитъ. И дѣдъ его Иванъ Галкинъ

¹⁾ Ссылка на участіе этого дружинника Ермака въ заложеніи Тюмени, какъ нельзя болѣе подтверждать то что отрядъ Мансурова встрѣтился въ 1586 году съ отрядомъ Сукина и многіе изъ бывшихъ ермаковцевъ возвратились въ Сибирь и участвовали во вторичномъ занятіи Сибири и окончательномъ „истѣсненіи Кучума царя“.

²⁾ Русск. Истор. Библиотека т. II. 1875 г.

³⁾ Не слѣдуетъ-ли величаніе Ермака *Тимофеевымъ* признать вмѣстѣ съ тѣмъ и за настоящую его фамилію, какъ это не рѣдко практикуется даже и теперь при назначеніи фамилій по именамъ отцовъ крестьянамъ не имѣющимъ прозвищъ соотвѣтствующихъ понятію „фамилія“.—?

служилъ въ Енисейскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ многіе годы“ и т. д. Многіе изъ бывшихъ Березовскихъ казаковъ носящихъ фамилію Мещеряковыхъ, Пановыхъ, Михайловыхъ считаютъ себя прямыми потомками сподвижниковъ Ермака. До самаго послѣдняго времени эти потомки хранили въ мѣстной Березовской церкви какъ святыню унаслѣдованную ими отъ предковъ хоругвь съ двхстороннимъ изображеніемъ святого Дмитрія Солунскаго и Михаила Архангела. Въ настоящее время эта хоругвь-знамя подъ именемъ „Ермакова знамени“ хранится (въ гор. Омскѣ, въ войсковомъ Никольскомъ Соборѣ Сибирскаго казачьяго войска.

Г Л А В А III-Я.

УПРОЧЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СИБИРИ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ ГЛУБЬ КУЛУНДИНСКИХЪ И ИШИМСКО-ТОВОЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Устроение первыхъ русскихъ городковъ и острожковъ въ Сибири.—Приборъ для новыхъ городковъ служилыхъ, пахотныхъ и всякаго рода жилацкихъ людей.—Заложение города Тары и военныя экспедици противъ Кучума вверхъ по Иртышу за рѣку Омь и черезъ Барабу на Обь.—Мѣсто послѣдней битвы съ Кучумомъ.—Окончательное распаденіе царства Кучума.—Странствіе дѣтей и внуковъ Кучума среди ногаевъ и казачьей орды;—мѣста тогдашнихъ кочевокъ киргизъ-кайсаковъ.

Нельзя сказать, чтобы принимая на себя занятіе и утверженіе за Русью наслѣдія оставшагося отъ волжско-камской вольницы, Московское Правительство бралось за легкую задачу. Нужно было не только избрать, занять и надлежащимъ образомъ укрѣпить необходимое для обладанія обширною и далекою странюю, число опорныхъ пунктовъ, но и обезпечить эти пункты достаточно сильными для обороны и разсылки „сторожевыхъ“ и „отъѣзжихъ“—„станицъ“ гарнизонамъ; нужно было обезпечить ихъ продовольствіемъ въ странѣ, гдѣ не существовало еще, можно сказать, никакого хлѣбопашества; гдѣ не было даже предмета первой необходимости русскаго человѣка—соли ближе 700—800 верстъ; обезпечить эти гарнизоны всѣмъ необходимымъ воинскимъ запасомъ, нарядомъ, зельемъ и проч.; обезпечить безпрепятственное сообщеніе по единственнымъ тогда воднымъ, мало извѣстнымъ, путямъ сообщенія за тысячу и болѣе верстъ отъ первыхъ русскихъ поселеній на дальнемъ мало-населенномъ востокѣ русскаго государства. Устроить то, что называется на стратегическомъ языкѣ базу для дальнѣйшихъ операцій во вновь занимаемой странѣ. Только при той настойчивости, и такъ сказать, упрямствѣ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, какими издавна отличались московскіе собиратели земли русской и при томъ нечеловѣческомъ терпѣніи, выносливости и привычкѣ къ несенію тяжелаго государственнаго ярма, которыми издревле (особенно въ Московскій періодъ) отличались русскіе тяглые люди, можно было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ взяться за присоединеніе къ Москвѣ такой дикой и некультурной страны, какою была въ тѣ времена Сибирь.

Нужно было подобрать ратныхъ людей, въ которыхъ такъ нуждалось тогдашнее Московское государство для устроения не только

своихъ дѣлъ на западной и южной границахъ, но и внутри государства. Нужно было дать для новой страны всякаго рода земскихъ людей, которые-бы и пашню пахали, и суда и острожки рубили, и ямщину гоняли и всякіе припасы давали для новой неустроенной страны..... Гдѣ было ихъ взять при тогдашнемъ общемъ „нестроевнѣ“ Руси?

Принялись прежде всего за тѣхъ-же Строгановыхъ, которые дали первыми подмогу Ермаку и которые по царскому указу дали первыхъ стружниковъ для похода въ Сибирь князя Волховского въ 1584 году. И теперь указомъ отъ 3-го мая 1590 года имъ писалось: велѣно-де у Соли Вычегодской „и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ выбирать въ Сибирь на житье 30 человекъ пашенныхъ людей съ женами и дѣтьми и со всеми ихъ животы; а на всякаго-бы человека по три мерины добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру куровъ, да по два утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всемъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь; а на подмогу имъ велѣно дати по двадцати пяти рублевъ человеку.... и т. д.“.

Имъ-же въ 1592 году писалось: „велѣно есьмя съ вашего соленого промыслу съ Ора и Чусовой въ Пермь великую для Сибирскихъ татаръ приходу сто человекъ ратныхъ людей и съ ружницами и съ луки, съ кремни и съ рогатинными и со всякимъ ратнымъ боемъ, и для тѣхъ ратныхъ людей посланъ къ вамъ Михайло Шокуровъ, а велѣно ему тѣхъ ратныхъ людей взявъ у васъ отвести въ Пермь великую и ожидать воеводѣ Микифору Траханиотову (который былъ посланъ съ Москвы въ Сибирь для устройства русскихъ городковъ на рѣкахъ Лозвѣ и Тавдѣ¹⁾) и т. д. и т. д.“

Въ другихъ актахъ того-же времени читаемъ какъ Московское правительство, разсылая „бирючей“ „ключъ кликать, потребныхъ для новой страны служилыхъ людей и съ Москвы, и Перми великой и изъ плѣнныхъ литовцевъ и изъ выѣзжихъ черкасъ, и изъ стрѣльцовъ и казаковъ разныхъ приграничныхъ городковъ, и изъ дѣтей боярскихъ и изъ служилыхъ дворянъ и изъ мурзъ татарскихъ и изъ мѣстныхъ инородцевъ, и изъ „гулящихъ людей“ и изъ всякаго рода бывальцевъ и видальцевъ къ ратному дѣлу обычныхъ.....“. Что это были за люди, во многихъ случаяхъ, и съ какою охотою они шли на службу въ дальнюю, невѣдомую, пустынную страну, видно изъ того, что принимались они и снабжались для службы всякимъ воинскимъ доспѣхомъ не иначе какъ подъ „поручныя записи“, образцы которыхъ частью дошли и до насъ. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ,

¹⁾ Акты Историческ. т. I.

прописывается: „Се азъ десятникъ Тимофей Евтихѣвъ сынъ *Пермитинъ*; да его десятка Федоръ Евсѣевъ сынъ, по прозвищу житкой *поморецъ*; да Иванъ Михайловъ сынъ *Ненокшенинъ*; да Левка Степановъ сынъ *Москвитинъ*; да Андрей Дмитревъ сынъ *Галичанинъ*; да Федоръ Давыдовъ сынъ Шаламъ *Устюжанинъ*; да Владимиръ Калининъ сынъ Рогова, *Пермитинъ*; да Михайло Никитинъ сынъ, прозвище Пятко Опалихинъ, *Пермитинъ съ Покча*; да Михайло Захарьевъ сынъ, прозвище Зеть *Черепковецъ*; да Осипъ Яковлевъ сынъ *Даниловецъ*, поручились есмь промежь себя всѣмъ десяткомъ, десятию человекъ, другъ по другъ у сотника у стрѣleckаго у Клима Шокурова въ томъ—быти намъ на государевѣ службѣ въ новомъ городѣ Тоборѣ¹⁾, на житьѣ въ стрѣльцахъ, и государева служба служить, *а не воровати, корчмы и блядни не держати, и зерню не ирати и не красти*; а кто изъ насъ изъ десяти человекъ сбѣжитъ, и на насъ на поручниковъ, на мѣ на десятикомъ и на товарищахъ моихъ, государево жалованіе и хлѣбное, и пеня государева, а въ пенѣ что государь укажетъ, и наши поручниковы головы въ его голову мѣсто²⁾.

Съ еще меньшей охотой шли въ Сибирь всякаго рода „жилецкіе люди“, которымъ, какъ мы видимъ выше, приходилось тащить съ собою предметы первѣйшей для русскаго человекъ необходимости, которыхъ въ то время въ этой странѣ не было никакой возможности найти.

Изъ Наказа князю Петру Горчакову, посланному въ Сибирь для устроения Лозвинскихъ и Тавдинскихъ городковъ, видно, до какихъ мелочей доходила заботливость центрального Московскаго правительства въ обезпеченіи всѣмъ необходимымъ, посланныхъ въ Сибирь на постоянную и временную службу воинскихъ и жилецкихъ людей.

За сотни верстъ везлись транспорты хлѣба, крупъ, соли, кожъ, желѣза, воинскихъ запасовъ, вина кабацкаго и церковнаго, веревокъ и разнаго рода издѣлій.... Можно сказать все, отъ ложки до плошки приходилось везти съ собою.... И все это дѣйствительно везлось подъ присмотромъ воинскихъ и обязанныхъ службою земскихъ людей. По прибытіи на мѣсто всѣмъ имъ надлежало „безъ всякаго мотчанія“ приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ дѣла—„присмотрѣть подъ городъ мѣсто гдѣ пригоже, гдѣ быти новому городу.... и высмотря мѣсто, сговорясь съ воеводами (имя рѣкъ), заняты городъ и на чертежъ нанести и всякія крѣпости вы-

¹⁾ Не долго существовавшемъ на р. *Лозвъ* въ качествѣ промежуточнаго пункта между *Пелымью*, *Верхотурьемъ* и *Тюменью съ Тобольскомъ*.

²⁾ Русск. Историч. Библиотека т. II. 1875 г.

писать; а сперва острогъ на томъ мѣстѣ занять и поставить и на городъ всѣми людьми всею ратью дѣсу припасти....., выкатить на рать на всю, на служилые казаки по пяти бревенъ на человѣка, и на Пермичъ и на Вымичъ и на Усольцовъ (земскихъ людей) по пятнадцати бревенъ или по 10 бревенъ, какъ будетъ пригоже¹⁾. Потомъ—,и люди устроить и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакамъ, по тамошнему мѣсту, какъ-бы впредь было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакамъ говорить жалованное слово, чтобы они государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы, туто изо всякихъ ратныхъ людей.... ихъ переписать; и устроить туто-человѣкъ конныхъ, тѣ имъ земли помѣтивъ отдавати; а жалованіе годоваго *сулить* имъ: польскимъ казакамъ по 7 рублей, а атаману 10 рублей, да хлѣба по 5 четьи муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку; а земли бы имъ всѣмъ давати чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ и *хлѣба не возить*“. „А лучшіе мѣста пашенные выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до 300 четьи; а впередъ та земля пахать по Государя жилецкимъ людямъ, которыхъ устроить на житье“. „Да память воеводѣ Петру Ивановичу Горчакову (держать)—велѣно послать въ Сибирь—образы и книги и колокола и все церковное строеніе; а попа въ..... новый городъ велѣно..... взять изъ Перми Углецкого; а дьякона ѣдучи въ Сибирь взять въ Ростовъ, котораго владыка велѣлъ выбрать, а подмогу тому дьякону взяти въ Сибирь съ поповъ, съ посадскихъ и съ уѣзду 40 рублей. И.... (имя рѣкъ) взялъ образы и книги и все церковное строеніе и въ Ростовъ дьякона и подмогу, ѣхати въ Сибирь въ новый городъ.... А пріѣхавъ на Таборы (какъ и въ другіе города), какъ городъ обложить и почнуть дѣлать, и въ ту пору велѣти..... и церковь поставить *всею ратью*“.

По отношенію къ мѣстнымъ инородцамъ всегда рекомендовалось при заложеніи острожковъ „промышлять“ (воеводамъ съ товарищи), чтобы такъ или иначе заманить къ себѣ вліятельныхъ „князьковъ, и племянниковъ (ихъ) и внучать и лучшихъ людей.... которые самые цущіе, отъ которыхъ *смута* была. Про тѣхъ сыскавъ, переимавъ ихъ *извести*“—подобно тому, какъ мы уже видѣли при занятіи Тобольска было сдѣлано Чулковымъ съ Сейдякомъ, Карачей и Урасмахомомъ—или выслать въ Москву „на службу Государеву“—какъ то было при Ермакѣ послѣ плѣненія царевича Маметкула и при князѣ Кольцовѣ-Масальскомъ (въ 1587 году) послѣ захвата одного изъ сыновей Кучума—Абулхайра.

Рядовымъ-же „чернымъ“ инородцамъ при этомъ всегда объявля-

¹⁾ Русск. Историч. Библиот., т. II. 1875 г.

дось „государево жалованье“ съ присловьемъ „чтобы они были въ государевомъ жалованьѣ, а ясакъ сполна платили и къ городу приходили и ни о чемъ не опасались, а государева милость къ нимъ будетъ. А кто вороваль (изъ вліятельныхъ людей), надъ тѣми *потому стало.....*, а до нихъ до ясачныхъ людей ничего и не въ чемъ дѣла нѣтъ и впередъ не будетъ“.

Благодаря этому, мы видимъ, что какъ въ первые годы занятія Сибири, такъ и въ послѣдующіе, всегдашними ретивѣйшими способниками русскихъ служилыхъ людей, при развѣдкахъ новыхъ земель и подведеніи ихъ жителей подъ высокую Царскую руку были „обезглавленные“ инородцы этой страны.

Весьма важнымъ шагомъ въ закрѣпленіи Сибири за Московскимъ государствомъ было заложеніе города Тары въ 1594 году. Это было, можно сказать, первымъ шагомъ русскихъ людей въ глубь Средней Азіи, хотя несомнѣнно, что и до того времени русскіе проникали не только до этого пункта, но и далѣе вверхъ по Иртышу, ибо уже въ указѣ о строеніи того-же Тарскаго города, между прочимъ, говорится—„взять на расходъ разнымъ людямъ 70 пудовъ соли и къ тому прибавку послать изъ новаго города на Тарѣ на озеро Ямышъ и велѣтъ соли привезти на стругѣхъ“¹⁾; то есть говорилось о посылкѣ за 700 верстъ отъ только что намѣченнаго къ возведенію города къ нынѣшнему г. Павлодару, какъ о дѣлѣ совершенно возможномъ и въ мѣстность достаточно хорошо извѣстную.

Въ составѣ служилыхъ людей, заложившихъ этотъ городъ значилось: „съ сотникомъ Стрѣлецкимъ Лодыженскимъ, московскихъ стрѣльцовъ 100 человекъ; съ другимъ сотникомъ съ Замѣтнею Шоуровымъ (помянутомъ выше при заложеніяхъ Пелыма и Табора) 47 человекъ. Да изъ Казани и съ Уфы татаръ казанскихъ и свіажскихъ 100 человекъ, башкирцевъ 300 человекъ, да къ нимъ дѣтей боярскихъ 4, со сту по человекъ. Да съ сотникомъ изъ Казани 50 стрѣльцовъ конныхъ, да изъ Лаишева съ тѣмъ-же сотникомъ 50 человекъ съ пищали, полоненниковъ; да съ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитю съ Коряковымъ 50 человекъ казаковъ польскихъ. Да изъ Тобольскаго города Литвы и Черкасъ и казаковъ добрыхъ конныхъ съ вогненнымъ боемъ съ Головою Рупосовымъ 100 человекъ. Да татаръ тобольскихъ служивыхъ конныхъ съ атаманомъ съ Черкасомъ Александровымъ, да съ Головами—100 человекъ. Да изъ волостей татары ясачныхъ добрыхъ конныхъ 300 человекъ. Да пѣшихъ татаръ 150 человекъ,..... на судахъ. Да изъ Тюмени, литвы и черкасъ и казаковъ 40 человекъ. Да татаръ Тюменскихъ, Верхо-

¹⁾ Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. С.-Петербургъ, 1750 г.

турскихъ, Овдреевскихъ и Бѣлаковцевъ и Зырянцевъ у которыхъ заклады пойманы ¹⁾ и измѣны отъ нихъ не почашь, добрыхъ 50 человекъ конныхъ. Да изъ Таборовъ 30 татаръ конныхъ. Да изъ Комуковъ 20 человекъ конныхъ. Да Пермичъ плотниковъ изъ Тобольскаго 30 пѣшихъ, да еще Пермачъ 20 человекъ плотниковъ“. А всего 1194 человекъ конныхъ и 547 пѣшихъ. Большая часть этихъ людей по возведеніи новаго острожка, была распущена по домамъ; въ Тарѣ же оставлено не болѣе 450 человекъ добрыхъ конныхъ изъ литвы, черкасъ, казаковъ и стрѣльцовъ, часть которыхъ также на зиму была уволена за женами. Эти люди и послужили основою *новыхъ Сибирскихъ казаковъ—Тарскихъ*.

Закладывая Тару, Московское правительство (главнымъ образомъ будущій Царь и устроитель Сибири Борисъ Годуновъ), очевидно, задавалось весьма широкими планами, а именно: *во-первыхъ*, какъ неоднократно писалось первымъ Тарскимъ воеводамъ—,Кучума Царя въ конецъ истѣснить“, т. е. покончить съ этимъ неспокойнымъ властителемъ сибирскихъ пустынь, не желавшимъ признать здѣсь русской власти, не смотря на то, что къ этому времени въ Сибири были заложены уже, какъ сказано во 2-й главѣ, Тобольскъ, Тюмень, Целымъ, Березовъ, Таборы, Сургутъ; *во-вторыхъ*—завести торговля и всякія иныя сношенія съ народами тогдашней южной Сибири и Средней Азіи, для чего наказывалось: „ежели Бухарскіе и Ногайскіе купцы пріѣдутъ въ городъ Тару съ товарами, лошадьми и рогатымъ скотомъ, то тамошнимъ жителямъ имѣть съ ними свободный торгъ, обходясь съ ними дружески, привлекать ихъ черезъ то къ себѣ и по продажѣ товаровъ отпускать ихъ безпрепятственно. Ежели же которые изъ нихъ пожелаютъ ѣхать съ товарами своими и со скотомъ въ Тобольскъ или Тюмень, то сіе имъ тоже дозволить“ ²⁾; *въ-третьихъ*,—открыть ближайшія посольскія сношенія съ вліятельнѣйшими изъ владѣльцевъ средне-азіатскихъ странъ—„принимая (ихъ) пословъ въ Тарѣ надлежащимъ образомъ, выслушавъ ихъ предложеніе, писать въ Москву, а ихъ самихъ отпускать назадъ въ ихъ землю“ ³⁾. Съ другой стороны, какъ видно изъ упомянутаго предложенія о посылкѣ струговъ за солью на Ямышъ озеро (гдѣ издавна уже существовалъ родъ ярмарочнаго обмѣна товаровъ сѣвера и юга), правительство наше открывало и русскимъ людямъ широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣйствительно, Тарѣ суждено было, если не вполне, то въ боль-

¹⁾ Т. е. заложники въ лицѣ болѣе знатныхъ и вліятельныхъ инородцевъ.

²⁾ Фишеръ. Сибирская Исторія. С.-Петербургъ, 1774 г.

³⁾ Фишеръ. Сибирская Исторія.

лецкихъ сотниковъ. Отрядъ этотъ немедленно-же лыжнымъ ходомъ бросился къ зимовью на Черномъ островѣ, раззорилъ его, выжегъ и нагнавъ немногихъ спасшихся было отъ погрома бѣглецовъ, возвратился въ Тару съ 23-мя плѣнными кучумовцами.

Въ слѣдующемъ 1595 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, произведенъ былъ новый поискъ съ 483-мя служилыми людьми во главѣ съ тѣмъ-же Доможировымъ и головою *Рупосовымъ*, въ волостяхъ Чунгулу, Лугуй, Турашъ, Тереня и др., признававшихъ до сего власть „*Ногайскаго мурзы Алея*¹⁾. Слѣдствиемъ этого второго поиска было признаніе названными татарскими волостями власти русскихъ, съ уплатою установленнаго ясака въ Тару и выбѣгъ на Тару-же матери известнаго плѣннаго царевича *Маметкула* съ мурзою Чиномъ и 30-тью другими ближними къ нимъ татарами²⁾.

Второй тарскій воевода, смѣнившій Андрея Елецкаго въ 1595 году, *Федоръ Елецкій-же*, успѣшно продолжалъ дѣло своего предшественника. Во главѣ съ 467-ми человекъ служилыхъ людей, ему удалось въ 1596 году настичь, повидимому, самого Кучума въ городкѣ *Тунусъ*, разбить его и взять городокъ: хотя Кучумъ и здѣсь, какъ нѣсколько разъ ранѣе сего, спасся бѣгствомъ³⁾.

Въ 1598 году мы видимъ Кучума кочующимъ на *Черныхъ водахъ* (несомнѣнно на рѣчкѣ Кара-сукъ въ Кулундинской степи), по прежнему будирующимъ противъ русскихъ и отводящимъ отъ нихъ цѣлыхъ семь волостей на Обь рѣку. Московское правительство требуетъ отъ тарскихъ воеводъ энергическаго преслѣдованія врага. Согласно этого требованія, второй (т. е. младшій) тарскій воевода Андрей *Воейковъ*, 4-го августа того-же года выступаетъ розыскивать Кучума съ однимъ татарскимъ головою, двумя атаманами, тремя боярскими дѣтьми и до 400 казаковъ, литвы и пр. служилыхъ людей. Отъ 4-го сентября онъ доноситъ въ Москву: „И августа Государь въ 10-й день посылалъ я холопъ Твой въ посылку сына боярскаго Илью Беклемишева да голову татарскаго Черкаса Олександра въ волости для языковъ, которые волости отъ тебя Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, *отвель Кучумъ Царь въ 106 году*, въ Турашскую и въ Любарскую волость. И августа въ 10-й день привели ко мнѣ изъ посылки“..... лучшихъ людей, которые сказали на разпросѣ—„велѣлъ де имъ Кучумъ Царь всѣмъ волостнымъ лучшимъ людямъ Курпацкимъ и Ту-

¹⁾ Повидимому, старшаго сына Кучума Алея, женатаго на Ногайской княжнѣ.

²⁾ Миллеръ. Царскій указъ Долгорукову отъ 26 го іюля 1703 года.

³⁾ Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889 г.

рашскимъ и Любарскимъ... и Чойскимъ и Куромскимъ жить на Уби“...¹⁾ „Кучумъ Царь кочуетъ.... *въ Черныхъ водахъ*, а въ собраньи деи съ Кучумомъ его людей 500 человекъ, да *Бухарскихъ торговыхъ людей 50 человекъ*. И я Государь по тѣмъ вѣстямъ пришлоъ на Убь озеро августа въ 15 день, и на Уби озерѣ лучшихъ волостныхъ людей поималъ *которыхъ отвелъ отъ тебя*... Кучумъ Царь въ прошломъ 106 году²⁾ и въ распросѣ мнѣ холопу Твоему лучшеіе люди сказали про Кучума Царя: *пошелъ деи Кучумъ Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку, съ дѣтми своими и со всѣми своими людьми гдѣ у него хлѣбъ стянъ*; а имъ деи велѣлъ жити на Уби озерѣ, а ясаку деи Тебѣ.... имъ давати не велѣлъ, а приказалъ де имъ беречь своей волости Барабинскому лучшему человеку Ескигильдею Турундаеву. И я холопъ Твой лучшихъ волостныхъ людей поималъ.... И велѣлъ я холопъ Твой имъ жити *по своимъ старымъ юртамъ*; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярскаго Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа Государь въ 16 день привели ко мнѣ изъ Барабинскія волости.... трехъ лучшихъ (и 15 ясачныхъ)—и въ распросѣ мнѣ холопу твоему и съ пытки Кучумовы люди (имена) сказали: Кучумъ деи Царь кочуетъ на Оби на рѣкѣ гдѣ у него хлѣбъ посѣянъ, а въ собраньи деи съ Кучумомъ Царемъ его людей 500 человекъ; а хочеть деи пойдти Кучумъ подъ твой Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича всеа Русіи, городъ подъ Тару, и на Ялыньскую и на Каирдацкую волость войною вскорѣ, да и Кучумовыхъ деи людей живетъ на Икѣ озерѣ³⁾ семей съ тридцать не доходя Кучумова кочевья *четыре днища*. И я холопъ твой по тѣмъ вѣстямъ послалъ на Икѣ озеро дѣтей боярскихъ (имена) да татарскую голову (имя) а съ ними 100 человекъ казаковъ и служилыхъ татаръ. И (они) Кучумовыхъ людей на Икѣ озерѣ сошли и побили, а живыхъ привели ко мнѣ пять человекъ, (которые показали): Кучумъ деи Царь кочуетъ на Оби рѣкѣ, а по нихъ еси присылалъ, чтобъ они шли къ нему собраны, а хочеть деи Кучумъ Царь идти подъ городъ подъ Тару, и на Ялыньскую и Каурдацкую волость войною вскорѣ; а иные деи Кучумовы люди кочуютъ отъ Кучумова кочевья *въ днищѣ и въ дву днищахъ* семей съ двадцать. И я холопъ Твой послалъ дѣтей боярскихъ Мосѣя Глѣбова да Федора Лопухина да

¹⁾ Какъ пояснено будетъ ниже, Убь—озеро Убинское въ Барабинской степи.

²⁾ То есть въ 1598 году;—бумага Воейковымъ писана 4-го сентября 107 года, т. е. 4-го сентября 1598 г.; не нужно забывать, что въ то время новый годъ начинался съ 1-го сентября.

³⁾ Вѣроятно слѣдуетъ читать не Икѣ, а Итъ-озеро, или полное названіе Итъ-куль, т. е. Собачье озеро, находящееся въ барабѣ.

съ ними тарскихъ конныхъ казаковъ да тарскихъ юрговскихъ татаръ, а велѣлъ имъ на Кучумовы люди приходити ночью чтобъ ихъ съ вѣстью къ Кучуму Царю не упустить. И (они) Кучумовыхъ людей которые кочевали отъ Кучума въ днищѣ и въ дву днищахъ побили на голову ни одного человѣка къ Кучуму съ вѣстью не упустили. А самъ я Государь покыня кошъ на Икѣ озерѣ и пошелъ на Кучума царя наспѣхъ и день и ночь и станъ Кучума царя на Оби рѣкѣ *выше Чатъ три днища на дугу на Ормени¹⁾ отъ Калмаковъ въ дву днищахъ*. И пришелъ Государь я холопъ твой на Кучумъ Царя въ 20-й день, на солнечномъ восходѣ и бился съ Кучумъ Царемъ до полдень; и Божимъ милосердіемъ и твоимъ государевымъ (имя) счастиемъ Кучума Царя побилъ, а дѣтей его царевичевъ и царицъ его поймалъ и брата Кучумова“... и т. д.²⁾.

Изъ росписи, приложенной къ донесенію Воейкова, видно, что при окончательномъ пораженіи Кучума на Оби, были взяты пять его сыновей съ Асманакъ царевичемъ во главѣ, 8 кучумовыхъ женъ и 8-же дочерей; жена Алея съ сыномъ и дочерью —, да Канай царевича царица. Уруса князя *Ногайскаго* дочь, съ двумя дочерьми“, не считая прочихъ лучшихъ и черныхъ людей.

Останавливаясь пока на этомъ въ изложеніи начального занятія Сибири русскими людьми, мы позволимъ себѣ разобрать нѣсколько подробнѣе только что приведенныя выписки изъ донесеній и развѣдокъ воеводъ и пр. служивыхъ людей, въ цѣляхъ опредѣленія или возстановленія по нимъ района кочевокъ Кучума послѣ сбитія его „съ куреня“ Ермакомъ и мѣсть главнѣйшихъ событій въ исторіи борьбы этого замѣчательнаго сибирскаго царька съ русскими.

Совершенно правдоподобнымъ намъ представляется показаніе Тобольскаго сына боярскаго *Ремезова* (дѣтописца), что послѣ разбитія Кольцовымъ-Масальскимъ въ 1591 году въ Ишимской степи при озерѣ Чиликуль, Кучумъ „съ немногими татарами и съ женами и съ дѣтьми своими..... утече на калмытской рубежъ Ишима и Норъ Ишима³⁾),

¹⁾ Т. е. на рѣкѣ Ирмень, впадающей въ Обь.

²⁾ *Акты историческіе*. Т. II. Отписка царю Борису Феодоровичу Тарскаго воеводы Андрея Воейкова отъ 4-го сентября 1598 года.

³⁾ Норъ-Ишимомъ въ старину назывался лѣвый притокъ р. Ишима Терсь-Акканъ, въ нынѣшней Акмолинской обл., а иногда и р. Нура, тутъ же по близости вливающаяся въ большое степное озеро Денгизъ или Кургальджинъ, а въ то время, очень вѣроятно, составлявшая еще притокъ рѣки Ишима; почему и называлась Норъ-Ишимъ. Слѣды бывшаго слиянія этихъ двухъ рѣкъ существуютъ еще и теперь, ибо несомнѣнно, что протокъ Кузу-Кочь, близъ г. Акмолинска, и теперь еще въ весеннее половодье, ежегодно соединяющій Нуру съ Ишимомъ, есть бывшее русло Нуры.

Оши¹⁾ и Камышлова²⁾), между озеръ въ крѣпкія мѣста и ту живяше сокрытно и пакостяше русскымъ и ясачнымъ зелье по близу Тарскаго города..... Ту живя Кучумъ со своимъ до лѣта 105 (т. е. до 1597 г.) скитаяся“. Множество татарскихъ названій озеръ, рѣкъ и разныхъ урочищъ въ предѣлахъ Тюкалинскаго и Ишимскаго округовъ, гдѣ теперь татаръ очень мало, показываетъ, что край этотъ въ давно прошедшую старину былъ татарскимъ или ногайскимъ. До настоящаго времени сохранились и многія изъ названій урочищъ, рѣкъ, озеръ и волостей, о которыхъ упоминается въ только что названной лѣтописи и помнятухъ выше донесеніяхъ тарскихъ воеводъ. Озеро „Вузюкъ“ или Изюкъ, на которомъ татары „рыбу для Кучума Царя ловили“, лежатъ близъ Иртыша, представляя его ерикъ или подковообразную заливную старицу, противъ деревни Изюкъ, сѣвернѣе Такмыкской слободы Тарскаго округа. „Чернымъ островомъ“, гдѣ заложено было зимовье бѣжавшими изъ подлѣ Тары кучумовичами, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать мѣстность или займище, лежащее по лѣвую сторону Иртыша въ странѣ черныхъ водъ, гдѣ на рѣчущкѣ Карасукъ (т. е. въ буквальномъ переводѣ съ татарскаго—черная вода) лежатъ невдалекѣ одна отъ другой—деревни Верхне-Карасукская, село Карасукъ и село Черно-озерное, Тюкалинскаго округа. Въ окрестностяхъ этого же займища лежатъ озера—Лагуй, Терень, Ингалы съ селомъ Ингалыскимъ, напоминающія созвучіемъ названій раззоренныя Дожировымъ, Волнинымъ и Рупосовымъ кучумовскія волости—Чунгулу, Терень и Лугуй. Южнѣе ихъ, а можетъ быть частью и восточнѣе, какъ по лѣвую, такъ и по правую сторону Иртыша, размѣщались болѣе многолюдныя Турашскія волости, подвѣдомственные кочевавшему съ ногайцами царевичу Алею; а южнѣе ихъ за Омью, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія Ясыря—„между двухъ рѣчекъ.... пѣшимъ ходомъ днища съ два“ зимоваль и самъ царь Кучумъ, нужно думать между нынѣшними казачьими поселеніями Ачаиромъ и Атмасомъ.

Располагаясь невдалекѣ помнятухъ, зоримыхъ русскими, татарскихъ волостей и имѣя съ ними сношенія „ежедень“, какъ говорится въ показаніи Ясыря, Кучумъ, не смотря на постоянно терпимыя имъ неудачи въ столкновеніяхъ съ русскими, тѣмъ не ме-

¹⁾ Оша—лѣвый притокъ Иртыша въ предѣлахъ Тюкалинскаго уѣзда, Тобольской губерніи.

²⁾ Бывшій лѣвый притокъ Иртыша, нынѣ цѣль озеръ съ соединяющими ихъ протоками, тянущаяся по Горькой казачьей линіи вдоль южной границы Тобольской губ. и сѣверной—Акмолинской.

нѣ“ имѣлъ на все татарское населеніе громадное вліяніе. Не смотря на принятіе русскаго подданства, татары этихъ волостей, находясь ближе къ Кучуму, чѣмъ къ русской Тарѣ, больше слушались его, а не русскихъ. Въ 1597 году они, по его наущенію, покинули равнѣ насиженныя мѣста и, перейдя на Омь, двинулись вверхъ по этой рѣкѣ и Тарѣ, подальше отъ русскихъ, подъ водительствою повидимому самого Кучума или старшихъ сыновей его и „главнаго промышленника“ Асманакъ-царевича. Откочевкѣ этой мало чѣмъ помѣшала и погоня за ними тарскихъ служилыхъ людей во главѣ съ княземъ Федоромъ Елецкимъ и разбитіе кучумовцевъ въ Тунусѣ¹⁾. Остатки разбитыхъ волостей разсыпаются въ верховьяхъ рѣки Оми и по Барабинскимъ озерамъ; а самъ Кучумъ удаляется къ юго-востоку отъ большаго озера Чановъ въ Кулундинскую степь на р. Кара-сукъ (Черная рѣчка), или на „черныя воды“, какъ доносили воеводѣ Воейкову казаки-развѣдчики,—гдѣ существовали невдалекѣ отъ рѣки Оби „на Ормени“ Кучумовы напши.

Путь слѣдованія Воейкова съ казаками и литвою въ рѣшительный походъ 1598 года на Кучума, можно приблизительно намѣтить отъ города Тары вверхъ по Иртышу до рѣчки Тары, затѣмъ—вверхъ по этой рѣкѣ лѣвымъ ея берегомъ въ страну большихъ и малыхъ Барабинскихъ озеръ чрезъ рѣки Таргасъ, Ичу и Омь къ большому Убинскому озеру; отсюда къ Ить-кулю и не доходя до „Чать“ (такъ называлась болотисто-лѣсная мѣстность близъ нынѣшней Колывани въ низовьяхъ рѣки Чикъ, впадающей въ Обь), на юго-востокъ степью черезъ вершины р.р. Карасука и Чика на р. Ирмень, впадающую въ Обь съ лѣвой стороны. Тутъ на берегу Оби въ окрестностяхъ Ирменьскаго бора и нынѣшнихъ деревень Луговой, Верхъ-Ирменьки, Половинной и др., противъ рѣчекъ Ельцовка и Атаманки съ деревнями Завьяловой и Атаманкой и произошла битва, рѣшившая участь Кучума царя Сибирскаго. Это было 2-го августа 1598 г.

Намъ неизвѣстно существуютъ-ли въ той мѣстности какія-либо преданія объ этой битвѣ и записаны ли они гдѣ-либо; если существуютъ, то желательно было-бы обратить на это обстоятельство должное вниманіе. Названія мѣстныхъ урочищъ—Атаманово, Ельцовка, Завьялова, быть можетъ, имѣютъ историческое происхожденіе, связанное съ пребываніемъ здѣсь тарскихъ служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ были атаманы и казаки съ фамиліей Завьяловыхъ. По крайней мѣрѣ, исторически извѣстно существованіе тар-

¹⁾ Трудно въ настоящее время указать мѣсто нахождения Тунуса. Существуетъ два притока рѣки Тары, носящихъ это названіе; имѣется также немало и озеръ именуемыхъ Тунусъ или Тенись.

скаго казацкаго головы *Завьялова*; а названіе рѣчки Ельцовки, быть можетъ, имѣеть какую-либо болѣе или менѣе близкую связь съ фамиліей первыхъ тарскихъ воеводъ князей *Елецкихъ* „въ конецъ истѣснившихъ“ царя Кучума и загнавшихъ его на Ирмень.

Не найдя Кучума ни въ числѣ плѣнныхъ, ни въ убитыхъ, Воейковъ кинулся розыскивать его вверхъ и внизъ по Оби, по островамъ и за рѣкою. Въ донесеніи своемъ къ Царю Борису Феодоровичу по этому случаю онъ пишетъ: „А про Кучума царя Государь, языки многіе сказываютъ что Кучумъ въ Оби рѣкѣ утопъ, а иные языки сказываютъ что Кучумъ въ суднѣ утекъ за Обь рѣку и я холопъ твой плавалъ на плотѣхъ за Обь рѣку со всею твоею Государя Царя и Великаго Князя..... ратью и Кучумъ Царя за Обью рѣкою по лѣсомъ въ крѣпяхъ и по островамъ на Оби рѣкѣ искалъ и нигдѣ его не нашель¹⁾).

Пробывъ на мѣстѣ побоища пять дней и покончивъ съ остатками разбѣжавшихся по окрестностямъ кучумовцевъ, Воейковъ съ отрядомъ своимъ и съ плѣнниками отправился обратно, боясь содѣянія *калмыковъ*, собравшихся, по слухамъ, всего въ двухъ дняхъ пути южняе въ количествѣ до пяти тысячъ душъ. Не пошелъ онъ и на Чать, не будучи увѣренъ въ томъ, что найдетъ тамъ Кучума и боясь съ другой стороны быстрого наступленія глубокой осени и паденія снѣга, ибо отрядъ его снаряженъ былъ по лѣтнему. На Чать имъ отправленъ былъ лишь одинъ изъ плѣнныхъ мурзъ съ товарищами приведенный къ шерти на вѣрность Царю, съ наказомъ развѣдать про Кучума и, буде послѣдній найдется, убѣждать его не боясь дурна, вѣхать на Русь въ подданство Московскаго Царя. Идя обратно, Воейковъ сзывалъ отведенныхъ Кучумомъ ясачныхъ татаръ и наказывалъ имъ идти обратно на прежнія кочевья, грозя въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ ослушникамъ. Страшась исполненія угрозы, часть татаръ-кочевниковъ немедленно-же послѣдовала къ Иртышу за Воейковымъ и плѣнною Кучумовой семьей, часть обѣщала прикочевать въ слѣдующемъ году (что и исполнила), часть-же, пообѣщавшись, такъ и осталась на новыхъ мѣстахъ; такова была, напримѣръ, Турашская янородческая волость, существующая и до сихъ поръ въ Барабѣ къ сѣверу отъ озера Чаны.

Такъ закончилось начатое еще Ермакомъ покореніе татарскаго „царства Сибирскаго“. Собственно „царства“ въ обще принятомъ смыслѣ, какъ видно уже изъ вышеизложеннаго, не существовало, ибо нельзя назвать царствомъ сборища ничтожныхъ, малолюдныхъ

¹⁾ Акты историческіе, т. II. Отписка *Воейкова* къ царю Борису Феодоровичу отъ 4-го сентября 1598 года.

кочевыхъ волостей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, безъ всякой между собою органической связи, за исключеніемъ одного властолюбиваго князька, насильно заставлявшаго себѣ платить дань эти разрозненныя бродячія волости. Наибольше сгущенное населеніе этого эфемернаго царства, до ермаковскаго разгрома, размѣщалось по нижнему теченію рѣкъ Туры, Тобола и частью по Иртышу отъ впаденія въ него Тобола до Тары. Все прочее пространство вверхъ по Иртышу до Оми и за Омью, по Барабѣ и Кулундѣ, равно какъ и верховья Ишима и Тобола составляли лишь область, большею частью, только лѣтнихъ кочевокъ тѣхъ-же татаръ и ногаевъ, сгруппированныхъ въ названныхъ прирѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно, однако-же, что духъ и власть татарщины царила на всей этой обширной площади; масса татарскихъ (ногайскихъ) названій рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ на отмѣченномъ пространствѣ, существующихъ еще и до настоящаго времени (хотя на этихъ урочищахъ издавна живутъ уже исключительно русскіе люди), несомнѣнно это подтверждаетъ. Власть татарская или, въ частности, кучумовская распространялась и на еще болѣе слабыхъ инородцевъ нетатарскаго племени, обитавшихъ въ низовьяхъ Иртыша и Оби,—остиковъ, вогуличей, пелымцевъ, кондинцевъ, платившихъ дань Кучуму¹⁾.

Понятно, что первымъ завоевателямъ громадной страны, какъ и впоследствии во время Хивинскихъ и Туркменскихъ походовъ, приходилось бороться не столько съ людьми, сколько съ необъятными пространствами и суровою природою Сибири съ ея страшными морозами, буранами, сугробами снѣгу, громадными рѣками и рѣчками, непролазными болотами и тундрами, безпредѣльными степями, непроходимыми лѣсами, урманамъ и всякою бездорожицею..... Приходилось однимъ и тѣмъ-же людямъ дѣйствовать въ погонѣ за быстроходнымъ, трусливымъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ непріателемъ—„и пѣше, и конно, и лыжно и стружно“. Оставлять же этого трусливаго и безсильнаго непріателя безъ всякаго вниманія, не подводя подъ высокую царскую руку и не приводя къ шерсти на вѣрность, было нельзя, ибо, по весьма мѣткому выраженію помянутаго боярскаго сына *Ремезова*-лѣтописца, этотъ непріатель— „скрыто пакостяще русскимъ и ясачнымъ зельве“—не давалъ ни воинскимъ, ни мирнымъ поселеніямъ и жителямъ, ни житья, ни покоя. Постоянно подкарауливая и набѣгая „воровски“ то на пашни, то на луга, то на скотскіе табуны, то на рыбныя ловли и одно-

¹⁾ См. о сѣверныхъ инородцахъ Кучумова царства статью *А. Оксенова* въ Томскихъ Губ. Вѣд. за 1888 г. „Сибирское царство до эпохи Ермака“.

кихъ незащитныхъ людей, проѣзжающихъ, женщинъ и дѣтей, то на отдѣльно стоящіе хутора и заимки, разоря и сжигая ихъ до тла,—сибирскіе кочевники держали первыхъ русскихъ поселенцевъ въ постоянномъ страхѣ за свои животы. При такихъ невозможныхъ условіяхъ думать о культурномъ заселеніи страны и ея мирномъ развитіи было совершенно невозможно; нужно было во что-бы то ни стало „извести“ врага или проучить настолько серьезно, чтобы онъ не смѣлъ „пакостить“. И служилые люди дѣйствительно изводили и учили пакостниковъ, неустанно гоняясь за ними за сотни верстъ. Поискъ Воейкова за Кучумомъ чрезъ Барабу и Кулунду до Ирмени, несомнѣнно долженъ занять весьма видное мѣсто въ длинномъ ряду подобныхъ-же поисковъ казаковъ за все время нашей борьбы съ сибирскими кочевниками. Пройти съ отрядомъ въ 500 человекъ по степямъ и болотамъ съ переправами чрезъ множество болѣе или менѣе широкихъ рѣчекъ, на протяженіи не менѣе семисотъ верстъ, всего въ 16 дней, удавалось немногимъ изъ военачальниковъ; особенно если принять во вниманіе, что на всемъ этомъ пути отряду Воейкова приходилось постоянно высылать разѣзды и легкіе отряды на поискъ „языковъ“ и для захвата всѣхъ вѣстовщиковъ, которые могли-бы предупредить Кучума о проходѣ русскихъ; что ему, какъ мы видѣли, и удалось въ полной мѣрѣ.

Захваченная въ чемъ попало семья Кучума, привезена была въ Москву въ такомъ жалкомъ видѣ и одѣяніи, что гордый и самолюбивый царь Борисъ Федоровичъ Годуновъ, чтобы не компрометировать себя и все дѣло завоеванія Сибирскаго царства, не рѣшился выпустить ее въ такомъ видѣ въ столицу. Приказано было всѣхъ членовъ этой семьи, прежде чѣмъ торжественно ввезти въ Москву и показать народу, обмундировать заново на казенный счетъ съ головы до ногъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, старшему изъ захваченныхъ сыновей Кучума—*Асманаку* даны вновь сшитыя фезы „сукно багрець червчатъ на корсакѣхъ (корсакахъ), завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ, кафтанъ камка кызылбашская (персидская), шолкъ аль и зеленъ, на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ кызылбашскій озямскій камчатъ, шапка лисья черна, сапоги сафьянные желты, *рубашка*“. Царицамъ: старшей *Салтанымъ*—„шуба камка адамашка рудожелта, на куницахъ опушена атласомъ съ серебромъ, кругъ ея и по швамъ кружево, шолкъ чернь съ серебромъ, петли шолкъ чернь, пуговицы корольковыя“... Другая царица *Сойдеджанъ*: „шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, опушена атласомъ золотымъ, кругъ ея кружево и по швамъ шолкъ червчатъ да чернь съ золотомъ, пуговицы серебря-

ныя“ и т. д. всѣмъ прочимъ членамъ царской семьи и чинамъ свиты¹⁾.

Торжественный въѣздъ всей плѣненной кучумовой семьи въ Москву состоялся 17-го января 1599 года. Во главѣ поѣзда въ надлежащихъ мѣстахъ, по два въ рядъ, ѣхали главнѣйшіе виновники захвата въ плѣнъ кучумовичей: Савинъ Васильевичъ *Воейковъ* (по-видимому братъ втораго Тарскаго воеводы и начальника экспедиціоннаго отряда Андрея Воейкова), дѣти боярскія Илья *Беклемишевъ*, Федоръ *Допухинъ*; казацкіе атаманы—Казаринъ *Волнинъ*, Третьякъ *Жаряной*; девять человекъ литвы, одиннадцать конныхъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ и шесть пѣшихъ казаковъ. Сами плѣнники и плѣнницы, согласно Высочайше одобреннаго церемоніала, ѣхали (взрослые порознь, а малые при матеряхъ или подвое) въ особыхъ росписанныхъ саняхъ, запряженныхъ цугомъ и ведомыхъ на поводьяхъ особыми проводниками въ собольихъ шубахъ; „а которые ѣдутъ съ царицами (писалось въ церемоніалѣ) и тѣмъ всѣмъ шубы надѣти *выворачивая* подпоясався—а всѣхъ будетъ ихъ въ шубахъ 50 человекъ²⁾“.

Между тѣмъ приведенный Воейковымъ къ шерсти и посланный въ Чаты на развѣдки о пропавшемъ Кучумѣ, Мурза Сеитъ Туль-Маметъ, дѣйствительно нутылся въ поиски за бывшимъ своимъ повелителемъ и, на третій день, нашель его съ тремя сыновьями и тридцатью оставшимися вѣрными сторонниками въ лѣсу. По словамъ посланца, Кучумъ во время боя, пользуясь общей безпорядочною свалкою, бросился въ „судно“ и самъ-третей съ сыновьями „утекъ“ внизъ по Оби. На предложеніе Сеита смириться и послѣдовать на Русь за своею семьею, упорный Кучумъ отвѣчалъ: „Не поѣхалъ я къ Государю и по Государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кою пору я былъ совсѣмъ цѣлъ; а за саблю мнѣ теперь ѣхать къ Государю не по что; нынѣ я сталъ глухъ и слѣпъ и безъ всего живота: взяли у меня промышленника сына моего Асманакъ; если бы у меня всѣхъ дѣтей поймали, а одинъ-бы у меня остался Асманакъ, я бы съ нимъ еще промыслилъ; а нынѣ я *пду въ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухары*³⁾. Съ такимъ отвѣтомъ Сеитъ и прибылъ въ Тару 5-го октября.

Убѣдившись, что рассчитывать на поддержку кулундинскихъ и

¹⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Роспись пожалованнаго Государемъ Кучумову семейству платья.

²⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Роспись отъ 16 января 1599 г. какъ въѣхать въ Москву.

³⁾ *Акты историческіе*, т. II-й. Отписка Тарскихъ воеводъ отъ 17 октября 1598 года.

чатскихъ татаръ нечего, Кучумъ рѣшилъ, какъ онъ и говорилъ Сеиту, бѣжать въ ногаи, гдѣ у него, повидимому, находились въ это время не послѣдовавшіе на Обь, сыновья Алей и Канай, изъ которыхъ первый былъ женатъ на дочери Ногайскаго князя Тинъ Ахмата, а послѣдній на плѣненной русскими при Ирмени, дочери Ногайскаго князя Уруса; тамъ-же находилась и одна изъ дочерей Кучума, выданная за Ногайскаго Акъ-Мирзу¹⁾. Едва одѣтый и снабженный чатскими татарами, изъ милости, лошадьми для бѣгства, Кучумъ направился знакомымъ путемъ между р.р. Карасукъ и Бурлу, сначала на Иртышъ, а затѣмъ въ верховья Ишима и Нуры къ громадному озеру Кургальджинъ въ нынѣшней Акмолинской области (на картахъ обозначаемому обыкновенно подъ названіемъ Денгизъ), гдѣ въ это время кочевала Ногайская орда и гдѣ, повидимому, находились и Алей съ Канаемъ. По крайней мѣрѣ, какъ мы вслѣдъ за симъ увидимъ, отсюда эти царевичи производили свои набѣги на русскія и татарскія поселенія въ верховьяхъ рѣкъ Тоболъ, Міаса, Ницы и др.

О бѣгствѣ къ Кургальджину упоминаетъ и Тобольскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ*, прибавляя при этомъ, что первоначально Кучумъ направился вверхъ по Иртышу къ озеру Зайсанъ въ „калмыцкую землю и похитивъ у калмыковъ коней многое число и побѣжа на ино мѣсто со своими; калмыки-же гнаша во слѣдъ его и достигоша на Норъ-Ишамъ у озера Кургальчина, и ту многихъ кучумлянъ побяша и коней, свои стада отъяша и достальное имѣніе его пограбаша. Кучумъ-же бѣжа отъ нихъ съ малыми людьми въ ногайскую землю жити и кормится нищетою“. Странствіе Кучума на Зайсанъ и вообще къ калмыкамъ представляется намъ маловѣроятнымъ. Правдоподобнѣе дѣло объяснить такимъ образомъ, что Кучумъ во время бѣгства своего въ верхъ Ишима, натолкнулся на кочевья калмыковъ (начинавшихъ въ это время, родъ за родомъ, выдвигаться изъ Монголіи въ верховья Оби и Иртыша), и по старой привычкѣ степныхъ кочевниковъ не воздержался отъ того, чтобы воровскимъ манеромъ не отогнать часть нужныхъ ему для дальняго пути коней; и подвергся за то преслѣдованію калмыковъ. Дальнѣйшая судьба Кучума намъ мало извѣстна. Умеръ онъ, повидимому, насильственной смертію въ 1601 году, такъ какъ съ этого года, старшій сынъ его Алей сталъ именовать себя *ханомъ Сибирскимъ*. Изъ показаній спутниковъ помянутаго выше боярскаго сына Артемьева по этому поводу, между прочимъ, видно, что пріѣзжав-

¹⁾ Карамзинъ. Т. IX, примѣчаніе 658.

шіе въ этомъ году къ Алею и Канаю-царевичамъ въ верховья р. Абуги бухарскіе купцы съ лошадьми, передавали Канаю поклонъ отъ матери его, давно отпущенной Кучумомъ „за старость“ на родину въ бухарскій городъ Сауранъ, и предложеніе прибыть въ тотъ городъ „на княженіе“; но Канаю не повѣхалъ—„для того что отца де ихъ Кучума заманивъ въ колмаки обманомъ убили.... да у нихъ въ Бухарѣхъ многихъ ногайскихъ мурзь заманивъ обманомъ, побил¹⁾“. О томъ-же событіи сибирскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ* пишетъ: „Егда-же Кучумъ со своими къ ногаямъ явился тогда ногаи ни мало потерпѣша, собрався съ роды своими, убиша Кучума и протчее имѣніе отъяша, а людей его похолопиша и глаголаша ему: вѣдомый ты и славный воръ, Муртазеевъ сынъ, и отецъ твой намъ много зла содѣлалъ и ты хотя и нищъ, тоже и намъ учинишь, что и протчіе твои люди отъ тебя-же убиты и озлоблены“. Противорѣчіе этого послѣдняго сказанія съ показаніемъ спутниковъ Артемьева, намъ кажется, можно примирить предположеніемъ, что нѣмощный тѣломъ, но не падавшій никогда духомъ, Кучумъ и послѣ Воейковскаго погрома въ Барабѣ, не успокоился: съ толпою добровольцевъ изъ ногайцевъ онъ видимо кинулся съ верховьевъ Абуги и Ишима искать счастья и сторонниковъ на Сырь-Дарю, въ Сѣверный Туркестанъ, давнее гнѣздо всякаго рода искателей вольной добычи киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ и бродячихъ калмыковъ—джунгаръ; но вмѣсто поддержки и счастья, нашелъ себѣ смерть въ средѣ неустойчивыхъ въ своихъ симпатіяхъ хищниковъ.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ видно, что въ 1600 году, четверо изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Кучума—Алей, Канаю, Азимъ и Кубей-Муратъ кочевали въ только что помянутыхъ верховьяхъ р. Ишима около озера Кургальджина въ Акмолинской области и далѣе на сѣверо-западъ въ вершинахъ р. Тобола, совместно съ немногими своими приверженцами и ногайскою ордою. Наученные неудачею отца своего въ борьбѣ съ русскими, они первое время вели себя чрезвычайно осторожно и не разъ даже засылали въ Тюмень, Тобольскъ и Уфу посланцевъ съ самыми мирными предложеніями; даже младшій изъ братьевъ отданъ былъ при этомъ въ аманаты. Но уже въ 1605 и 1606 годахъ эти мирныя сношенія перешли во враждебныя и царевичи не разъ производили, болѣе или менѣе удачныя набѣги на русско-ясачныя поселенія по Тоболу, Турѣ и Міасу.

Этимъ началась тѣ, тянущіеся чрезъ все XVII и первую половину XVIII столѣтія набѣги на Юго-Западную Сибирь (южные

¹⁾ Русская историческая библиотека, томъ II, ст. № 99.

уѣзды Тобольской и Пермской губ. и восточные Оренбургской), которые производились сначала подъ знаменемъ кучумовичей, а потомъ и безъ всякаго знамени и предлога, ногайцами, калмыками, башкирами и казачьей ордою (киргизами).

Въ первые годы XVII столѣтія, насколько о томъ можно судить по развѣдкамъ казаксвъ и другихъ служилыхъ людей, набѣги производились почти исключительно ногайцами: родственные имъ башкиры еще не успѣли сдѣлать имени своего памятнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ, почему упоминаніе о нихъ мы изрѣдка лишь встрѣчаемъ въ донесеніяхъ сибирскихъ служилыхъ людей того времени; калмыки только-что стали выдвигаться изъ предѣловъ нынѣшней Монголіи въ Кулундинскія, Иртышскія и Ишимскія степи. Вся сѣверо-восточная часть нынѣшней Акмолинской области, Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды Семипалатинской области, представляла сплошныя пустыни, не занятыя никѣмъ. О киргизахъ, нынѣ обитающихъ въ этихъ мѣстностяхъ или „казакахъ“, какъ они долго назывались русскими (и какъ они сама себя именуютъ до сихъ поръ), въ показаніяхъ и донесеніяхъ тогдашнихъ сибирскихъ служилыхъ людей нигдѣ не упоминается; очевидно, ихъ совсѣмъ здѣсь не было.

Болѣе положительныя данныя о киргизахъ или „казачьей ордѣ“ того времени мы встрѣчаемъ лишь въ памятникахъ сношеній самаго Московскаго правительства съ азіатскими народами. Еще въ 1534 году посланный въ ногайскую орду Иваномъ Грознымъ служилый человекъ Данило Губинъ, доносилъ царю: „А казаки Государь сказываютъ добре сильны, а сказываютъ Государь Ташкенъ воевали и Ташкенскіе царевичи сказываютъ съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали“. Въ 1569 году посланный къ тѣмъ же ногайцамъ Семень Мальцевъ писалъ о нападеніи на ногайскіе улусы на Яикѣ „казацкія орды“ Акъ-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича. Очевидно, „казацкая орда“ того времени давала себя знать болѣе западу, чѣмъ востоку, хотя и въ западномъ направленіи, она далеко не доходила до тѣхъ границъ, у которыхъ мы ее видимъ теперь. „Книга большаго чертежа“, составленіе которой относится къ 1600 году, мѣстомъ главныхъ киргизскихъ кочевій указываетъ среднее теченіе рѣки Сыръ-Дарья и мѣстности, лежащія сѣвернѣе ея на 600 верстѣ“, въ верховьяхъ р. Сарысу и окрестностяхъ горъ Улу-тау.

Въ годъ прихода Ермака въ кучумовскую или Туринско-Тобольско-Ишимскую Сибирь (1582 г.) въ только что названныхъ мѣстахъ древнихъ кочевокъ киргизъ или казачьей орды, происходили собы-

тія не меншеї важности; здѣсь разыгралась одна изъ памятникѣйшихъ драмъ въ исторіи Средней Азіи: разгромъ знаменитымъ Бухарскимъ ханомъ *Абдуллою*, при помощи киргизъ, исконнаго своего врага *Баба-Султана*, или такъ называемый Улутавскій походъ въ нынѣшнюю Акмолинскую область. Преслѣдуя врага по пятамъ, Абдулла доходилъ, по выраженію его панегириста-историка, до „прекраснѣйшаго изъ всѣхъ мѣстъ Дешты-Кипчака“—Улу-Тау; передовые-же полки его подъ начальствомъ казакскихъ *Шигай-Хана* и сына его *Тевекель* - султана заходили далеко дальше въ страну мангитовъ (ногайцевъ), въ верховья р. р. Ишима и Тобола. На рѣкѣ „Саукъ“ произошла рѣшительная битва, въ которой самъ Баба-Султанъ и виднѣйшіе изъ его сторонниковъ погибли, войска-же Бухарскаго хана побѣдоносно возвратились во-свои. Киргизскій ханъ Шигай и его сынъ Тевекель, были осыпаны ханскими милостями, съ предоставленіемъ въ пользованіе ихъ многихъ земель и города Туркестана.

Не болѣе какъ хитростью, рассчитанною на незнаніи русскими положенія дѣлъ въ Джиты-Кипчакѣ, слѣдуетъ, послѣ этого, объяснить посольство Тевекеля въ 1594 г. въ Москву съ предложеніемъ яко-бы вступить съ казачьею ордою въ русское подданство, на условіи возврата захваченнаго въ плѣнъ подъ Тобольскомъ племянника его *Уразъ-Магомета*.

Послѣдующія событія еще болѣе усилили значеніе „казачьей орды“ въ Средней Азіи и передвинули ея интересы отъ нынѣшнихъ киргизскихъ степей еще далѣе къ югу. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ хищническихъ набѣговъ на сѣверныя страны осѣдлаго Турана, Тевекель въ 1598 году (въ годъ окончательнаго пораженія Кучума на Оби), пользуясь тѣмъ, что монархія грознаго Абдуллы послѣ его смерти, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, стала распадаться на части, съ нѣсколькими мелкими владѣльцами во главѣ, кинулся съ многочисленнымъ войскомъ изъ разныхъ племенъ сѣвернаго Турана и узбековъ, въ самый центръ Средней Азіи, быстро подчинивъ себѣ Ахсы, Андижанъ, Ташкентъ и Самаркандъ. Оставивъ здѣсь брата своего Ишима съ 20.000 человекъ, самъ Тевекель съ 80.000 человекъ двинулся къ самой Бухарѣ, гдѣ въ это время было не болѣе 15.000 войска. Упорное сопротивленіе защитниковъ Бухары, вскорѣ заставило стянуть сюда всѣ силы „казаковъ“, которые, простоявъ въ окрестностяхъ Бухары нѣсколько мѣсяцевъ и разграбивъ массу осѣдлыхъ бухарскихъ поселеній, удалились къ Туркестану и Ташкенту, гдѣ они съ этого времени на долго водворяются, живя на счетъ трудлюбиваго покореннаго осѣдлаго на-

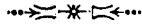
рода¹⁾. Занятая было ордою степи Джиты-Кипчака, какъ показано въ книгѣ Большаго Чертежа, съ этого времени надолго остаются почти впустѣ, какъ это мы узнаемъ въ послѣдующихъ главахъ изъ показаній бывавшихъ здѣсь въ XVII столѣтіи сибирскихъ казаковъ.

Немудрено, послѣ этого, что ни въ донесеніяхъ, ни въ разспросахъ сибирскихъ служилыхъ людей конца XVI и начала XVII столѣтія, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстій о нынѣшнихъ киргизахъ или „казакской ордѣ“. Сибирь и даже нынѣшнія киргизскія степи, въ то время не интересовали киргизъ: всѣ ихъ интересы сосредоточивались на благодатномъ, густо заселенномъ югѣ. Даже Ногаи съ присоединившимися къ нимъ сибирскими кучумовичами, не смотря на только что потерпѣнную послѣдними вытесненіе изъ давно насиженныхъ мѣстъ въ Ишимскихъ, Тобольскихъ и Иртышскихъ степяхъ, присматривались къ дѣламъ юга или Средней Азіи не меньше, чѣмъ къ пустынной Сибири. Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, какъ сказано выше со словъ боярскаго сына Артемьева, что и Кучумъ, явившійся послѣ Воейковскаго погрома въ Ногаи, не отказался отъ попытки поискать счастья на томъ-же югѣ, во владѣніяхъ только что распавшагося къ тому времени государства Абдуллы. Совершенно вѣроятенъ и другой рассказъ Артемьева о предложеніи пустопорожняго княженія сыну Кучума Канай-царевичу, мать котораго была бухарскаго владѣтельнаго рода, гдѣ и проживала. Сообщеніе тобольскихъ и туринскихъ татаръ и ногаевъ съ сѣвернымъ Туркестаномъ и Бухарою (черезъ верховья Тобола, Абуги, Ишима, мимо оз. Кургальджинъ, Улутавскихъ горъ, по рѣкѣ Сары-Су) было издавна проторено. О родственныхъ связяхъ бухарскихъ владѣльцевъ съ владѣльцами ногайскими, киргизъ-казачьими и сибирско-татарскими, интересующіеся могутъ найти подробныя свѣдѣнія въ обстоятельномъ изслѣдованіи *Вельямина-Зернова* о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ и позднѣйшихъ статьяхъ г. *Оксенова* о сибирскомъ царствѣ до эпохи Ермака.

Упомянутое сибирскихъ лѣтописей: Ремезовской о томъ, что Кучумъ пришелъ въ „Сибирь“ — „отъ казачьей орды со многими вои“ и Строгановской, что онъ явился „изъ степи съ поля“ долго служило доказательствомъ того, что самъ Кучумъ былъ родомъ киргизъ-казакъ. Это мнѣніе поддерживалъ и извѣстный исторіографъ казачьей орды Левшинъ. Послѣднія болѣе точныя изысканія по этому вопросу убѣждаютъ, однако-же, что помянутыхъ выражений лѣтописцевъ нельзя толковать въ сказанномъ смыслѣ. Кучумъ не-

¹⁾ Вельяминъ-Зерновъ. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Т. II (стр. 297—400). В ам б е р г и. Исторія Бухары. Т. II (стр. 44—46).

сомнѣнно не былъ „казакомъ“ и если при сверженіи имъ Бекбулата съ княженія на устьѣ Тобола въ Кашлыкѣ, Искерѣ или „Сибиря“ и участвовали степные татарскіе „казаки“, то это можетъ служить лишь указаніемъ на то, что въ предъ-кучумовскую эпоху, разбойническія вольныя ватаги всякаго рода средне-азіятскихъ выходцевъ, носившія сборное имя „казаковъ“ бродили по Сары-Су, Тургаямъ, Кенгирамъ, въ окрестностяхъ Кургальджина значительно сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, которыя значатся ихъ главнымъ обиталищемъ по „книгѣ Большаго Чертежа“, откуда они, какъ мы выше сказали, въ концѣ XVI столѣтія, увлекаемые открывшеюся обильною добычею въ городахъ сѣвернаго Туркестана, отпочевали далѣе на югъ къ Сырь-Дарьѣ.

ГЛАВА IV-я.

РУССКІЕ ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ РѢКЪ ОБСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОИСКИ ВОДНЫХЪ ПУТЕЙ ВЪ ИНДІЮ И КИТАЙ.

Заложеніе Обдорска, Нарыма, Мангазѣи, Туринска и Томска.—Смутное время въ Сибири.—Борьба съ кучумовичами, ногаями и калмыками на Тоболѣ и его притокахъ.—Калмыки на Камышловскихъ озерахъ и р. Оми.—Первыя развѣдки верховьевъ Иртыша и соляныя экспедиціи къ Ямышгъ-озеру.—Указъ Царя Михаила Феодоровича о заложеніи острога при устьѣ р. Оми.—Заложеніе Кузнецка.—Поиски истоковъ р. Оби и водныхъ путей въ Индію и Китай.—Экспедиція казака Ивана Петлина.

Укореняясь и устраиваясь въ новой странѣ, шагъ за шагомъ, Московское правительство вслѣдъ за Тюменью, Тобольскомъ, Тарою и другими городками, помянутыми въ предшествующихъ главахъ, основало въ Сибири въ 1595 году—Обдорскій острожекъ на Оби; въ слѣдующемъ 1596-мъ году Нарымъ, на той-же Оби и Кеть. Въ 1600 году Мангазѣю на р. Тазъ—главномъ тогдашнемъ центрѣ промысла пушниною, Туринскъ и въ 1604 году—Томскъ, заложены казакимъ письменнымъ головою Писемскимъ, командированнымъ сюда изъ Сургута.

Все это были городки и острожки самой сѣверной лѣсистой и болотистой части Сибири, богатой пушниною и обитаемой наиболѣе мирными инородцами. Укореняясь здѣсь, русскіе въ первое время весьма мало думали о движеніи на югъ въ нынѣшнюю степную и горную Сибирь съ ея благодатными залежами пахатнаго чернозема и рудными богатствами. Ни залежи эти, ни рудныя богатства еще не были извѣстны; да и обитатели Сибирскаго юга являлись далеко не тѣми безсбидными сѣверянами, каковы были остяки, самоѣды, вогуличи, пелымцы и проч. Несомнѣнно, русскіе долго-бы еще держались исключительно звѣроловческаго сѣвера и сѣверо-востока Сибири, если-бы не два, главнѣйшимъ образомъ, обстоятельства, понуждавшія ихъ не только не терять изъ вида югъ страны, но и постепенно подвигаться въ этомъ направленіи далѣе и далѣе. Обстоятельства эти были: съ одной стороны оборона южныхъ границъ звѣропромышленнаго сѣвера Сибири отъ вторженій южныхъ кочевниковъ ногаевъ, саянско-кузнецкихъ киргизъ, калмыковъ и „казачьей орды“, а съ другой—желаніе не дать западнымъ иноземцамъ про-

викнуть сибирскими рѣками въ баснословно-богатые Китай, Бухару и Индію раньше русскихъ. Чередуюсь одно съ другимъ, или-же воздѣйствуя совмѣстно, оба эти обстоятельства непрестанно побуждали русскихъ людей проникать на югъ гораздо далѣе того, чѣмъ это требовалось интересами занятія собственно Сибири, какъ страны всякаго рода пушнины.

Не знаемъ какъ бы пошла дѣла при благополучномъ царствованіи перваго устроителя Сибири царя Бориса Феодоровича Годунова, такъ какъ ему не суждено было довести до конца свои широкія начинанія... Преждевременная кончина царя и его преемника—сына, а затѣмъ самозванщина и смутное время на Руси, на долго остановили естественный ходъ культурнаго развитія русскаго государства. Тоже самое отразилось и на Сибири, ибо какъ ни отдаленна была она отъ своей зауральской метропоіи, и какъ не труденъ былъ путь отъ Москвы до сѣверныхъ инородческихъ пустынь Сибири и обратно, но охватившая въ началѣ XVII столѣтія всю Русь „смута“ сказалась и въ этомъ далекомъ краѣ. Правда, роль русскихъ людей вообще и служилаго казачества въ сибирской смутѣ была совсѣмъ не та, что по западную сторону Урала, гдѣ „вольное“ „воровское“ казачество открыто стало въ ряды враговъ, Московскаго государства; здѣсь, въ Сибири, волновались, можно сказать, почти исключительно инородцы, вознамѣрившіеся, пользуясь постоянными перемѣнами правительства на Москвѣ и междуцарствіемъ— „быть себѣ царствомъ какъ было при Кучумѣ царѣ“. Сибирскимъ казакамъ въ смутную эпоху приходилось думать и хлопотать не о своихъ вольностяхъ, а о сбереженіи, такъ сказать, собственной шкуры, которой угрожала серьезная опасность отъ поднявшихся голову инородцевъ. Не о внѣшнихъ, также, приобрѣтеніяхъ думалось и тогдашнимъ здѣшнимъ воеводамъ, а лишь объ отстаиваніи занятыхъ русскими позицій въ новой странѣ, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Время было трудное. Просматривая даже тѣ немногіе изъ архивныхъ документовъ того времени, которые дошли до насъ не уничтоженными, мы то и дѣло наталкиваемся на донесенія, рисующія ненадежность положенія русскихъ въ обширной инородческой странѣ. Въ одномъ, напирямѣрь, документѣ читаемъ показаніе служилаго человѣка о томъ, —, что хотя-де Вогуличи въ Сибирскихъ городѣхъ воевать: чѣмъ-де намъ на Русь идти войною, мы и здѣсь вожемъ въ Сибирскихъ городѣхъ¹⁾.... Въ другомъ мѣстѣ читаемъ—воеводы жалуются на недостатокъ служилыхъ людей, такъ какъ— „служилые люди по городамъ въ разсылѣхъ въ Мангазеѣ и въ

¹⁾ Русская историческая бібліотека. Т. II-й 1875 г. № 100, столб. 285.

Сургутъ для *измѣннаго дѣла*“; въ третьемъ документѣ повѣствуется какъ казаки, ѣдучи за сборомъ ясака, находятъ у Сосвинскихъ остяковъ стрѣлу, — „а на стрѣлѣ нарѣзаны одиннадцать шайтановъ и поперегъ шайтановъ рѣзано-жъ“. Стрѣла эта, какъ оказалось на допросѣ, разсыпалась изъ конца въ конецъ отъ однихъ инородцевъ къ другимъ, какъ символъ призыва ихъ къ борьбѣ съ русскими (шайтанами, перерѣзанными на стрѣлѣ пополамъ); въ четвертомъ мѣстѣ читаемъ челобитную Березовскихъ казаковъ о пожалованіи ихъ за то, что они два мѣсяца отсиживались въ своемъ острожкѣ отъ окружившихъ его со всѣхъ сторонъ „въ великомъ множествѣ“ инородцевъ, ровъ копали и во рву острогъ ставили и городъ крѣпили и Божіею милостію отсидѣлись, многихъ воровъ перенимали и т. д. и т. д. И не одному Березову въ то время приходилось, будучи въ осадѣ, отсиживаться и „быть въ великомъ береженіи“; отсиживались и гонялись за измѣнниками кетскіе казаки въ 1605 году; сургутскіе въ 1606 году; въ 1609 году, татары, вогулы и остяки пытались разрушить Тюмень; въ 1612 году вогулы осаждали и поджигали Пелымъ. Даже самъ, такъ сказать, столичный Тобольскъ не разъ былъ въ большой опасности. Нечего говорить уже о такихъ окраинныхъ городкахъ, какъ Томскъ и Тара, гдѣ приходилось биться какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами.

Первыми воспользовались затруднительностью положенія смутнаго времени, какъ и слѣдовало ожидать, кучумовичи съ поддерживавшими ихъ татарами или ногаями разныхъ наименованій, а затѣмъ присоединившимися къ нимъ калмыками, все болѣе и болѣе подвигавшимися съ юга къ сѣверу нынѣшнихъ Акмолинской и Тургайской областей и Томской губерніи. Изъ показаній командированныхъ для развѣдокъ изъ Тобольска, Тюмени и Уфы служивыхъ людей, видно, что въ первые года XVII столѣтія Кучумовы дѣти держались все болѣе верховьевъ р. Тобола и его притоковъ, откуда и производили болѣе или менѣе частые набѣги на подчинившихся русской власти тюменскихъ татаръ. Старшій, унаслѣдовавшій титулъ царя или хана, Алей, кочевалъ совмѣстно съ тестемъ своимъ ногайскимъ княземъ Урусомъ сѣвернѣе впаденія въ эту рѣку лѣваго ея притока Уя (т. е. частью въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи и частью въ Курганскомъ округѣ, Тобольской губерніи); Канай и Азимъ (Азія) — южнѣе въ верховьяхъ праваго притока Тобола — Абуги совмѣстно съ табынцами, поддерживавшими этихъ кучумовичей. Табынцы, по показаніямъ тѣхъ-же служивыхъ людей, были собственно Башкиры, составившіе одну или нѣсколько волостей, подвѣдомыхъ сибирскимъ ханамъ-царямъ. По словамъ по-

мянутаго въ третьей главѣ боярскаго сына Гаврилы *Артемьева*, во время бытности его въ 1601 году, въ посольствѣ къ Кучумовымъ дѣтямъ, въ Каратабынскую башкирскую волость—,пришли двадцать семей башкирцевъ, съ жонами и дѣтьми; а бывали-де онѣ прежь сего тое-жь Каратабынскія волости есашные-же башкиры *были съ Кучумомъ*¹⁾. Послѣднее показаніе служить косвеннымъ подтвержденіемъ приводимаго въ извѣстномъ трудѣ Рычкова²⁾, показанія башкирскаго старшины Алдара, что „*башкирскій народъ изстари былъ одинъ съ ногайцами* и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ они отъ сибирскихъ хановъ великія разоренія претерпѣвать принуждены“— вслѣдствіе чего часть ихъ, снявшись съ своихъ мѣстъ, ушла на Яикъ, Каму и Волгу и только часть „еще будучи подъ именемъ ногаевъ“, осталась на прежнихъ мѣстахъ жительства, получивши отъ ушедшихъ ногайцевъ ругательное прозвище „*Башкуртъ*“, т. е. главный волкъ или воръ“³⁾. Въ такомъ состояніи достались они сначала казанскимъ и сибирскимъ ханамъ, разорившимъ ихъ въ конецъ, а затѣмъ приняли подданство русскихъ. Участіе Табынскихъ волостей въ борьбѣ Кучума и его дѣтей съ русскими показываетъ, что и въ началѣ XVII столѣтія башкирцы еще не вполне освободились отъ владычества уже павшихъ сибирскихъ хановъ. Даже въ 1623 году, какъ видно изъ показаній одного служилаго татарина, младшій сынъ Кучума царя, Ишимъ, кочевавшій на р. Уй, ходилъ въ Уфимскія волости—,старыхъ своихъ людей табынцевъ сыскивати“⁴⁾.

Судя по немногимъ, дошедшимъ до насъ, отрывочнымъ цифровымъ даннымъ, нужно думать, численность сосредоточившагося къ тому времени на Тоболѣ съ его верхними притоками татарско-ногайско-башкирскаго населенія, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ населенность только что разсѣяннаго русскими сибирско-татарскаго царства по Иртышу, Ишиму, Оми и въ Барабѣ. Тобольскимъ, тюменскимъ и тарскимъ служилымъ посланцамъ нашимъ и казацкимъ небольшимъ партіямъ, розыскивавшимъ и гонявшимся за кучумови-

1) Русская историческая бібліотека. Т. II, стр. 24.

2) Топографія Оренбургская. С.-Пб. 1762 г. ч. I, стр. 82—83.

3) Если переводъ названія „башкиръ“ совсѣмъ необходимымъ для бродячаго человѣка прозвипшемъ „*малый волкъ*“ или „*воръ*“ не есть излишняя, а быть можетъ и цензурная скромность *Рычкова*, то слово это вѣрнѣе перевести болѣе обиднымъ словомъ башъ—голова, киръ—дѣтородный членъ. Тогда выйдетъ названіе башкиръ, однозначущее съ руганью—„членова голова“ или „членоголовый“.

4) Какъ извѣстно, Табынскія волости и до сихъ поръ существуютъ въ Башкиріи; точно также, какъ часть сибирскихъ тюменскихъ татаръ (ногаевъ), долго составляли особую Башкирскую волость.

чами и ихъ сторонниками, приходилось по цѣлымъ недѣлямъ рыскать, не видя ни одного человѣка и проходить по нѣскольку сотъ верстѣ, чтобы то тамъ, то здѣсь натолкнуться на жилье или проѣзжихъ. При этомъ оказывалось, что, на примѣръ, Канай и Азимъ царевичи расположились зимовать въ верховьяхъ Абуги въ дубровѣ, всего со 150-ю табынцами, а лошади у нихъ ходятъ отъ зимовья въ полдниці; Алей ханъ расположился на Тоболѣ ниже впаденія Абугана съ немногими татарами и зырянцами, численностью всего въ 300 душъ; тесть его Урусъ стоитъ на Уѣ и Тагизакѣ съ „великими силами“ въ 500 душъ, а по другимъ въ 700 душъ, ногайцевъ и башкирцевъ Уфимскаго или Бѣло-воложскаго края; братъ Уруса Казій съ дѣтьми и прочими ногайскими силами до 7000 душъ кочуетъ въ странѣ по верховьямъ Яика, Уя, Исети и Міаса. Вотъ и все. Замѣчательно, что занимая со столь ничтожнымъ населеніемъ пространство болѣе чѣмъ въ 250 т. квадратныхъ верстѣ въ самомъ благодатнѣйшемъ и плодороднѣйшемъ краѣ всей сѣверо-западной Сибири, гдѣ теперь ютится двухмилліонное населеніе, тогдашніе сибирскіе кочевники считали свое экономическое положеніе до крайности стѣсненнымъ и, на примѣръ, Алей и Канай съ Азимомъ, имѣя при себѣ, какъ сказано, до 500 душъ, кочевали и зимовали порознь „для того, что имъ живучи вмѣстѣ прокормица не чѣмъ“; мало того: они вынужденными находились время отъ времени посылать къ бывшимъ своимъ данникамъ башкирамъ вѣрныхъ улусныхъ людей— „просить у башкирцевъ одежды и кормы“—какъ о томъ писалъ посланный для развѣдокъ боярскій сынъ Артемьевъ¹⁾.

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, кучумовичи, конечно, не могли сколько либо серьезно думать объ отмщеніи русскимъ за отцовскій разгромъ и хотя въ Тюмени и Тобольскѣ то и дѣло получались вѣсти о сборахъ ихъ напасть съ большими силами на Тюмень, тѣмъ не менѣе нападений сколько-либо значительныхъ не было и первыя пять лѣтъ новаго столѣтія прошли лишь въ угрозахъ съ одной стороны и „непрестанномъ береженіи отъ прихода воинскихъ людей“ съ другой, да въ посылкахъ развѣдчиковъ и посланцевъ для переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, пока съ юго-востока къ кучумовичамъ не подошло совершенно неожиданное подкрѣпленіе въ видѣ скопищъ *калмыковъ*.

Мы уже ранѣе изъ донесеній Тарскаго воеводы *Воейкова*, съ пути въ поискахъ за Кучумомъ, видѣли, что всего въ двухъ днищахъ отъ мѣста послѣдняго побойща съ Кучумомъ на Оби, въ 1598 году расположились пришедшіе съ юга калмыки въ пяти тысячахъ

¹⁾ Русская историческая бібліотека. Т. II, ст. 99.

душъ. Не ограничившись занятіемъ этихъ мѣстъ, они, тѣснимые съ одной стороны Алтынъ-ханомъ монгольскимъ, а съ другой обуреваемые междоусобіями, съ все болѣе и болѣе прибывающими силами, родъ за родомъ стали подвигаться къ сѣверу и сѣверо-западу нынѣшнихъ Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей и Барабы.

Въ 1606 году впервые Тарскій воевода Сила *Гагаринъ* донесъ о появленіи калмыковъ въ Тарскомъ уѣздѣ. Съ этого года улусы ихъ одинъ за другимъ появляются на Оми, по Камышлову, на Ишимѣ и Тоболѣ. Безсилные въ противодѣйствіи столь могучему переселенческому потоку, ногаи съ удѣльщиками отъ русскаго разгрома кучумовичами частью передвигаются еще далѣе на сѣверо-западъ, въ верховья Яика и южные отроги Уральскаго хребта, къ Общему Сырту, частью присоединяются къ пришельцамъ и общими съ послѣдними силами начинаютъ тѣснить, какъ подвластныхъ русскимъ ясачныхъ инородцевъ, такъ отчасти и самихъ русскихъ, особенно подъ Тарою и Тюменью. Русскіе, въ свою очередь, ясно сознавая съ одной стороны свою крайнюю малочисленность, а съ другой неустойчивость положенія, вспомнившихъ о Кучумѣ царѣ сѣверныхъ инородцевъ, находившихся по отношенію къ южному фронту дѣйствій русскихъ въ тылу, дѣйствуютъ чрезвычайно осторожно, высылая на встрѣчу неожиданнымъ пришельцамъ, смотря по обстоятельствамъ, то развѣдчиковъ, то посланцевъ, то вооруженные отряды. Развѣдчики—казацкіе атаманы и боярскіе дѣти, доносили, что калмыцкіе люди, большіе и малые тайши „идутъ съ старыхъ кочевницъ отъ Алтыновыхъ людей и мугальцевъ (монголовъ); а кочуютъ-де тѣ Алтыновы люди у Иртышскихъ у соляныхъ озеръ; а калмыцкіе тайши съ своими улусами людьми на Камышловѣ *тѣтъ* что „промежъ Иртыша и Ишима и тутъ-де у нихъ скоть и животъ“ и между Омью и Чаны озеромъ, и на Ишимѣ и на Аbugѣ¹⁾, гдѣ передъ этимъ, какъ мы видѣли, только что кочевали ногаи. А калмыцкій-де большой тайша Каракула ходилъ „къ Алтыну царю войной, а людей съ нимъ ходило 4000 и улусъ-де у Алтына царя повоевалъ и полону взялъ много, и взявъ-де пошелъ назадъ; и Алтынъ-де царь послалъ на переемъ къ тому Каракулѣ тайшѣ 4000 людей и 3000 озадъ, и у тайши-де Каракулы людей всѣхъ побилъ и Каракула ушелъ съ сыномъ²⁾.... Что Ишимъ-де царевичъ вмѣстѣ съ калмацкими тайшами (породнившись съ однимъ изъ послѣднихъ), кочуетъ на Ишимѣ. А наряжаются-де они вновь войною на му-

¹⁾ Донесеніе тюменскихъ воеводъ Михайлы *Долгорукаго* и Юрья *Редрикова*.

²⁾ Показанія коннаго казака Куземки Толмачева. Русск. Ист. Библ. т. II.

гальскихъ людей, а женъ и дѣтей своихъ и скоть и животь отсылають на Камышловъ. Похваляется-де Ишимъ-царевичъ, что-де и русскіе городки отъ нихъ не уйдуть, что „*Сибирскіе-де казаки отца его Кучума извели, а братью его Алея и Азія разорили* и ему-де Ишиму приходити за то на государевы города войною¹⁾“ и т. д.

Русскіе посланцы въ отвѣтъ на то говорили тайшамъ и царевичамъ царское жалованное слово: „чтобы тѣмъ тайшамъ быти подъ Его царскою рукою, и на государевой-бы землѣ тайшамъ не кочевати, царскихъ вотчинъ на Оми и Камышловѣ не зорити; на государевы волости войною не приходити и на звѣровы звѣровщиковъ не побивати, не грабити, и тайшамъ-бы на томъ Государю шертъ держати по своей вѣрѣ“²⁾. А тайши Бобуга да Казенекъ, да Каназаръ имъ отвѣчали: „мы тайши кочуемъ на своей землѣ, а не на Государевѣ, а подъ Государевой рукою мы не хотимъ быти; хотимъ-де съ Государевыми людьми воеватца“ и т. д. И шли то подъ Тюмень, то подъ Тару. А русскіе люди въ свою очередь гонялись за кучумовичами, ногайцами и калмыками. Извѣстно, напримѣръ, что при тобольскомъ воеводѣ Матвѣѣ Годуновѣ учинено было два похода; одинъ подъ начальствомъ казачьяго атамана Дружины *Юрьева* въ мартѣ 1607 г., послѣ разграбленія кучумовичами Кынырскаго городка, а другой подъ начальствомъ головы Назарья *Изединова* въ юлѣ того-же года на Ишимъ, въ то время, какъ царевичъ Алей съ братомъ Азимомъ громили тарскихъ ясачныхъ инородцевъ, при чемъ Дружиной Юрьевымъ была захвачена мать Алеева, а Изединовымъ захвачены на становищѣ близъ лѣса *Шамши-Карагай* Алеева жена съ двумя сыновьями, двѣ жены Азимовы съ дочерьми и др. знатные полоненники. Извѣщенные о нападеніи, царевичи, оставивъ Тару, быстро кинулись въ погоню за Изединовымъ, но безуспѣшно; плѣнники привезены были въ Тюмень и въ слѣдующемъ году отправлены въ Москву, кружнымъ путемъ на Вологду и Новгородъ, такъ какъ прямое сообщеніе съ столицею, окруженною поляками и сторонниками втораго лже-Димитрія, было прервано. Изъ Новгорода плѣнники были доставлены въ Москву съ войсками князя Скопина-Шуйскаго.

Мстя за похищеніе семействъ своихъ родственниковъ, отецъ плѣнной Алеевой жены, помянутый выше не разъ, ногайскій мурза Урусъ съ сторонниками также кинулся подъ Тюмень и не доходя до нея всего 20-ти верстъ на Пышмѣ разграбилъ всѣ рус-

¹⁾ Показанія служилаго человѣка Васьки Трубачева.

²⁾ Донесеніе боярскаго сына Дмитрія *Черкасова* съ спутниками казаками Лазаремъ *Васильевымъ* и Офонькой *Тобанакъ*.

скія и инородческія ясачныя поселенія. Затворившіеся въ началѣ въ Тюменскомъ острогѣ русскіе служилые люди, убѣдившись, что силы Уруса не такъ велики, какъ предполагалось въ началѣ, вышли изъ острога и подѣ начальствоу помянутаго выше казацкаго атамана Дружины *Юрѣва* погнались за грабителями; настигли ихъ за Исетью, побили и возвратили полонь¹⁾.

Умѣстно будетъ сказать здѣсь о той роли, которая, благодаря умѣлой политикѣ тогдашняго русскаго правительства, выпадала, при подобнаго рода экспедиціяхъ на долю только-что покоренныхъ мѣстныхъ татаръ. Обласканные русскими властями и одаренные царскимъ жалованьемъ, эти инородцы весьма часто являются самыми ревностными помощниками русскихъ людей въ подведеніи непокорныхъ аборигеновъ страны подѣ высокую царскую руку. Въ одномъ изъ актовъ того времени, мы на примѣръ читаемъ, относительно только что изложенныхъ событій, Царскій указъ Тюменскому воеводѣ князю Корподинову о заслугахъ татарскаго служилаго головы Маитмаса Ачокматова, который „служить намъ (царю) въ Сибири больше 30 лѣтъ, какъ и Тюменскій городъ сталь (1586 г.); и какъ де былъ на Тюмени воевода Василій Сукинъ и посыланы были съ Тюмени на царя Кучума служивые люди и юртовскіе тюменскіе татаровя, и какъ де на той службѣ намъ служилъ, убилъ трехъ мужиковъ да дву живыхъ взялъ; и послѣ того голова Алексѣй Безобразовъ посылалъ съ Тюмени станицу для воинскихъ людей тюменскихъ казаковъ и татаръ 20 человекъ, и онъ де у Алея царя взялъ изъ улуса языка. Да при Алексѣѣ-же де Безобразовѣ ходили тобольскіе и тюменскіе казаки и татаровя зимою на калмацкихъ людей, и въ томъ походѣ въ улусѣ убилъ онъ тайшу, а его равили въ руку; да при бояринѣ и воеводѣ при Матвѣѣ Михайловичѣ Годуновѣ ходили тобольскіе-же и тюменскіе казаки и татаровя войною на Алея царя и съ Алеемъ де царемъ у нихъ было дѣло, и на томъ де дѣлѣ взялъ онъ Алееву матеръ; при бояринѣ-же и воеводѣ при Матвѣѣ Михайловичѣ приходили подѣ Тюмень городъ войною ногайскіе люди и повоевали въ Тюменскомъ уѣздѣ наши ясачные волости и бояринъ де Матвѣй Михайловичъ Годуновъ посылалъ съ Тюмени за тѣми ногайскими людьми казаковъ и татаръ и съ тѣми ногайскими людьми было у нихъ дѣло, и на томъ де дѣлѣ убилъ онъ ногайскихъ людей семи человекъ да дву живыхъ взялъ; да при бояринѣ-же де при Матвѣѣ Михайловичѣ Годуновѣ какъ ходили съ Тюмени на царя Алея голова Назарей Изединовъ, и въ томъ де

¹⁾ Сиб. Ист. Миллера, т. II-й. Ежемѣсячн. сочин. къ пользѣ и увесел. служ. С.-Пб. 1755 г. Русск. Историч. Библиот. т. II-й, № 115.

походѣ взялъ онъ Алееву жену, да дву царевичей Алеевыхъ дѣтей; да при бояринѣ-жѣ де при Матвѣѣ Годуновѣ въ прошломъ 121 г. (1613 г.) ходила съ Тюмени зимою на калмацкихъ людей съ тѣми калмацкими людьми было у нихъ дѣло, и на томъ де онъ дѣлѣ бился и взялъ улускаго мужика; да въ прошломъ-же де въ 124 году какъ измѣнили намъ тюменскіе терсяцкіе волости ясачные татарове и за тѣми-де татары, посыланъ былъ съ Тюмени атаманъ Степацъ Молчановъ, а съ нимъ была литва и конные казаки и татаровя, и съ тѣми-де измѣнниками была у нихъ драка и онъ-де на той дракѣ убилъ, взялъ ясачнаго татарина и т. д.¹⁾

Интересно сравнить эту послужную выписку съ такою-же приведенною во 2-й главѣ относительно многосторонности послугъ казацкаго тюменскаго атамана Григорья Иванова, сподвижника Ермака.

Въ то время, какъ Тюмень отбивалась отъ Ногаевъ, поддерживавшихъ сыновей и внуковъ знаменитаго сибирскаго царя Кучума, а Тобольскъ, Березовъ, Целымъ, Мангазея и другіе сѣверные города усмиряли вогуличей, пелымцевъ и остяковъ, Тара выдерживала главный напоръ калмыковъ, родъ за родомъ, и улусъ за улусомъ занимавшихъ признаваемые за русскія урочища по Камышлову, Оми и Иртышу сѣвернѣе Омскаго устья.

Мирные переговоры объ отступленіи калмыковъ дальше отъ занятыхъ русскими мѣстъ ни къ чему не привели и изъ Тары пришлось командировать для отгона калмыковъ воинскія команды. На самой р. Оми въ двухъ дняхъ отъ ея устья устроенъ постоянный такъ называемый Барабинскій карауль, изъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ, наряжавшихся туда погодно. На правомъ русскомъ берегу, по одному изъ позднѣйшихъ калмыцкихъ показаній нашему посланцу *Уртому*, въ видѣ граничнаго знака вырѣзанъ былъ даже на одномъ изъ отдѣльно стоящихъ деревьевъ воинъ на лошади въ полномъ вооруженіи¹⁾.

Но ни этотъ воинъ, ни Барабинскій острожекъ на Оми, ни малолюдные воинскіе поиски за хищниками, ни посольскіе переговоры, какъ оказалось, не могли привести къ полюбовному разграниченію русскихъ сѣверянъ съ калмыками-южанами. Въ 1611 году послѣдніе, почувствовавъ за собою силу, дошли даже до того, что не пропустили въ степь русскія мелкія команды, шедшія на озера для добычи соли въ потребность населенія г.г. Тары, Тобольска и др.

Пришлось прибѣгнуть къ посылкѣ болѣе значительныхъ соляннхъ отрядовъ. Въ 1613 г. первая такая большая команда въ нѣсколько сотъ человекъ тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ каза-

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣло о посольствѣ Уртомова.

ковъ была сформирована подъ начальствомъ ротмистра—казацкаго атамана Барташа *Станиславова* и благополучно прослѣдовала на досчанникахъ вверхъ по Иртышу до самаго оз. Ямышъ, 450 верстъ южнѣе устья р. Оми и нагрузившись солью, такимъ-же порядкомъ возвратилась въ Тару. Съ этого времени подобныя же экспедиціи стали снаряжаться на Ямышъ почти ежегодно, хотя и нельзя сказать, чтобы всегда съ столь-же хорошими результатами. Въ одинъ разъ эти воинскія экспедиціи, сопровождаемыя обыкновенно и торговыми людьми изъ русскихъ и бухарцевъ, встрѣчались весьма дружелюбно: калмыки помогали русскимъ въ выломкѣ соли, открывали торгъ или обмѣнъ русскихъ произведеній на произведенія кочевниковъ; но въ иной разъ кончались и открытыми вооруженными столкновениями. Бывали случаи, что русскіе совсѣмъ уходили безъ соли.

Особенно яркими протавниками всякихъ дружескихъ сношеній съ русскими были кучумовичи (сыновья и внуки бывшего царя Сибирскаго), которые, породнившись съ калмыцкими тайшами, и здѣсь, на Иртышѣ, подобно тому, какъ мы видѣли на Ишимѣ и Тоболѣ, будировали противъ исконныхъ враговъ своего знаменитаго дѣда. Такимъ образомъ, начатые было тайшами *Балтуромъ*, *Орлекомъ* и *Туренемъ* въ 1615 г. переговоры о мирѣ съ русскими, окончились ничѣмъ, благодаря вмѣшательству извѣстнаго царевича Ишима, который, кочуя въ это время около Семи Палатъ (близъ нынѣшняго города Семипалатинска), и принявъ послѣ смерти старшаго своего брата Алея, титулъ Сибирскаго Царя, не постѣснился въ сношеніяхъ съ нашими служилыми посланцами прибѣгнуть къ обычной коварной измѣнѣ, имѣвшей для этихъ посланцевъ самыя печальныя послѣдствія.

Чтобы наказать предателей, въ 1618 году съ нашей стороны, подъ начальствомъ Алексѣя Вельяминова *Воронцова*, снаряжена была въ степь серьезная военная экспедиція, закончившаяся сильнымъ пораженіемъ названнаго царя и его сторонниковъ гдѣ-то въ верховьяхъ р. Ишима. Въ числѣ богатой добычи захвачено было болѣе 70-ти навьюченныхъ всякимъ добромъ верблюдовъ, часть которыхъ осталась въ Тарѣ, а часть (большая) черезъ Тобольскъ была въ качествѣ рѣдкостныхъ трофеевъ, доставлена ко двору въ Москву¹⁾.

Съ этого времени мысль о включеніи озера Ямышъ въ районъ безспорныхъ и постоянныхъ русскихъ владѣній вверхъ по Иртышу, дѣлается постоянною; особенно послѣ того, какъ въ 1624 году начальникомъ соляной экспедиціи къ Ямышу, тобольскимъ казацкимъ атаманомъ *Грозюю Ивановымъ* совмѣстно съ товарищемъ его, уже

¹⁾ Фишеръ, Сибир. Ист. кн. II, отд. втор.

не разъ помянутымъ выше, боярскимъ сыномъ *Дмитріемъ Черкасовымъ*, были привезены въ Тобольскъ образцы наломаннаго въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Ямышева (вблизи нынѣшняго казачьяго поселка на Иртышѣ Лебяженскаго) *албастра*, принятаго въ первое время за слюду.

Какъ только о такой находкѣ было получено извѣстіе въ Москвѣ, такъ немедленно-же присланъ въ Тобольскъ приказъ добыть той „слюды“ еще и доподлинно провѣдать, нельзя-ли въ тѣхъ мѣстахъ построить русскій острожекъ для охраны солянаго озера и другихъ мѣстныхъ богатствъ, буде таковыя откроются.

Исполненіе этого порученія возложено было на тѣхъ-же атамана *Грозу Иванова* съ *Черкасовымъ*, которые въ 1626 году между прочимъ писали, что они-де „пріѣхавъ къ соляному озеру Ямышу, развѣзжали и разсматривали у озера по обѣ стороны и по Иртышу вверхъ и внизъ мочно-ли у того озера Ямыша острогъ поставить чтобы былъ у крѣпостей и чтобъ было угодно и пашни и сѣнные покосы и лѣса и рыбныя ловли къ тому острогу были близко или не близко и въ колькихъ верстахъ и мочно ли тѣ пашни государевымъ людямъ, которые въ томъ острогѣ будутъ пахать и сѣна косить и лѣсъ сѣчи и рыбныя ловли ловить, и не будутъ-ли отъ калмацкихъ людей государевымъ людямъ какіе тѣсноты и порухи и съ калмацкими людьми мочно-ли будетъ торговати и какіе товары“. Таковъ былъ данъ имъ наказъ свыше.

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго донесенія атамана *Грозы Иванова* съ его товарищемъ. Вотъ что напри-мѣръ, писали наши развѣдчики объ окрестностяхъ оз. Ямыша. „А около озера солянаго и прѣснаго прилегла степь, чистое мѣсто, земля, песокъ, а трава на степи растетъ типецъ, не велика въ вершокъ. А противъ солянаго пристанища за рѣкою займище, а за займищемъ протока, а за протокою степь, чистое мѣсто, а земля песокъ, а трава тоже типецъ. А займищъ вверхъ по Иртышу лѣсныхъ мѣстъ въ лодкѣ ѣхать два днища; а внизъ по Иртышу займищъ лѣсныхъ мѣстъ по обѣ стороны много; а лѣсъ въ займищахъ топольникъ, а иного никакого лѣсу нѣтъ“ и т. д.

„А сѣнныхъ Государь покосовъ oprичъ займищъ нѣтъ; а по займищамъ и по лѣсомъ, по край рѣки межъ таловъ и межъ топольнику и ветельнику травы добыть мочно и то не на великъ скотъ“.....

Про пашни писалось: „А пашни пахати у солянаго озера и вверхъ по Иртышу по обѣ стороны Иртыша отнюдь нельзя, и хлѣбъ не родится, потому что земля песокъ и трава не растетъ; а внизъ по Иртышу пахотныхъ мѣстъ черной земли до Оми рѣки нѣту; а отъ

Они рѣки ходу до соляного пристанища большими судами вверхъ по Иртышу 4 недѣли“ и т. д.

— „А рыбной ловли въ рѣкѣ въ Иртышѣ и въ прѣсномъ озерѣ что близъ Ямыша озера мочно быть; въ томъ государевымъ людемъ нужи не будутъ, только бы калмацкіе люди не учинили какой тѣсноты“.

— „А калмацкіе торги будутъ-ли и прибыль Его Царскому Величеству будетъ-ли, про то невѣдомо, потому что съ колмаки не по вся годы мы ходячи къ Ямышу озеру выдаемъ и торгуемъ, и калмацкіе люди приносятъ продавать лисиченки красные польскіе, и бобриска и корсаки, и овчины и тулупы овчинные, а больша того рухлядь не многая; а большихъ товаровъ никакихъ нѣту, только продаютъ много лошадей и рогатаго скота; а купя лошади рогатый скотъ въ города проводить страшно, отъ нихъ-же отъ калмацкихъ людей. А только-бы острогу у Ямыша озера будетъ надобно, людей надобѣ въ томъ острогѣ съ вогненнымъ оружіемъ съ пять сотъ человекъ, и нарядъ (пушки) съ ними надобе-жъ, потому что около Ямыша озера кочуютъ калмацкіе люди многіе и обереганіе отъ нихъ держати надобе“¹⁾.

При сказкѣ Грозы Иванова и Черкасова приложены были особо чертежъ и росписъ, до насъ, повидимому, не дошедшіе или теперь утраченныя.

Донесеніе атамана Грозы Иванова по полученіи въ Москвѣ было тщательно разсмотрѣно, соображено и доложено Государю Михаилу Федоровичу. О результатѣ этого доклада, на обратной сторонѣ воеводскаго донесенія по сему написано: „Государь слушалъ и указалъ писать въ Тобольскъ къ воеводамъ: по тому ихъ высмотрю и по допросу острогу жилого у соленого озера ставить не велѣлъ, потому что они пишутъ о тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ мѣстъ нѣтъ, и пашни завести и хлѣба на служилыхъ и на жилацкихъ людей напакать негдѣ и всякихъ угодій мало и лѣсу хороннаго нѣту, и съ калмацкими людьми чаять небольшого и въ томъ острогѣ прибыли чаять мало. И они-бъ воеводы впредь посылали по вся годы, на Ямышъ озеро ратныхъ людей и судовъ по соль передъ прежними годы съ прибавкою, чтобы соли нагребать предъ прежнимъ съ прибылью и промыслять о томъ, смотря по тамошнему дѣлу какъ-бы Государю было лучше и прибыльнѣе“.

Такъ и было исполнено; мысль о возведеніи острога на Ямышѣ озерѣ временно оставлена, а составъ соляныхъ экспедицій усиленъ. Но при этомъ сильнѣе, чѣмъ до сего времени выяснилось и неудоб-

¹⁾ Русск. Историч. Библиот. т. VIII.

ство столь дальнихъ ежегодныхъ плаваній, безъ какого-бы то ни было промежуточнаго между Тарою и Ямышевомъ опорнаго пункта и базиса для склада всякаго рода запасовъ, на случай зазимованія и вообще обезпеченія сношеній съ столь отдаленнымъ пунктомъ. Возникла мысль объ устройствѣ передоваго для всей при-Иртышской степи, опорнаго пункта или острожка при устьи Оми, въ мѣстности, за которую уже давно было признано, выражаясь по современному, стратегическое значеніе въ смыслѣ узла для всевозможныхъ начинаній, какъ для защиты, такъ и нападеній.

Въ 1628 году, въ виду неоднократныхъ нападеній калмыковъ на ясачныя тарскія волости и выяснившейся безуспѣшности погони за ними отъ самой Тары, тамошніе воеводы Шаховской и Кайсаровъ, били Государю челомъ, что впредь для государевыхъ непослушниковъ калмацкихъ людей, безъ острожку вверхъ по Иртышу быти не мочно и рекомендовали для этого устье Оми, „гдѣ у калмацкихъ людей черезъ Иртышъ перевозъ“—и всякихъ угодій довольно и пашенныхъ людей устроить можно и на подмогу тѣмъ, что ходять ежегодно на Ямышъ озеро, ратныхъ людей и запасы содержать тоже можно.

Въ Москвѣ къ этому послѣднему предложенію отнеслись чрезвычайно сочувственно, особенно послѣ того, какъ посланные туда съ Тары казачій голова *Назирій Жадовскій* и конные казаки Безсонокъ *Учужниковъ* съ товарищами заявили, что „на устьѣ рѣки Оми острогъ поставити мочно, мѣсто хорошо и лѣсу близко много“—что „только-де на томъ Омскомъ устьѣ острогъ поставивши, изъ того-де острогу оберегати наши ясачныя волости мочно и перевозъ черезъ Иртышъ на Омскомъ устьѣ у калмацкихъ людей отнять мочно и ясачнымъ людямъ будетъ береженье великое отъ калмацкихъ людей“; что поставивши острогъ на устьѣ Оми, можно будетъ снять другой, имѣющійся на Оми Барабинскій острожекъ, служба въ которомъ затруднительна и сношеніе съ нимъ не всегда возможно.

Въ царскомъ указѣ тобольскимъ главнымъ воеводамъ, по поводу представленія *Шаховскаго* и *Кайсарова*, данномъ 31-го августа 1628 года, наказано:—по тщательной провѣркѣ тарскими воеводами и казаками, поставить на Омскомъ устьѣ острогъ.—„А какъ служилые люди тотъ острогъ поставятъ и крѣпостями укрѣпять и вы-бѣ на Омское устье на пашню велѣли послать крестьянъ изъ пашенныхъ изъ ближнихъ городовъ, откуда пригоже, что-бъ пашни завести, а сѣмена велѣли послати изъ Тобольска или откуда будетъ ближе“.

Есть сожалѣнію, этому благому указу Царя Михаила Феодоровича съ его разумно намѣченною колонизаціею средняго и верхняго Ир-

тыша, не суждено было осуществиться ранѣе какъ черезъ 88 лѣтъ, при внуцѣ его Петрѣ I-мъ и при томъ далеко не на тѣхъ раціональныхъ началахъ, какъ предполагалось въ 1628 году. Возникшія въ 1629 году и въ послѣдующіе года, волненія въ средѣ калмыковъ и нашихъ пограничныхъ ясачныхъ инородцевъ, пытавшихся съечь самую Тару (какъ о томъ будетъ подробно сказано въ послѣдующихъ главахъ), а затѣмъ возникновеніе сильнаго Джунгарскаго царства, поставившаго себѣ сѣверною гранью ту-же рѣку Омь, вынудили тобольскихъ и тарскихъ воеводъ отложить заложеніе острога при Оми на неопредѣленное время. Но мысль о необходимости такого предпріятія, какъ оказывается, съ того времени уже никогда не покидала мѣстныхъ сибирскія власти, до самаго осуществленія его въ дѣйствительности въ 1716 году. На извѣстномъ Ремезовскомъ чертежѣ сибирской земли въ концѣ XVII столѣтія мы видимъ отмѣтку противъ того мѣста, гдѣ теперь стоятъ городъ Омскъ: „*Край калмыцкой степи пристойно вновь быти городу*“.

Одновременно съ этимъ особенно сильно давали себя чувствовать дѣла на юго-востокѣ тогдашней Сибири, въ нынѣшнемъ Кузнецкомъ краѣ, гдѣ очутившіеся въ сосѣдствѣ съ русскими „киргизы“ стали нападать на наши новыя поселенія въ окрестностяхъ Томскаго острога, такъ энергично, какъ нигдѣ въ другой части Сибири.

Съ первыхъ-же дней основанія Томска русскіе почувствовали, что они вторглись въ страну обитаемую народомъ стойкимъ и готовымъ энергично отстаивать свою независимость. Нападенія на Томскій острогъ слѣдовали одно за другимъ; скотъ, выгоняемый въ окрестности города немедленно-же отгонялся „киргизами“; наши вытѣпывались, земледѣльцы и ихъ семьи умыкались въ горы¹⁾.....

Послѣ ряда стычекъ съ „киргизами“—томскіе воеводы, въ цѣляхъ огражденія города отъ постоянныхъ нападеній съ юга, вынуждены были въ 1618 году выдвинуть передовой опорный пунктъ внутрь Кузнецкаго края въ верховья р. Томи. Это былъ Кузнецкъ, заложанный казацкимъ головою Молчаномъ *Лавровымъ*. Не дешево досталось намъ это заложеніе. Просматривая дошедшіе до насъ письменные акты того времени, мы то и дѣло встрѣчаемъ челобитныя томскихъ и кузнецкихъ казаковъ, на то, какъ они—не щадя живота своего Кузнецкихъ людей покоряли; какъ прійдя въ кузнецкую землю „На Обинскій улусъ, Божію милостію и Государевымъ счастьемъ измѣнниковъ кузнецкихъ (киргизъ) воевали, городокъ у нихъ взяли

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ киргизъ, бывшихъ обитателей Саяно-Кузнецкаго края съ нынѣшними обитателями степей киргизъ-кайсаками; и по племени и по своей исторіи они имѣютъ мало общаго.

и князьковъ лучшихъ взяли на дракъ живыхъ. И сотникъ стрѣлецкій Иванъ Пущикъ и казачей атаманъ Бажень *Костянтиновъ* ихъ холопей государевыхъ пятьдесятъ человекъ посылали на другихъ государевыхъ измѣнниковъ въ Сарачеры, и Божією милостью тамъ улусъ новоевали, сарачерскаго князька лучшева взяли и привели къ городамъ къ сотнику стрѣльцкому къ Ивану Пущику, да къ атаману Бажену *Костянтинову*“. Или въ другомъ актѣ читаемъ какъ они, казаки,—, холопы государевы Государю служили на дракъ съ государевыми измѣнниками явственно бились. И генваря въ 15-й день тѣ государевы измѣнники Кузнецкіе люди собрався со многими людьми съ калмыками тысячъ съ пять и больши, и ихъ холопей государевыхъ, тѣ измѣнники въ городкъ осадили и къ городу многими приступы приступили, и сидѣли они (казаки) отъ нихъ въ осадѣ десять недѣль, и голодною смертію помирали. И прося у Бога милости изъ городка на вылазку выходили и съ тѣми измѣнниками бились явственно; и Божією милостью и Государевымъ счастьемъ тѣхъ измѣнниковъ на дракъ побили и князьковъ и лучшихъ людей взяли на дракъ живыхъ“. Въ третьемъ актѣ того времени читаемъ: „Бьютъ челомъ холопы Государевы дальніе отчины изъ Сибири Томскаво города конные стрѣльцы и казаки и литва и цѣшіе казаки... во всѣхъ своихъ товарищей дву-сотъ тридцати человекъ. Служимъ мы холопы Государевы..... всякіе царскіе службы зимніе и лѣтніе, лѣтомъ о дву конь и въ провзжіе станицы и зимніе погоды и дальныя посылки на лыжахъ недѣль по 10 и по 15-ти, и голодъ и нуку всякую терпимъ, и съ голоду Государь и съ ознобу помираемъ на царскихъ службахъ, а..... хлѣбнаго жалованья намъ холопомъ государевымъ преже сего съ Руси приходило въ наши оклады на прошлыя годы четь муки по пяти пудъ съ четью и по семи пудъ съ четью, а крупъ и толокна по томужъ. А нынчи Государевъ замась приходитъ малъ, четь муки по три пуда и по четыре, а крупъ четь и толокна по томужъ; и намъ холопамъ Государевымъ съ женишками и съ дѣтишками прокормиться нечѣмъ, Царскаго хлѣбнаго жалованья на годъ не доставаетъ“.....—Далѣе читаемъ: „Въ прошломъ Государь во 122 году (1614 г.) подъ Томской городъ войною твои Государевы измѣнники киргизскіе и ясашные люди и служивыя татарова багасарскія и кызымскіе и Чулымскіе и Мелесскіе и Керекулы и Кузнецкіе люди войною и отогнали Государь у насъ холопей твоихъ лошадей и коровъ и многихъ служивыхъ людей казакъ побили и твой Государь (казенный) хлѣбъ и казачей на сланѣ выжгли и вытоптали..... и насъ холопей твоихъ посылали на твою Царскую службу и на твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ на Куз-

нецкихъ людей войною. И Божію Государь милостію и твоимъ Государевымъ счастіемъ Кузнецкихъ людей побили и доставленные, Государь Кузнецкихъ людей привели подъ Твою Царскую высокую руку къ шертѣ, и теперь Государь кузнецкіе люди тебѣ Государю служатъ и прямятъ и ясакъ съ себя платятъ и заклады у нихъ въ городъ пойманы“.....

Или еще: „Да насъ-же Государь холопей Твоихъ лѣтомъ посылають твои Государевы воеводы на отъѣзжіе караулы и въ проѣзжую станицу человѣкъ по 30 по 40; а живемъ Государь на отъѣзжемъ караулѣ и въ проѣзжей станицѣ недѣль по десять и по пятнадцати; а пѣшихъ Государь казаковъ посылають за льдомъ (т. е. по проходѣ весенняго льда) въ Тобольскъ противъ (т. е. за) твоея Государевы денежныя казны и хлѣбныхъ запасовъ человѣкъ по сороку и по пятидесять; а наймемъ Государь противъ твоихъ Государевыхъ запасовъ въ Тобольскѣ рубли по четыре и по пяти; а ходили Государь въ Тобольскъ недѣль по двадцати и по тридцати. Да и насъ-же Государь холопей твоихъ посылають въ Чаты къ Мурзамъ и къ Томскимъ татарамъ на обереженіе отъ черныхъ и бѣлыхъ калмыковъ человѣкъ по двадцати и по тридцати. И мы Государь холопи Твои съ твоея Государевы службы и зиму и лѣто не бываемъ; лѣтомъ Государь по отъѣзжимъ карауламъ и въ проѣзжую станицу ѣдимъ и у татаръ по городкамъ для береженія живемъ и въ Тобольскѣ Государь съ весны до осени для твоихъ Государевыхъ запасовъ ѣдимъ. Зимомъ насъ холопей твоихъ, твои Государевы воеводы по землямъ и по городкамъ разсылають для твоего Государева ясаку и мы Государь холопи твои на твоихъ Царскихъ службахъ голодь и нузу терпимъ и въ подъемахъ Государь намъ холопемъ твоимъ убытки великіе ставятца; а насъ Государь въ Томскомъ городѣ служилыхъ людей немного всего двѣсти тридцать четыре человѣка“ и т. д. просьба о прибавкѣ служилыхъ людей и хлѣбнаго жалованья.

Одновременно съ этимъ на долю тѣхъ-же томскихъ и кузнецкихъ казаковъ, можно сказать, съ первыхъ-же дней ихъ образованія, выпала зарубежная развѣдочная служба за Саянскимъ хребтомъ въ Монголію и Китаѣ. Развѣдки эти вызывались съ одной стороны необходимостію имѣть вѣрныя свѣдѣнія о подвигавшихся изъ за Саянъ и Алтая въ нынѣшнія при-Обскія и при-Иртышскія степи калмыкъ и одномъ изъ болѣе видныхъ ихъ самостоятельныхъ владѣльцевъ Алтынъ-Ханѣ, а съ другой общеустановившимся въ то время, какъ у насъ на Руси, такъ и въ Западной Европѣ мнѣніемъ, что великими сибирскими рѣками слѣдуя вверхъ по ихъ теченію,

можно проплыть не только въ Китай, но и въ издавна служившую приманкою для всѣхъ государствъ богатую Индію.

Первымъ изъ русскихъ людей перевалившимъ „за Камень“ въ страну монголовъ былъ тарскій казакскій атаманъ Василій *Тюменецъ*, съ десятникомъ Иваномъ *Петровымъ*, бывшіе у Алтынъ-Хана Монгольскаго въ 1616 году. Фишеръ въ своей исторіи Сибири приводитъ довольно подробную выписку изъ отчета этихъ посланцевъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими за время слѣдованія къ „Золотому Царю“ и пребыванія у него¹⁾. Такъ, между прочимъ, пишутъ они: „изъ киргизъ мы Васько да Ивашко ѣхали до золотова Царя конемъ мѣсяцъ; а ѣхали мы отъ киргизъ десять день каменными горами (Саянскими) и бывали полаты (т. е. палаты, постройки), а нынѣ то мѣсто пусто. Имъ Васькѣ и Ивашкѣ про тѣ полаты сказывали что де тутъ живали Китайскіе и золотова Царя люди. А къ золотому Царю мы Васько да Ивашко пришли за недѣлю до Дмитріевской субботы (т. е. до Дмитрія Солунскаго—26 октября); а жили у Царя восемь день, а царь золотой отпустилъ насъ отъ себя въ Митревскую субботу. А какъ шли мы къ Золотому Царю, проѣхали трои свѣжныя горы; а гдѣ Царь кочуетъ тутъ свѣгъ и зима не бывають; а наѣхали мы Золотова Царя у озера а имя ему тому озеру Убса“.

Не останавливаясь на подробностяхъ донесенія нашихъ посланцевъ, скажемъ лишь о томъ, что приняты они были Алтынъ-Ханомъ съ должнымъ уваженіемъ и много угощаемы. Исполняя свою посланническую миссію, Тюменецъ и Петровъ, не упускали случая провѣдать чрезъ Алтынскихъ людей и о дальнихъ странахъ, и о мѣстныхъ обычаяхъ. „А избы у него (т. е. Алтынъ-Хана)—писали Васько да Ивашко, подстяные, а кочуетъ де на верблюдахъ. А бой у Золотова Царя лучной. И были де у золотова Царя иныхъ государствъ люди, и про тѣ де государства, они Васько да Ивашко спрашивали. И они имъ сказывали, есть де у нихъ Китайское государство, и Царь де у нихъ есть, а имя ему Тайбынь. А Китайское государство стоитъ на край губы морской (т. е. Желтаго моря и Пачилійскаго залива); а городъ де кирпичной, а около де городу ходу конемъ десять день (Пекинъ?). А бой де у нихъ въ Китайскомъ государствѣ пищали и пушки. А подъ Китай де приходятъ суды большіе парусами, а на нихъ де люди торговые, а на судяѣ де человекъ до двѣсти и по триста. А платя де они (китайцы) носятъ съ бухарской статьи. Ходу де до Золотова Царя до Китая конемъ мѣсяцъ; а рѣкъ де большихъ нѣтъ, а мѣсто де ров-

¹⁾ „Алтынъ“ въ переводѣ значитъ—золотой; Ханъ—Царь, владѣлецъ.

ное, а горь вѣтъ..... Да были у золотова Царя Топинскаго (Японскаго?) государства люди, и они Васько да Ивашко про то Топинское государство спрашивали, а они имъ сказывали, что у нихъ-де Топинскомъ Государствѣ два царя (духовный и свѣтскій?), а города у нихъ каменные и деревянные; а бой въ Топинскомъ государствѣ пищали и пушки.... да Калханскаго царя люди (т. е. одного изъ Халхасскихъ монгольскихъ владѣльцевъ) сказали имъ что у нихъ царь есть, а царство де у нихъ кочевное, а кочуютъ на верблюдахъ, также какъ и Алтынъ-царь кочуетъ; а бой у Калханскихъ людей лучной....“

Когда Алтынъ-хану переданы были казаками отъ Московскаго Царя Михаила Феодоровича подарки и сказано Царское милостивое слово—„Золотой царь и желтова царя (Манчжурскаго?) князь Кошучукъ говорили:—„рады де мы бѣлому великому Государю служити и прямити“. И на томъ Государю шертвовали и вѣру утвердила по своей бусорманской вѣрѣ, подымали на руки чесно своего бога и со всѣмъ Кутухтинымъ крылосомъ. И послѣ того царь-золотой намъ сказалъ про Кутухту—„то де у насъ по нашей вѣрѣ святой, а присланъ-де онъ отъ Кута изъ Лабинскаго государства (т. е. отъ Далай-Ламы); а какъ де тотъ Кутукта родился, и онъ де грамотѣ умѣлъ, да жилъ де онъ отъ рожденія своего три годы, да умеръ; да лежалъ-де онъ въ земли пять лѣтъ мертвъ, да ожилъ-де, да опять по старому и грамотѣ умѣть сталъ, людей своихъ по старому сталъ знать, а у того Кутукты по своей вѣрѣ боги ихъ и кононика и книги“ и т. д. и т. д.

Ограничиваясь этимъ въ выпискахъ изъ показаній казацкаго атамана Тюменца съ десятникомъ Петровымъ, скажемъ что возвратились они назадъ не одни, а съ таковыми-же посланцами отъ Алтынъ-хана¹⁾.

Посольство этихъ двухъ казаковъ, однако-же мало повидимому удовлетворило любознательность сибирскихъ воеводъ и Московскаго правительства, хотя въ общемъ добытые ими свѣдѣнія, по тому времени нельзя не признать довольно обстоятельными.

Въ слѣдующемъ-же 1619 году изъ Томска, по приказу Правительства, былъ вновь командированъ томскій казакъ Иванъ *Петлинь* съ товарищи, „провѣдывать про Китайское Государство и про Обь рѣку великую и про инья государства“.

Нужно имѣть въ виду, что въ тѣ времена не только у насъ, но и вообще въ Европѣ были самыя смутныя понятія о внутренней Азіи, Китаѣ, Бухарѣ, Индіи и проч. Большинство тогдашнихъ за-

¹⁾ Фишеръ. Сибирская Исторія, кн. 2-я, отд. 2-е. С.-Пб. 1774 г.

падныхъ ученыхъ было убѣждено, что кратчайшій морской путь изъ Европы въ Индію лежитъ вокругъ Сибири по Карскому морю, Ледовитому и Восточному океану; начало послѣдняго предполагалось не далѣе устья р. Енисея. Другіе ученые предполагали, что еще лучше проникнуть въ Китай и Индію рѣкою Обью, истоки которой тогда думали доходить до этой страны. Отсюда понятны настойчивыя экспедиціи англичанъ и голландцевъ къ сѣверу Сибири въ цѣляхъ проникнуть этимъ путемъ въ Китай, Японію и Индію; экспедиція въ 1553 году Ченслера въ Бѣлое море, Стефана Бурро къ Новой землѣ и Вайгачу въ 1555 году, Джаксона въ 1580 году, голландца Корнилія Ная къ полуострову Ялмалъ чрезъ Карское море и Югорскій шаръ въ 1594 году, Баренца, обогнувшего Новую землю въ 1595 году; ходатайство англичанина Джона Мерикса о дозволеніи ему основать вольную торговлю по р. Оби съ Индіей въ 1614 году и проч. и проч.¹⁾

Понятно, что и Московское правительство, занявши чрезъ Сибирь сѣверо-западную часть Азіи, не могло отнестись равнодушно къ сказаннымъ поискамъ ближайшаго воднаго пути въ Индію и Китай чрезъ Сибирь и ея многоводныя рѣки. Ревниво слѣдя за попытками иностранцевъ, наше правительство въ свою очередь старалось всѣми мѣрами обследовать берега Ледовитаго океана и истоки Сибирскихъ рѣкъ Иртыша, Оби, Енисея. Сибирскимъ воеводамъ было строго наказано провѣдывать можно-ли плавать сѣвернымъ моремъ и не проникають-ли уже этимъ моремъ англичане и голландцы въ Индію, не завели-ли въ ущербъ Московскому правительству, обратившему сибирскую пушнину въ свою регалію, какихъ-либо торговыхъ сношеній съ сѣверными инородцами и т. д. Въ одномъ изъ тогдашнихъ посланій Московскаго правительства въ Сибирь читаемъ: „сибирскіе-де служилые и торговые люди сказывали про великую рѣку — ходять-де тою великою рѣкою суды большіе, и колоколы-де на нихъ великіе есть, и звонъ де они слышатъ часто и изъ пушекъ де съ тѣхъ большихъ судовъ стрѣляютъ; а какіе люди и какихъ вѣръ и изъ которыхъ земель или государствъ въ которые земли и въ государства ходять и съ какими товары, или воинскіе люди, того-де они не вѣдаютъ“.... и т. д. и т. д.²⁾ А потому наказывалось сибирскимъ воеводамъ, чрезъ служилыхъ людей „провѣдывать тою великою рѣку“ и дознать есть-ли на ней „лѣсъ угрожей судовой“ и „въ какихъ судахъ можно на тою великою рѣку подняться.... до коихъ мѣсть,.... и прямо ли (это) рѣка или море, или переулъ морская; да буде (это) рѣка.... по обѣ стороны рѣки смотрѣть какіе у тою великіе рѣки бе-

¹⁾ Магаз. Землев. и путеш. изд. Н. Фролова т. 4-й. М. 1855 г.

²⁾ Дѣло, повидимому, шло о рѣкѣ Амурѣ съ ея притоками.

рега и есть-ли на нихъ какіе выметы и есть-ли какіе угожіе мѣста и лѣсъ который-бы къ судовому и ко всякому дѣлу пригодился; или горы и какіе горы, каменные-ли и сколько высоты.... и откуда та рѣка выпала и куда устьемъ и въ которую рѣку или море впала, и рыбная-ль рѣка, и какова въ ней вода, и мечеть-ли изъ себя какой звѣрь“.... и т. д. и т. д.¹⁾ Въ другомъ актѣ того времени читаемъ:—„казакъ-де Васька Пустозерець былъ-де на Обдори съ атаманомъ Иваномъ Боборыкинымъ въ толмачехъ для ясашнаго сбора и слышалъ.... пріѣзжали-де съ большого моря въ Карскую губу, въ дву корабляхъ люди, а бывъ въ Карской губѣ отѣхали въ море. А въ Карскую губу впала Мутная рѣка, которою прежь сего ѣзжали въ Мангазѣю торговые люди изъ Архангельскаго города съ большого моря малыми кочами“.... и т. д. и т. д.—А потому на первыхъ порахъ предлагалось—„послать изъ Тобольска межъ Мутныя и Зеленныя рѣки на волокъ, на заставу тобольскихъ служилыхъ людей 20 человекъ, да съ Березова атамана Ивана Боборыкина, да съ нимъ березовскихъ служилыхъ людей 24 человекъ, да въ вожахъ того березовскаго казака Ваську Пустозерца.... а разсмотря мѣста поставить острожекъ.... и быши въ томъ острожкѣ до Семена дни (1 сентября) или до Покрова (1 октября) и „караулы ставить крѣпкіе чтобъ Нѣмецкіе люди и Самоядь на тотъ острожекъ безвѣстно не пришли и дурна ни какова не учинили; и изъ того острожка посылати служивыхъ человекъ по пяти и по шести по перемѣнамъ къ морю водянымъ путемъ и сухими дорогами, откуда чаять проходу, провѣдывать про Нѣмецкихъ людей накрѣпко, чтобъ въ Сибирь, въ Мангазѣю нѣмецкіе люди водянымъ путемъ и сухими дорогами ходу не проискали“.... и т. д. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пока Московское правительство и сибирскіе воеводы путемъ „великаго стороженія“ и неоднократныхъ „провѣдываній“ береговъ и устьевъ рѣки Оби и Енисея и Обской губы и Тазовской, не убѣдились, что нѣмецкіе люди въ тѣ края ходить перестали, а моря тѣ устья и губы омывающія „зело студены“ и непроходимы.

Несравненно долѣе продолжались попытки провѣдать южныя водныя и сухопутныя пути въ Китай и Индію. Вслѣдъ за атаманомъ Тюменцемъ, какъ мы уже сказали, командированъ былъ провѣдывать про Китайское государство, про Обь рѣку и про иныя государства томскій казакъ Иванъ *Петлингъ*. Добъзжая записъ этого послѣдняго посланца настолько характерна, любопытна и обстоятельна по тому времени, что мы позволяемъ себѣ привести здѣсь изъ списка напечатаннаго Спасскимъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ за 1818-й годъ

¹⁾ Русск. Истор. Библ. т. II-я, № 121-я, 1875 г.

рядъ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ выписокъ¹⁾. По описанію Петлина, отъ Томска „до киргизъ“, въ тѣ времена ходу было 12 дней, причѣмъ приходилось переѣхать двѣ рѣки²⁾; „отъ киргизъ до р. Абакана (лѣваго притока р. Енисея) 6 дней, отъ Абакана до р. Кемчикъ (также лѣвый притокъ Енисея, носящаго здѣсь названіе Улу-Какъ) 9 дней; отъ Кемчика до большаго озера „гдѣ Иванъ Петровъ (спутникъ Тюменца) сказывалъ самоцвѣтъ камень“ 3 дня³⁾; а около его 12 дней ходу конемъ; да въ то-же озеро 4 рѣки пала; а всѣ тѣ рѣки текутъ въ озеро; а въ озерѣ воды не прибываетъ не убываетъ; да въ то озеро рѣка впала промежь востоку и сѣверу, имя Накесъ⁴⁾; а ходу по той рѣкѣ отъ озера до вершины, гдѣ царь Алтынъ сошелъ съ кочевьемъ 15 дней; а дорога итти все по камени⁵⁾; а отъ царя Алтына итти до улусовъ 5 дней, а улусъ зовуть Алгу-табуръ, а князь въ немъ Тармышенъ“... и т. д. Дальнѣйшій маршрутъ Петлина по современнымъ картамъ весьма трудно прослѣдить, такъ какъ названія урочищъ и обитателей тѣхъ странъ теперь совсѣмъ не тѣ, что были; да и неизвѣстно кто были при Петлинѣ переводчики, и на какомъ языкѣ передавались собственные имена этихъ урочищъ и обитателей. Судя-же по тому что въ числѣ этихъ именъ встрѣчаются—Часакты, Кегень, Чечень-Ноёнъ, Бушукты, Малчи-кагунъ и проч., нужно думать, что путь Петлина шолъ близъ обычнаго и въ настоящее время пути чрезъ Монголію и Гоби на Калганъ и Пекинъ. Отсылая интересующихся къ подлиннику, остановимся на болѣе характерныхъ описаніяхъ видѣннаго и слышаннаго Петлинымъ на пути по Монголіи и Китаю. „А земля Мугальская, пишетъ нашъ путешественникъ, велика, долга и широка; отъ Бухарь и до Моря; а города въ Мугальской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ роскаты; а съ исподи у городовъ кладенъ камень сѣрой, а къ верху кирпичъ у воротъ у городовыхъ исподъ такожь, что въ русскихъ городахъ, а на воротахъ на городовыхъ на башнѣ колоколь пудовъ въ двадцать; а башни крыты образцами (изразцами) кирпичными; а дворы въ мугальской землѣ кирпичные на четыре угла, а ограды кругъ дворовъ высоки, а на дворѣхъ палаты не высоки кирпичныя, а у палатъ подволоки выписаны травами, разными красками зѣло урядно, не хочется изъ

¹⁾ Сиб. Вѣсти. 1818 г. час. II-я. Путешествіе сибирскаго казака Ивана *Петлина* въ 1620 году. Подъ заглавіемъ: „Роспись Китайскому государству и Обинскому и инымъ государствамъ жилымъ и кочевымъ улусамъ и великой Обѣ рѣкѣ и дорогамъ“.

²⁾ Названій не приведено.

³⁾ Несомнѣнно это озеро Убса.

⁴⁾ Тессъ.

⁵⁾ По хребту Танну-ола.

палать и выйти. Да въ той-же мугальской землѣ стоятъ два храмы Лобинскіе¹⁾ кирпичные; по коихъ мѣсть сдѣлаютъ храмы клинчатые, а стоятъ храмы дверьми промежъ востокомъ и полуднемъ, а на храмѣхъ крестовъ нѣтъ, стоятъ на нихъ звѣри каменные невѣдомо какіе; а какъ влѣзешь во храмы, неизрѣченное чудо: противъ дверей сдѣять три болвана великіе женской полъ сажени по полутретьи вызолочены сусальнымъ золотомъ съ головы и до ногъ, а сидятъ на дверяхъ каменныхъ въ сажень высоко; а двери всякими образцы выкрашены разными красками; а въ рукахъ болваны тѣ держатъ по горшечку съ кашею, а передъ ними горятъ свѣщи негасимыя съ саломъ говяжьимъ; а на правой сторонѣ во храму стоятъ восемь болвановъ мужской полъ, а на лѣвой сторонѣ стоятъ восемь-же болвановъ всѣ дѣвки, а вызолочены съ головы и до ногъ, а руки протянули что поклониться хотять, какъ кланяются мугальскіе люди болванамъ; а по сторонѣ тѣхъ болвановъ стоятъ два болвана нагихъ, какъ бытъ человекъ въ тѣлѣ живъ не узнаешь издали что тѣло человѣческое или глина, какъ бытъ человекъ; а передъ ними стоятъ свѣчи тонкіе что солома, а горятъ безъ огня углемъ; а поютъ въ тѣхъ храмахъ въ двѣ трубы великія сажени по полторы и какъ затрубятъ въ трубы да стануть бити въ бубны, да упадутъ на колѣни, да руками силеснуть, да онятъ размахнуть, да падутся о средѣ, да на средѣ лежать съ полчаса, а въ тѣ поры какъ поютъ, идти во храмъ такъ великъ страхъ человекъ изыметъ и неизрѣченное диво во храмѣхъ; а крыты тѣ храмы образцами кирпичными“.

„А хлѣбъ въ мугальской землѣ родится всякій: проса, пшеница, рожь и ярица, и ячмень и овесъ и иныхъ сѣмянъ всякихъ много, только мы не знаемъ; а калачи бѣлы добры; а овощи въ мугальской землѣ и сады всякіе есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ и иные всякіе овощи“.

„А люди въ мугальской землѣ мужской полъ нечисты (неопрятны, грязны), а женскій добръ чистъ; а платье носятъ по своей вѣрѣ бархатное и камчатое, а ожерелье у кафтановъ у мужчинъ и у женщинъ большіе по плѣчатъ; а вино курятъ въ мугальской землѣ изъ хлѣба безъ хмѣлю. Каменья дорогова и жемчугу и золота нѣтъ, а серебра много, а идетъ серебро изъ Китая. А сапоги носятъ своимъ образцомъ; а лошадей добрыхъ нѣтъ; а катырей²⁾ и ишечинковъ много; а срютъ плугомъ и сохами, также что у тобольскихъ тарарь, а бороны узкіе и долги“.

„А Кутухты у нихъ, а по нашему Патріархъ, а только въ мугальской землѣ два Кутухты, одинъ въ 20 лѣтъ, а другой въ 30 лѣтъ, нѣтъ ни усы ни бороды; а въ храмѣхъ у нихъ сдѣланы мѣста,

¹⁾ Ламайскіе—буддійскіе.

²⁾ Муловъ.

башни стоятъ по стрѣльбищу (на разстояніи выстрѣла). И мы у китайскихъ людей разспрашивали для чего та стѣна дѣлана отъ моря и до Бухарь и башни стоятъ на стѣнѣ часто? и китайскіе люди намъ сказывали, та де стѣна ведена отъ моря и до Бухарь потому что двѣ земли—одна земля Мугальская а другая Китайская, что промежь землями рубежь, а башни де потому часто стоятъ на стѣнѣ, какъ де прійдутъ какіе военскіе люди подъ рубежь, и мы де на тѣхъ башняхъ зажигаемъ огонь чтобы люди наши сходилися по мѣстамъ, чье гдѣ мѣсто по стѣнѣ и по башнямъ¹⁾. А съ приходу къ рубежу живутъ обстѣну черные мугалы, а за рубежемъ земля и города китайскіе, а сквозь ту стѣну рубежа въ китайскій городъ Широкалгу (Калганъ?) пятеры ворота подъ одну башню, а въ той башнѣ сидитъ дьякъ отъ Царя китайскаго Табуна (династія Да-Биянь?), а посланъ досматривать грамоты и печати отъ княгини Малчикатуни²⁾; а ворота проѣздныя узки и низки, на конѣ наклонясь проѣдешь, а кромѣ тѣхъ воротъ у рубежа на стѣнѣ иныхъ нѣтъ; а изъ всѣхъ государствъ ѣздить въ тѣ однѣ ворота въ городъ Широкалгу; а за рубежемъ стоитъ о стѣну китайскій городъ каменной, а имя городу Широкалга, а воевода въ немъ князь Шубинь³⁾, посланъ отъ царя Табуна на время; а городъ хорошъ и высокъ и мудръ дѣломъ, а башни также что Московскія высоки, а въ окнахъ пушки и по воротамъ и по башнямъ и по стѣнамъ стоятъ; а какъ солнце за лѣсъ закатится и караульщики изъ трехъ пищалей выстрѣлятъ трижды; а города не отпирають по утру до шестого часу дня. А въ городѣ ряды многіе со всякими товары, а въ рядѣхъ лавки каменные, выкрашены всякими красками и рѣзными травами выписаны, а товары въ лавкахъ всякіе, кромѣ суконъ, бархатовъ и камокъ, на золотѣ съ шолковыхъ много всякихъ цвѣтовъ, а каменя дорогова нѣтъ и овощей всякихъ сахаровъ разныхъ и гвоздики, корицы, анису, яблоковъ, дыней, орбузовъ, огурцовъ, луку, чесноку, рѣдьки, моркови, постарнаку, капусты, маку, рѣпы, мушкату, фильяку, миндальные ядра, инбирь, ревень и иныхъ овощей много, которыхъ мы не знаемъ какіе они; есть и харчевни и кабаки; а на кабакахъ питья разные, а ярыжекъ и жонокъ блядокъ много; а тюрьмы каменные стоятъ порядкомъ; а за татьбу у нихъ вѣшаютъ, а за разбой

¹⁾ Нѣчто подобное, какъ извѣстно, предпринималось и у насъ въ XVIII столѣтіи на такъ наз. Украинской и Царицинской линіяхъ; а потомъ на Горькой и Прѣсногорьковской линіи между Омскомъ, Петропавловскомъ и Звѣрино-головскомъ; хотя въ концѣ концовъ свелось только къ возведенію маленькихъ крѣпостей, форпостовъ, редутовъ и маяковъ съ вышками, на которыхъ зажигались по ночамъ пуки хвороста, при прорывѣ киргизъ черезъ границу.

²⁾ Правительницы предстѣннаго монгольскаго аймака.

³⁾ Шу-Бинь.

какъ придуть во храмъ да сядуть по мѣстамъ; а по ихъ вѣрѣ имъ кутухтамъ и цари поклоняются; а то солгано что Кутухта умеръ да въ землѣ лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ, и то враки Ивана Петрова: человекъ де умереть и какъ де опять оживеть¹⁾. Да по ихъ языку лобы²⁾, то у нихъ старцы, а постригаются лѣтъ въ десять, а блуда женскаго не знаютъ отъ матери; а бороды и усы шиплютъ и брѣютъ, а ходять безъ штановъ, а мясо ѣдятъ во вся дни, а манатыи у нихъ камчатые, разные цвѣты, а боры у манатей что у нашихъ старцевъ, а клубуки у нихъ желтые; а говорятъ такъ: ваша де вѣра одна съ нашей была, а ваши-де старцы черные, а наши де бѣлые, а того де мы не вѣдаемъ, какъ наша вѣра отъ вашей отскочила³⁾.

А за мугальскою землею и Бухарамъ есть три государства *Ортурское*⁴⁾, а царь (князь) въ немъ Юкананъ, а городъ сказываютъ каменной и царство богато; второе царство *Тангутское*, а царь въ немъ Суланчикъ, а городъ сказываютъ каменный и царство богато-же всею⁵⁾; третье царство словоъ желѣзное, а городъ Шаръ, а въ немъ царь Темиръ (т. е. желѣзный), а царство сказываютъ богато, а отъ Бухаръ недалече изъ того государства отъ желѣзна царя идетъ въ Китайское государство камень алмазъ⁶⁾; а тѣ три государства подъ полднемъ стоятъ. А по другую сторону черныхъ мугаль живугъ *желтые* мугалы (манчжуры?) и до моря городовые и кочевые⁷⁾.

А отъ мугальской земли отъ Малчикатуна города до китайскаго крыма (кремля—каменной стѣны) до рубежу, ѣзды конемъ два дня, а рубежная стѣна пошла подъ полдень къ Бухаромъ, два мѣсяца ходу до Обдоры-царя; а городъ у Обдоры-царя деревянной, а царство сказываютъ велико и богато, а другой конецъ того царства пошолъ на востокъ до моря четыре мѣсяца ходу; а стѣна ведена кирпичная (великая китайская стѣна), а мы сочли по рубежной стѣнѣ по обимъ концамъ башенъ со сто, а къ Морю и Бухаромъ сказываютъ башенъ многое множество, а башня отъ

¹⁾ Здѣсь очевидно говорится объ упомянутомъ ранѣе спутникѣ атамана Тюменца, казака Иванѣ Петровѣ, ведшемъ дневникъ путешествія къ Алтынъ-Хану. Отзывъ Петлина о Петровѣ нельзя не признать рѣзкимъ, ибо Петровъ, говоря о перерожденіи кутухты, говорилъ не о своемъ вѣрованіи, а о монгольскомъ, гдѣ и до настоящаго времени твердо держится вѣра въ то, что кутухты умирая, вновь воскресаютъ въ измѣненномъ видѣ.

²⁾ Ламы — монахи.

³⁾ Это несомнѣнно Ордосъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ современныхъ намъ монгольскихъ аймаковъ въ большомъ изобѣ рѣки Хуанъ-хе.

⁴⁾ Это тегереншій провинціи Куку-норъ и прославленная покойнымъ Прижевальскимъ страна Тангутонъ.

⁵⁾ Упоминаемое здѣсь государство, повиднмому, нынѣшній Кашгаръ, или такъ называемый Алты-шаръ, съ городами Карашаръ, Янгшаръ, Янгшисаръ, Аксу, Кашгаръ и проч.

на колъ сажаютъ и головы сѣкутъ, а за прописку¹⁾ руки сѣкутъ“.

Далѣ идетъ описаніе сосѣднихъ, лежащихъ на пути къ столицѣ Богдыхана, городовъ—Широ (?), Яръ (?), Тайма²⁾ (?), повторяющее отчасти то, что было сказано о первомъ китайскомъ городѣ Широкалганѣ съ прибавкою—„а въ томъ городѣ торги прежняго города сильнѣе“ и т. д.

Остановимся на описаніи „Бѣлово города“, до котораго отъ Тайма города два дня ѣзды. „А тотъ городъ каменной, бѣлъ что снѣгъ... и великъ и высокъ, а сказываютъ кругомъ де того города ѣхати три дня, а съ прѣзду у того города трои ворота высоки и широки, а тѣ ворота подъ одну башню, а затворы желѣзные, гвоздѣемъ убиты чернымъ, а пушки по башнямъ и по воротамъ великія и ядра пушечныя по два пуда и иного всякого ружья много и караулы противъ прежнихъ городовъ и лавки въ томъ городѣ отъ воротъ до воротъ, а на лавкахъ избы и палаты каменные, противъ тѣхъ лавокъ улицы кладены каменемъ сѣрымъ, а лавки и дворы всѣ каменные, а передъ лавками рѣшетки деревянные выкрашены всякими красками, и лавки и полаты крыты образцами (изразцами) кирпичными, а подволоки у избъ и у палатъ и у лавокъ выписаны всякими разными красками, а по стѣнамъ стоятъ образцы писаны на толстой бумагѣ, а подъ тѣ образцы подкладываютъ камки и бархаты; а во храмѣхъ у нихъ образцы или болваны дѣланы глиняные и вызолочены съ головы и до ногъ сусальнымъ золотомъ, какъ и въ Мугальской землѣ: страхъ отъ нихъ изыметь! а во храмы смотрѣть пускаютъ всякихъ людей; да у нихъ-же мы видѣли въ Бѣломъ городѣ какъ соруженъе храма собираютъ: ходятъ три человѣки порядкомъ, два человѣки постукиваютъ палочками въ колоколець деревянной, а третьей человѣкъ образъ носить за плечми, да такожь стучаетъ въ колоколець, а образъ великъ и широкъ, а у образовъ подноси вѣтъ, а писаны образы мудрено. Да въ томъ-же городѣ видѣли попугаевъ и навы и соколовъ носятъ сокольниковы и карлы, а тотъ городъ тѣхъ городовъ всякими товары и узорочьи и овощи и харчами полнѣе; а воеводы въ немъ князь Тайванъ, да князь Суланъ, и тѣ воеводы какъ поѣдутъ куда нибудь ко храму или гулять и передъ ними идутъ человѣкъ по двадцати съ протазаками и съ алебарды, а батожниковъ человѣкъ по тридцати, а говорятъ такъ: окъ!-окъ! а по русски то: бѣги-бѣги; а надъ воеводами несутъ солничники³⁾ великіе камчатые тельные; да въ томъ-же городѣ четыре кабака большіе“.

„А отъ Бѣлово городу ходу два дня до большова Китая гдѣ

¹⁾ Подлогъ.

²⁾ Очевидно переводчики, сопровождавшіе Петлина были знакомы по преимуществу съ татарскимъ языкомъ и переводили всѣ китайскія названія на татарско-арабско-турецкій ладъ.

³⁾ Солнечные зонты.

самъ царь Тайбунъ. Городъ великъ и высокъ; каменной, бѣлы что снѣгъ, а стоитъ на четыре угла, кругъ его ѣзду четыре дни, а по угламъ стоятъ башни, а по средѣ стѣны великія и высокія; а бѣлы что снѣгъ, съ подзоры разныхъ красокъ, а на башнѣхъ по окнамъ и по воротамъ стоятъ пушки великія и караулы по воротамъ стоятъ по двадцати человѣкъ. Да въ томъ-же большомъ Китаѣ стоитъ магнитовой городъ, гдѣ самъ Царь Тайбунъ живетъ¹⁾. А городъ магнитовой гдѣ самъ Царь Тайбунъ живетъ украшенъ всякими узорочьи мудрыми, а дворъ царской стоятъ среди города Магнитова, а у палатъ верха золочены. А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали потому что идти къ Царю не съ чѣмъ, а мнѣ посольскій дьякъ сказалъ: „у насъ-де чинъ таковъ держать, безъ поминковъ-де передъ царя нашего Тайбуна не ходятъ, хотя-бы съ вами Царь Бѣлый послалъ къ нашему Царю Тайбуну не великіе дары, и васъ-бы де пословъ съ поминками нашъ Царь пустилъ къ себѣ и послалъ-бы къ нему свои дары; не то дорого что нашъ царь пустилъ къ себѣ, но то дорого что Бѣлый Царь къ нашему Царю послалъ-бы дары, да и васъ-бы пословъ пожаловалъ да отпустилъ; полно-де Царь нашъ дастъ вамъ грамоту къ вашему Царю“. А городъ китайской стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а кругомъ его рѣка²⁾, имя ей Юхо, а течеть въ море Чермное³⁾: до моря отъ большого Китая подъ стѣну не ходятъ съ товары, а ходятъ въ малыхъ судѣхъ въ шнякахъ, и тѣ товары Царь Тайбунъ разсылаетъ по всѣмъ своимъ городамъ Китайскаго государства, а изъ Китайскаго государства изъ городовъ, тѣ товары идутъ за рубежъ въ Мугальскую землю и къ Алтынъ Царю и въ черные калмыки и въ иныя во многія земли и государства и въ улусы и къ желѣзному царю въ Шаръ городъ подъ Бухары; а отъ рубежа съ тѣми товары ѣздить изъ Ортульскаго государства кутухты и лабы, а изъ Китайскова государства изъ жолтыхъ мугаль и отъ Малчикату китайскіе люди и Малчины и Кутухтины люди со всякими товары: съ бархаты, и съ атласы и съ камками и съ серебромъ и съ барсы и съ ирбзы съ черными зендеями по всѣмъ государствамъ за рубежъ, и на тѣ товары мѣняють и покупають лошади и тѣ лошади идутъ въ Китайское государство, а изъ Китайскаго Государства идутъ за море въ Манци, а по нашему въ Нѣмцы⁴⁾; а серебро у нихъ кри-

¹⁾ Несомнѣнно дѣло идетъ о Пекинѣ, состоящемъ, какъ извѣстно, изъ нѣсколькихъ городовъ, окруженныхъ каменными стѣнами; внѣшній городъ (китайскій), внутренний (манчжурскій), Императорскій и Пурпуровый (запрещенный)—резиденція Богдыхана.

²⁾ Каналь.

³⁾ Т. е. желтое, Пичилийскій заливъ.

⁴⁾ Т. е. за границу.

дами (слитками), крицы по пятьдесятъ рублей и по пяти и по три и по два рубля и въ гривну, а по нашему рубль и въ гривну, а по ихъ лань (лань). А люди въ Китайскомъ государствѣ мужской полъ и женскій чисты, а платье носятъ своимъ образцомъ, рукава широки что у лѣтниковъ подъ исподомъ полукафтанье по русскому. А людей въ Китайскомъ государствѣ торговыхъ и военныхъ множество, а бой у нихъ огненный, а люди китайскіе къ воинскому дѣлу *роб-ливы*, а воюютъ они съ мугалы съ желтыми¹⁾, а у мугалъ бой лучной²⁾.

Не забылъ, конечно, нашъ посланецъ разспросить по пути и въ самомъ Китаѣ про великую Обь рѣку, откуда она взялась и не приѣзжали-ли къ нимъ по ней нѣмецкіе люди и проч., какъ наказано было отъ воеводъ и правительства.

„Да разспрашивали мы (пишетъ Петлинъ) у посольскаго дьяка про великую рѣку Обь, и онъ намъ сказалъ: „о той-де большія рѣки не слышали и не знаемъ“—А изъ-за моря де къ намъ приѣзжаютъ Манчи на корабляхъ по всякой годъ какъ свѣтъ сталь со всякими товары, а того-де я не знаю устья-ли Обскаго они ищутъ или съ торгомъ приѣзжаютъ“.

„А про разбойной-де корабль ино у насъ въ Китайскомъ государствѣ не слышали, у Манцовъ гдѣ-бы на морѣ корабль разбило..... „А Манчи къ намъ приѣзжаютъ съ Чернаго³⁾ моря съ востокъ и съ полудня, а тово я не слышалъ и не вѣдаю куда Нѣмцы ѣздить дороги провѣдывать“.

„Да намъ-же въ Иркутскѣ сказалъ въ Калганѣ братской мужикъ (т. е. бурятъ) татаринъ Керуленъ, про Обь рѣку въ великую рѣку великая имя ей Караталь, а впадаетъ въ рѣку въ улусы Кальча, а на вершинѣ де той рѣки Караталь живетъ съ своими людьми, а та рѣка Караталь въ великую впала, у тое де мы великія рѣки не знаемъ; выпала де она изъ моря опять впала въ то-же море промежъ сѣвера и юга. Каратала де на той рѣкѣ стоятъ два города Братскіе (бурятскіе); земля жилая, а назъ по Братскіе-жъ, а изъ-за тое великой рѣки приѣзжаютъ со всякими товары и мѣняють съ нами и съ Саяны, и на лосины и на соболи и на бобры и намъ даютъ“.

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что проѣздъ Петлина въ Китай съ началомъ войны китайцевъ съ манчжурами, предводитель ко-го объявилъ уже себя родоначальникомъ новой царствующей династии, хотя продолжалъ еще проживать большею частью въ Мукденѣ, свою столицу изъ одного города въ другой.

²⁾ Т. е. Чернаго или Желтаго.

³⁾ Повидимому, это р. Керуленъ, составляющая часть рѣки, впадающей въ Амуръ. Рѣка эта вмѣстѣ съ Аргунью, впадаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, тянется

X

бархаты и зендени черныя, да опять за ту де рѣку и пойдуть“. Да тотъ-же мужикъ сказывалъ: „слышалъ-де я у своихъ людей братскихъ бѣжало де великое судно съ низу, а на томъ суднѣ высоко ни вѣсть что было¹⁾); да набѣжало на несокъ да и разбилось, а мы де такова судна велика и хороша на той рѣкѣ не видали и не слыхали; а того мы не вѣдаемъ куды то судно шло въ Китай или иную землю; а Китай де у насъ на той рѣкѣ близко“.

Съ этими вѣстями Петлинъ и вернулся на Русь. Не знаемъ насколько они удовлетворили посылавшее его правительство; что-же касается обыкновенной „публики“, то по свидѣтельству неоднократно упоминаемаго выше Сибирскаго лѣтописца и географа боярскаго сына Ремезова, переписанный многими „доѣздъ“ Петлина „и до днесь“, т. е. до конца XVII ст.—, въ Тобольску у снискателей“ съ любопытствомъ читался²⁾.

Вскорѣ послѣ Петлина, именно въ 1620 году (нужно думать еще до возвращенія его въ Томскъ), были командированы въ Монголію къ Алтынъ-хану голова *Шарыгинъ* и ранѣе того ѣздившій туда казакскій атаманъ *Василій Тюменецъ*. Въ 1634 году туда-же ѣздилъ боярскій сынъ *Яковъ Тухачевскій*; въ 1636 году Томскій боярскій сынъ *Степанъ Гречанинъ*; въ 1637 году боярскій сынъ *Бажень Карташовъ*, и въ 1638 году Томскій боярскій сынъ *Василій Спарковъ* впервые вывезшій на Русь китайскій чай³⁾.

Поиски истоковъ великой рѣки Оби закончились въ 1633 году, когда томскіе казаки, подъ начальствомъ боярскаго сына Петра *Собанскаго*, дающаго начало рѣкѣ Бѣй, одной изъ которыхъ образуется рѣка Обь. Названіе рѣки и мѣстныхъ инородцевъ (Телесовъ), обитавшихъ въ томъ мѣстѣ. Въ 1642 г. тотъ-же Собанскій съ атаманами вторично появляются на Телецкомъ озерѣ, гдѣ они тривають озеро, зимуютъ на немъ и возвращаются въ Томскъ, съ предложеніемъ заложить на полѣ у него съ Катунью острогъ, нынѣшній городъ Бійскъ.

русса?

Какъ и историографъ Карамзинъ, приписывали доѣзжую записку о томъ, атаману Ивану Петрову, ѣздившему „за Сибирь“ въ 1567 году. Это, ибо о поѣздкѣ Петрова, въ официальныхъ актахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ; „доѣздъ-же“ Петлина хранится и теперь въ Монгольскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Да и упоминаніе о томъ, что города Томска и Тобольскихъ татаръ очевидно доказываетъ, что ѣздилъ не до завоеванія Сибири, а послѣ основанія городовъ Томска и Тобольска.

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Монгольскія дѣла. Пущило 1879 года.

Въ этой статьѣ подъ названіемъ: „Бытность въ Монголіи Самсонова у царя Алтына въ 1636 году.“